

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Лисова Олеся Олеговна

**Информационная структура автобиографического нарратива
(на материале повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны
Ли, рассказанная ею самой»)**

Научная специальность: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Рогова Кира Анатольевна

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	3
<i>ГЛАВА 1. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА</i>	16
1.1 Антропоцентрический подход в современной лингвистике.....	16
1.2 Текст и дискурс. Нарративный дискурс и его когнитивный потенциал.....	21
1.3 Автобиографический нарратив как «зеркало» когнитивных процессов человека.....	26
1.4 Тройная эгоориентированность «Я» как жанрообразующая категория автобиографических произведений.....	32
1.5 Автобиографический нарратив: к проблеме поиска единицы анализа информационной структуры.....	37
1.6 Типы организации информации в нарративе и их роль в формировании текстовой стратегии.....	43
1.7 Повесть «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой»: жанрово-композиционное своеобразие.....	47
Выводы по первой главе.....	56
<i>ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМПОЗИЦИОННО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ЛИНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА</i>	59
2.1 Личная композиционно-тематическая линия.....	61
2.2 Семейная композиционно-тематическая линия.....	76
2.3 Социально-историческая композиционно-тематическая линия.....	92
Выводы по второй главе.....	107
<i>ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ НАРРАТИВА</i>	110
3.1 Мена композиционно-тематических линий.....	111
3.2 Совмещение композиционно-тематических линий.....	118
3.3 Роль фигуры комментатора в организации информационной структуры нарратива.....	127
Выводы по третьей главе.....	134
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	137
<i>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ</i>	142

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению особенностей речевой репрезентации композиционно-тематических единиц автобиографического нарратива и их роли в реализации тактик и стратегии текста.

В последние десятилетия автобиографический нарратив не покидает зону исследовательского интереса, становясь объектом исследования в философии [Гребенюк 2005; Ковыршина 2004, Щедрина 2018], социологии [Губина 1996], психологии [Бирюкова 2017; Нуркова 1998-2009; Преображенская 2007, 2009; Рягузова 2019, 2020; Сапогова 2005, 2006; Шлыкова 2006], истории [Куприченко 2006; Тульчинский 2019], литературоведении [Аверина 2019; Антюхов 2001; Июльская 2002; Местергази 2008; Нерсесова 2018, Пьянзина 2005; Зарецкий 2002] и др. В фокусе внимания лингвистов оказываются лексические и стилистические особенности автобиографической прозы [Белобородова 2000; Иванова 2005; Кованова 2005; Новикова 2006], жанровая специфика и вопросы описания субъектной структуры текста [Волошина 2008, 2014; Затеева 2016, Лежен 2000, 2006; Николина 2002; Романова 2003; Романова 2006; Сапожникова 2012].

Исследователи уделяют особое внимание изучению соотношения когнитивного и исторического в автобиографических нарративах, в которых «память реализуется одновременно и в качестве индивидуальных воспоминаний и как материал для исторического исследования» [Щедрина 2020:40]. Рассматривая феномен автобиографической памяти, В. В. Нуркова отмечает, что «по своей сути она повествовательна» [Нуркова 2000: 23], рассказывание историй при этом является главным способом, «каким людям удаётся упорядочить и осмыслить окружающий мир» [Трубина 2002: 3]. Повествование позволяет человеку осмыслять происходящее, а «повествовательные структуры пронизывают собой все наши представления» [Каллер 2006: 94]. Память играет особую роль в реконструкции внутреннего повествователя, поскольку «процесс самоидентификации личности есть по существу процесс нарративизации памяти» [Переходцева 2013: 3]. Такая связь обуславливает интерес ученых к нарративу как

форме языковой фиксации и трансляции памяти [Тивьяева 2016-2020], а также как способу представления своей «концептуальной системы» через соединение «когнитивной реальности памяти с процессами номинации, предикации и эгореференции» [Нюбина 2010а: 46]. Автобиографическое произведение обращено к аксиосфере [Бирюкова 2017; Нюбина 2010], а ценности, в свою очередь, помогают нам познать языковую личность в контексте культуры [Карасик 2004]. Через автобиографический текст человек вспоминающий, двигаясь в «неоднородном и фрагментарном пространстве мировоззренческих установок, культурных традиций, логики взаимодействия общественного и индивидуального, духовного и материального», осуществляет рефлексия и «представляет свой субъективный мир, запечатлевший сумму фактов, событий и впечатлений» [Нюбина 2010б: 114].

Таким образом, конечной целью изучения автобиографического текста должно стать рассмотрение его как «целого», а не обращение к отдельным аспектам анализа: это ставит вопрос выбора речевых единиц как типов, однородных форм словесной композиции, подлежащих систематизации, и выявления способов их объединения в композиции целого произведения [Виноградов 1980: 70].

В настоящее время учёные предлагают разные подходы к выделению композиционных единиц нарратива: в частности, применяется подход У. Лабова [Labov 1972; Chafe 1994; Hooper 1998], развивается модель «риторической структуры» дискурса [Mann & Thompson 1988], модель семантической структуры нарратива [Ван Дейк 2000], предлагаются другие схемы анализа нарратива [Burke 2018; Longacre 1983; Терехова 2015]. Интерес отечественных исследователей обращен к работе В. А. Плунгяна [Плунгян 2008], в которой он, опираясь на работы [Longacre 1992, Hooper 1998, Кибрик 2003] говорит о необходимости различения «не столько композиционных, сколько функциональных фрагментов нарратива» – пассажей. Пассажи (интродуктивный, секвентный, фоновый, ретроспективный, объяснительный) «отличаются друг от друга своей ролью в организации последовательности повествования», а при их смене стоит ожидать

«изменения грамматического оформления соответствующих фрагментов дискурса» [Плунгян 2008: 19-20].

Таким образом, единицу лингвистического анализа нарратива должны отличать, как минимум, два свойства а) определённый набор грамматических средств её речевого воплощения; б) способность служить для описания дихотомии «основная линия» – «линия фона». Кроме того, каждый жанр отличается неоднородностью с точки зрения пассажа, который используется чаще всего, и может быть описан как конфигурация разных типов пассажей: рассказ в первую очередь состоит из нарративных (секвентных) пассажей [Кибрик 2003: 23].

Отметим, что данная классификация может быть использована и при описании структуры автобиографического нарратива, однако она не учитывает две важные особенности данного жанра: 1) тесную связь с категорией памяти (личной, семейной, коллективной); 2) событийную и субъектную многослойность. Другими словами, в данном жанре дифференциация «основная линия – фон» становится затруднительной, поскольку основная линия может включать не только повествование о личной линии героя, но и рассказ о жизни близких людей, социальных групп, стран и народов. Кроме того, в научной литературе не представлен такой пример взаимодействия пассажей в структуре нарратива, который бы подтверждал их потенциал в реконструкции смысла текста при движении к финалу, что является определяющим в произведении, поскольку оно должно иметь «нечто вроде фокуса, то есть чего-то такого, к чему сходятся все лучи или от чего всё исходит. И этот фокус должен быть недоступен полному выражению словами» [Виноградов 1971: 187]. Следовательно, изучение формальной и смысловой структуры автобиографического текста требует разных единиц анализа: при изучении первой закономерно использование классификации пассажей, при описании второй – необходимо найти композиционно-тематическую единицу, которая, с одной стороны, обладает однородностью в выборе грамматических средств, с другой – позволяет учитывать категории «вне грамматики» (отбор событий, тем, действующих лиц, особенности репрезентации

внутреннего мира и включения фигур автобиографического «я в прошлом», «я в настоящем» и «я-наблюдателя»).

Таким образом, приведенный выше критический обзор научной литературы позволяет нам заключить, что при несомненном внимании исследователей к автобиографическому нарративу, в том числе и к его композиции, вопрос выделения лингвокогнитивной единицы композиционного анализа автобиографических нарративов требует своего специального изучения, что указывает на **актуальность** нашей работы.

В качестве **материала исследования** выбран текст А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой» (2022). А. Н. Архангельский – российский литературовед, литературный критик, публицист, писатель, ведущий программы «Тем временем» на канале «Культура». Отмечен премиями журналов: «Литературное обозрение» (1984), «Литературной газеты» (1990), «Знамя» (1996), «Новый мир» (1996), «Дружба народов» (1997). Лауреат премии «Книга года» (2013), российско-итальянской литературной премии «Москва-Пенне» (2013), литературной премии «Большая книга» (2018).

Текст, выбранный для анализа, посвящён жизни Инны Ли, дочери сооснователя компартии Китая и российской дворянки из рода Кишкиных. Инна родилась в СССР, в молодые годы жила в Пекине, где подверглась репрессии и заключению в спецтюрьму, позже была реабилитирована, пережила период китайских реформ и вернулась в Россию после перестройки. В отзыве на книгу «Русский иероглиф» С. Костырко верно замечает, что история героини оказывается для читателя «на редкость познавательной», поскольку он имеет возможность прикоснуться к «культурной революции» в Китае в изображении «свидетеля и активного ее участника» тех масштабных событий, которые происходили в Китае в 1966 – 1976 гг.: Инна Ли рассказывает о детстве; годах, проведённых в тюрьме, и после освобождения; о своём отношении к «культурной революции», которая, с её точки зрения, «была революцией, освободившей целые поколения от следования традиционным устоям китайской жизни, от конфуцианских добродетелей подчинения властям» [Костырко 2022]. И вот эта

внутренняя свобода стала точкой отсчёта для «коренных преобразований Китая, которые всего за тридцать лет смогли превратить Китай из полунищей страны в сверхдержаву» [Костырко 2022]. Кроме того, жизнь Инны Ли была тесно связана с СССР, так как её мать происходила из русской семьи, и героиня «на всю жизнь сохранила двуязычие и принадлежность к двум культурам» [Костырко 2022]. Данные особенности судьбы героини во многом объясняют её стремление передать своё восприятие исторической канвы – событий, участником или наблюдателем которых она являлась. Таким образом, рассматриваемый текст может быть использован как на занятиях по анализу текста, по стилистике, по синтаксису русского языка (в частности, при изучении особенностей функционирования односоставных и двусоставных предложений), так и на занятиях по межкультурной коммуникации при рассмотрении культурных и исторических особенностей двух стран.

В предисловии к изданию повести А. Н. Архангельский отмечает, что выбор героя для серии «Счастливая жизнь» (куда вместе с анализируемым текстом входят книга «Несогласный Теодор» о крестьянине и социальном работнике Теодоре Шанине и книга «Русофил» о слависте Жорже Нива) не был случайным: это тексты «о реальных людях, наших современниках, живущих счастливую жизнь сквозь трагедии XX и XXI веков...История на фоне частной жизни, частная жизнь на фоне истории» (Здесь и далее в работе анализируемый текст цитируется по: *Архангельский А. Н. Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой. М.: – Издательство АСТ, – 2022. С.7)*

А. Н. Архангельский сам указывает на основной объект изображения, конфликт повести – это «человек» и «фон»: каким образом человеческая жизнь оказывается вписанной в историю, а история оказывается пропущенной сквозь призму человеческого сознания, как можно стать «китарусскими интеллигентами, которые считывают грандиозную политическую историю сквозь мелкие детали быта и личные быденные обстоятельства» [там же: 9], но главный вопрос (или ответ) обозначен в наименовании цикла («Счастливая жизнь»): мы понимаем, что жизнь героини была счастливой не только потому, что она смогла выжить в

«интересные времена», но и по той «полноте проживания, которую она имела мужество себе позволить, по умению видеть, слышать мир вокруг себя» [Костырко 2022].

Отметим, что исследуемый текст не удовлетворяет одному из условий отнесения произведения к жанру автобиографии, поскольку в нём отсутствует тождество автора, повествователя и героя. Однако А. Н. Архангельский подчеркивает, что создавал текст на основе материалов интервью с Инной Ли, то есть читатель имеет дело не с вымышленным персонажем, а с историей реального человека, воспоминания которого оформлены в художественный текст другим человеком, но от её лица, что позволяет рассматривать данное произведение как автобиографический нарратив с той неременной оговоркой, что «концепция рассказа о своей жизни» [Волошина 2008], видение своей истории Инной может не совпадать с авторской концепцией. Автором текста в данном случае производится отбор и организация материала интервью в художественный текст, а самой Инной – отбор воспоминаний и их речевая репрезентация.

Объектом исследования является автобиографический нарратив, **предметом** анализа – особенности речевого воплощения композиционных единиц и приёмы их сопряжения в автобиографическом нарративе, позволяющие выявлять тактики и стратегию текста.

Исходным пунктом нашей работы стала следующая **гипотеза**, получившая доказательство в ходе проведенного нами исследования: единицей анализа информационной структуры автобиографического нарратива следует считать композиционно-тематическую линию, характеризующуюся тематическим, событийным, речевым единством и обнаруживающую общие закономерности в плане выбора ракурса представления описываемых явлений. Связка «композиционно-тематическая линия» и «коммуникативный регистр» позволяет не просто рассмотреть особенности представления информации языковой личностью, но и выявить тактики и стратегии текста, используемые как самим говорящим, так и автором текста. Таким образом, предложенная модель

дискурсивного анализа может применяться при изучении автобиографических текстов со сложной субъектной организацией.

Отметим, что композиционно-тематическая линия является дискретной единицей и может быть разделена на другие элементы (например, пассаж, эпизод, сложное синтаксическое целое (ССЦ), композитив и др.). Выделение композиционно-тематической линии как основной единицы анализа информационной структуры автобиографического нарратива основано на необходимости: а) учёта категории памяти в автобиографическом нарративе; б) описания способа взаимодействия разных видов памяти. В настоящей работе для удобства анализа и описания языкового материала будут использованы термины «эпизод» (в главе 2) и «сложное синтаксическое целое» (в главе 3). Таким образом, композиционно-тематическая линия состоит из эпизодов, каждый из которых включает в себя одно или несколько ССЦ. Под эпизодом понимается «относительно целостная и самостоятельная часть (фрагмент) эпического произведения, которая изображает завершённое во времени событие, некий законченный момент действия в произведении» [Белокурова 2005]. Определение ССЦ дано в главе 3 настоящей диссертации.

Цель данного исследования – представить анализ информационной структуры автобиографического нарратива, опирающийся на типологию композиционно-тематических единиц, особенности их речевой репрезентации и текстового взаимодействия (на примере документальной повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой»).

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

1. На базе изученной научной литературы по теме исследования установить его методологическую базу и терминологический аппарат, определить тем самым теоретические основы выделения композиционных единиц и способы их лингвистического описания.
2. Провести структурно-тематический анализ выбранного текста и определить композиционные единицы автобиографического нарратива. Описать

закономерности функционирования языковых средств в выделенных композиционных единицах.

3. На основе обобщения результатов проведенного исследования представить критерии выделения композиционно-тематических линий автобиографического нарратива.
4. Определить способы взаимодействия единиц внутренней композиционной структуры автобиографического нарратива.
5. Выделить тактики и стратегию говорящего и автора текста.

Выбор **методов исследования** обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Для обзора актуальных теорий лингвистического анализа нарратива использован описательно-аналитический метод. Кроме того, данный метод применялся при описании типологии композиционно-тематических линий, критериев их выделения и способов взаимодействия. При определении композиционных особенностей текста был задействован метод структурного анализа. В качестве метода анализа функционирования языковых единиц использовался метод дискурсивного анализа.

Научная новизна исследования заключается в выделении композиционно-тематической линии в качестве единицы анализа автобиографического нарратива и определении способов взаимодействия линий, что позволяет описывать стратегию и тактики говорящего и автора. В исследовании особое внимание уделено изучению роли языковых средств (в частности, настоящего исторического времени глагола, разных типов односоставных и двусоставных предложений, вставных конструкций и вводных слов), участвующих в формировании композиционных единиц.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в развитие теории структурного анализа нарратива, а также позволяют уточнить сложившиеся в теории литературно-художественного и лингвистического анализа текста представления о его структуре и единицах анализа, разграничить понятия «внешняя композиция», «внутренняя композиция»

и «информационная структура». В работе предложен один из возможных интерпретационных подходов к изучению автобиографического нарратива.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного профиля на практических занятиях по лингвистическому анализу текста, стилистике и современной литературе. Кроме того, полученные данные могут быть полезны психологам и специалистам по когнитивным наукам, занимающимся вопросами автобиографической памяти и языкового сознания.

Апробация результатов диссертационного исследования была проведена на научно-практических конференциях:

– на конференции «Языковое, литературное и историческое наследие народов Республики Беларусь и Российской Федерации» (14-15 ноября 2022 года).

– на «51-й Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой» (14-21 марта 2023 года);

– на V международной конференция «Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования» (5-7 октября 2023 года);

– на «52-й Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой» (19-26 марта 2024 года);

Результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ.

Научные результаты диссертационного исследования нашли своё отражение в трёх опубликованных статьях в рецензируемых журналах из перечня ВАК:

1) Лисова О. О. Взаимодействие личного и исторического в автобиографическом нарративе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2023а. №9-2. – С. 168-171.

2) Лисова О. О. Неопределенно-личные предложения как средство формирования социально-исторической тематической линии в информационной

структуре автобиографической повести // Вестник филологических наук. – 2023б. Том 3. № 9. – С. 41 – 46.

3) Лисова О. О. Роль композиционно-тематических линий и особенности их речевой репрезентации в автобиографическом нарративе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023в. Т.16. Вып. 10. – С. 3330-3336.

Основные научные результаты, полученные в ходе исследования:

1) Представлен алгоритм анализа информационной структуры автобиографического нарратива [Лисова 2023в: 3330-3336].

2) Выделена единица дискурсивного анализа автобиографического нарратива – композиционно-тематическая линия. Разработана авторская типология композиционно-тематических линий, а также описаны критерии их выделения [Лисова 2023в: 3330-3336].

3) Определены языковые средства, участвующие в формировании личной, семейной и социально-исторической линий нарратива [Лисова 2023в: 3330-3336] и [Лисова 2023а: 168-171].

4) Рассмотрены функции неопределенно-личных предложений в формировании композиционно-тематических линий автобиографического нарратива [Лисова 2023б: 41-46].

5) Выделены способы взаимодействия композиционно-тематических линий в автобиографическом нарративе [Лисова 2023а: 168-171].

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованной литературы. Библиографический список содержит 149 наименований.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Автобиографический нарратив является вербальным выражением мыслительного процесса и формой фиксации и трансляции памяти: личной, семейной, коллективной. Поиск способов описания взаимодействия трёх видов памяти представляет собой междисциплинарную задачу, которая может быть решена методами структурного анализа нарратива. В качестве единицы анализа информационной структуры предлагается композиционно-

тематическая линия, так как она является речевой репрезентацией одного из видов автобиографической памяти, характеризуется единством в выборе тем и действующих лиц и обнаруживает при их описании общие закономерности (правила) использования лексико-грамматических средств.

2. В автобиографическом нарративе выделяется три композиционно-тематические линии: личная, семейная, социально-историческая. Личная линия состоит преимущественно из текстовых фрагментов репродуктивного регистра, грамматическими средствами которого передаются непосредственно воспринимаемые органами чувств события действительности. Смена нарративного режима на речевой маркируется переходом к реактивному регистру, показывающему непосредственную эмоциональную реакцию на предыдущую реплику. Объектом изображения в семейной линии являются воспоминания о близких людях, находящие отражение в текстовых фрагментах разных регистров: репродуктивного – при передаче совместно проживаемого опыта, волюнтивного и реактивного – при введении в повествование разных форм передачи чужой речи, информативного – при «объективации» и «субъективации» образов близких людей. Грамматической особенностью данной линии является использование несобственно-прямой речи при передаче слов значимых других. В социально-исторической линии акцент сделан на документальной точности (даты, имена исторических деятелей, указание на источник информации): средствами информативного регистра героиня-рассказчица описывает явления жизни общества, при этом эксплицируя через вводные слова и вставные конструкции сдержанную оценку или комментарий, необходимые для понимания исторического контекста; средствами генеритивного регистра включаются элементы обобщения результатов осмысления происходящих процессов.
3. *Взаимодействие композиционно-тематических* линий прослеживается через их мену или совмещение. Под меной подразумевается ситуация перехода от описания исторических и/или социальных событий к рассказу о событиях жизни героини-рассказчицы или её семьи и наоборот. Совмещение –

одновременное введение двух линий в одном текстовом фрагменте, при этом социально-исторические процессы оказываются пропущенными через призму субъективного опыта и восприятия, а личные события являются прямым отражением процессов в жизни людей и страны в целом. Мена и совмещение обнаруживают разные способы взаимодействия коммуникативных регистров и функционирования грамматических средств: при *мене* происходит изменение коммуникативных регистров речи и положения автобиографического «я» относительно изображаемых событий, а также способов логического, грамматического, лексического, и стилистического оформления мысли; *совмещение* предполагает использование в одном текстовом фрагменте разных регистров, при этом появляются средства выражения эмоциональности, оценочности, ментальной деятельности, что позволяет выделить важные точки ценностной сферы героини-рассказчицы.

4. Выделение единиц структурного анализа автобиографического нарратива, описание их событийного, тематического, речевого своеобразия позволяет описывать особенности *информационной структуры* текста, а также выявлять ценностную сферу говорящего – другими словами, анализируя речевой план автобиографического текста, исследователь описывает тактики отбора и представления информации самим говорящим, фигура которого может не совпадать с авторской (как в исследуемом тексте). Наблюдение за способами взаимодействия выделенных единиц, сопровождающееся изменениями в характере отображения действительности в речи, является одним из путей выявления *тактик и стратегии* говорящего и автора, поскольку такое взаимодействие единиц при движении к финалу, мена ракурса и точек зрения формируют *внутреннюю композицию* нарратива.
5. Изучение внутренней композиции отличается от анализа *внешней композиции*, предполагающей рассмотрение формального деления текста на информационные блоки (главы, параграфы и т.д.). Разведение данных понятий оказывается принципиальным для произведений сложной жанровой природы и

субъектной организации. Анализ внешней композиции является важным этапом описания авторской стратегии художественного текста.

ГЛАВА 1. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

1.1 Антропоцентрический подход в современной лингвистике

Тенденцией современной науки является изменение вектора внимания с изучения формального устройства явлений мира на способы их осмысления с позиции человека. Для исследователей в разных областях человек становится объектом изучения не только как представитель какой-либо этнической, социальной, возрастной, или профессиональной группы, но и как субъект, имеющий неповторимый жизненный путь со всеми её «смыслами, единичными способами события с миром, построением уникальной в своем роде внутренней реальности в пределах общих социокультурных и временных границ» [Сапогова 2006: 60]. В связи с этим получают распространение междисциплинарные исследования, целью которых является комплексное и системное изучение человека. Так, на стыке лингвистики, психологии, социологии, философии и медицины появляется когнитивная лингвистика, которая, с одной стороны, «должна учитывать накопленный опыт изучения взаимосвязи языка и мышления, с другой – разрабатывать новые теоретические программы и методы исследования “синхронной работы” языковой и мыслительной систем» [Алефиренко 2008: 75].

В одной из своих лекций, посвященных проблемам взаимосвязи языка и сознания, А. Р. Лурия отмечает, что значительную часть всего содержания психологии составляет «анализ того, как строится отражение действительности, как человек отражает реальный мир, в котором он живёт, как он получает субъективный образ объективного мира» [Лурия 1998: 5] – то есть центром и объектом изучения становится сам человек. Такая тенденция наблюдается и в лингвистике, где в последние десятилетия ученые приходят к мнению о том, что

данные о языке должны быть использованы для решения проблем, имеющих отношение к разуму, интеллекту и поведению человека.

Ж. Фоконье считает, что «лингвистика становится чем-то большим, чем самодостаточная ограниченная область изучения языка; она вносит свой вклад в открытие и объяснение общих аспектов человеческого познания» [Fauconnier 1999: 124]. Это отмечает и Е. С. Кубрякова : «Язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Кубрякова 2004: 9]

Таким образом, мы можем говорить об интересе современных лингвистов к антропоцентрической природе языка, когда каждый человек при помощи языковых средств реализует свою интенцию при каждом новом речевом акте, выступая при этом в роли интерпретатора. Интерпретация – «вид познавательной активности, процесс и результат понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире. Это процесс и результат репрезентации мира, которая основана, с одной стороны, на коллективных представлениях о мире и, с другой стороны, на личном, в том числе языковом, опыте человека взаимодействия с этим миром. Это проекция мира, или знание о мире, “погруженное” в коллективно-языковое или индивидуально-языковое сознание человека» [Болдырев 2015: 6]. Как мы видим из определения, процесс осмысления мира состоит из нескольких слоев: есть «я», «мир» и процесс коммуникации между «я» и «миром». Здесь возникает вопрос: что именно входит в зону этого «мира», с которым «я» вступает в какого-либо рода взаимодействия?

В. И. Карасик, рассматривая эту проблему, справедливо обращает внимание на то, что человек определяет себя через этническую принадлежность, отнесенность к социальным группам и имеет свою личную уникальность. Все это «фиксируется в языковом сознании и коммуникативном поведении» и может быть выявлено посредством лингвистического анализа. Языковое сознание, в свою очередь, делится на «фрагменты осмысления действительности, которые

имеют вербальное выражение и допускают этнокультурное, социокультурное и личностно-культурное измерения» [Карасик 2004: 6]

Подчеркивая важность социального взаимодействия для человека, В. И. Карасик говорит о том, что место человека в мире можно определить в виде «кругов Эйлера, т.е. входящих друг в друга концентрических окружностей». Центральной окружностью будет *личный круг общения человека* (семья, друзья, другие близкие люди). Общение на таком уровне имеет целый ряд особенностей: оно строится на том допущении, что близкому человеку должно быть известно все, что произошло с говорящим, что его волнует. Люди часто используют лишь контуры высказываний, понимая друг друга с полуслова, общаются посредством взглядов, мимики. Здесь важна не столько передача информации, сколько эмоциональная поддержка. Второй тип – достаточно широкий *статусно-ролевой круг* (одноклассники, коллеги, соседи и др). Особенностью данного круга является то, что люди не обязаны разделять ценности, переживания друг друга, их поведение определяют усредненные нормы взаимодействия. Это уровень обмена информацией, человек выполняет лишь ролевую функцию, он представитель определенного класса. Третий тип – *все человечество*, представители других цивилизаций и других эпох». На этом уровне на первый план выходит то общее, что есть у людей, вне зависимости от их пола, статуса, мировоззрения, моделей поведения, а различия между языками и культурами стираются [Карасик 2004: 344-345].

Таким образом, процесс мышления оказывается тесно связанным с понятием интерпретации, а интерпретирует человек события и отношения, которые относятся к его «центральному кругу», «статусно-ролевому кругу» и «уровню всего человечества». Произвести когнитивный анализ, с нашей точки зрения, значит понять, каким образом человек воспринимает, запоминает, а потом описывает эти круги и их «коммуникацию». Одним из способов такого анализа является обращение к языку, так как именно язык обнаруживает тесную взаимосвязь с мышлением.

Языковые явления долгое время описывались с точки зрения структурно-грамматического подхода, на смену которому пришёл интерес не к «языку в себе», а обращение к языку как средству общения. На современном этапе языковые явления активно исследуются в когнитивном аспекте, который, с одной стороны, оказывается тесно связанным с коммуникативным, с другой – обнаруживает ряд отличий.

Так, при коммуникативном изучении языкового явления исследователи обращают внимание на «его участие в актах общения людей и его роли в осуществлении происходящей при этом дискурсивной деятельности, включая такой её аспект, как порождение текстов разного типа», а при рассмотрении языкового явления с когнитивных позиций «анализу подлежит установление его роли в познавательных процессах, в фиксации и хранении человеческого опыта по осмыслению людьми окружающей их действительности (а, значит, в актах внимания и воображения, решения проблем в мыслительной деятельности человека по мере освоения им мира и т.п.)» [Кубрякова 2009: 6].

Е. С. Кубрякова отмечает, что в реальной коммуникации «функции когниции и коммуникации не могут быть жестко противопоставлены друг другу», поскольку дискурсивная деятельность связана с передачей информации, необходимостью членить «поток речи на определенные синтагматические отрезки» и учитывать роли участников в процессе коммуникации – эти параметры влияют на содержание речи, то есть на когнитивный аспект процесса [Кубрякова 2009: 6-7].

Таким образом, когнитивный подход предполагает изучение «связи явления с внутренней, ментальной деятельностью человеческого сознания и его репрезентации в голове человека» [Кубрякова 2004: 519], а базовым для когнитивной лингвистики является понятие «когниция».

Когниция – это «и сам процесс приобретения знаний и его результат»; это понятие включает «процессы сознательного и обыденного мышления, а также «перевод» обыденного опыта (телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного) каждодневного взаимодействия человека с окружающим миром в

сферу языкового сознания» [Алефиренко 2008: 76]. В. З. Демьянков отмечает, что в условиях когнитивизма «человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения разумно формулируемых задач [Демьянков 1994:17].

Таким образом, когниция – это «любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с получением информации, знаний, их интерпретацией, преобразованием, запоминаяем, использованием в речемыслительной деятельности человека» [Алефиренко 2008: 76]. Язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и отмеченным ранее мыслительным процессам не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому, что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [Кубрякова 1997: 21].

По мнению Н. А. Кобриной, когнитивный подход используется преимущественно «для изучения синтаксических связей и отношений, и фактов расширения комбинаторики и, отсюда, изучения механизмов формирования семантической поликомпонентности лексем, их категоризации и перекатегоризации и других явлений, выявляемых в синтаксисе и требующих осмысления и объяснения» [Кобрина, 2005: 7], однако ряд исследователей отмечает ведущую роль текста в изучении психических процессов.

Так, Т. В. Романова указывает на то, что для когнитивного направления характерен интерес к тексту не только с точки зрения речевого или языкового анализа, но и «анализ через речь и язык процессов восприятия (понимания) и продуцирования текста, что требует привлечения знаний о таких психических процессах, как память, воображение, чувственное восприятие и т.д.» [Романова

2013: 170]. Е. С. Кубрякова считает, что в современной лингвистической науке намечается тенденция к «укрупнению лингвистических единиц» [Кубрякова 2004: 520], а Н. Ф. Алефиренко говорит о том, что учёные должны начать осмысливать не дихотомическое основание «язык-мышление», а трихотомическое «язык-мышление-сознание», поскольку именно «трихотомическая субпарадигма обращена к речедейательностным процессам, структурирующим знания не только в представления и понятия, но и в более сложные образования: сцены, сценарии, эпизоды, фреймы, прототипы, пропозиции и другие формы знания» [Алефиренко 2008: 76], а способы их вербализации учёный называет предметом когнитивной лингвистики. Следовательно, для того чтобы изучить процессы познания мира, нам необходимо взять материал, в котором мы могли бы выделить элементы когнитивного уровня (например, эпизоды) – таким материалом, безусловно, является текст. Несмотря на то, что сегодня намечается тенденция к исследованию особенностей живой устной речи, письменные тексты имеют принципиально важное значение для изучения когнитивных процессов, поскольку именно в таких текстах отражен опыт человека и его деятельность по осмыслению мира, а за каждым текстом «стоит дискурсивная деятельности отдельно взятого человека или группы людей» [Кубрякова 2004: 528].

Отметим, что освещению проблемы соотношений понятий «текст» и «дискурс» посвящено множество работ, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно. Сделаем, однако, несколько замечаний, которые будут касаться нашего исследования.

1.2 Текст и дискурс. Нарративный дискурс и его когнитивный потенциал

Когнитивный подход к изучению текста в лингвистике требует от исследователя определения его позиции к соотношению понятий текст и дискурс.

Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно» [Арутюнова 1990: 136-137].

А. А. Кибрик также обращает внимание на близость понятий «текст» и «дискурс», однако выделяет важное отличие: текст представляет собой «статический объект, результат языковой деятельности», в то время как дискурс совмещает в себе два компонента – это «динамический акцент языковой деятельности» и её результат, акцент, однако, делается именно на динамике [Кибрик 2003: 10]. Исследователь подчеркивает, что понятие дискурса близко к понятию диалога, так как «дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата [Кибрик 2003: 10]. Важность «диалогического» начала дискурса отмечается и другими учёными: так, В. И. Тюпа, определяет дискурс как «высказывание, речевой акт текстопорождения, включающий в себя слушающего наравне с говорящим и рассматриваемый как “коммуникативное событие социокультурного взаимодействия” субъекта, объекта и адресата» [Тюпа 2008: 60].

В связи с тем, что дискурс представляет собой акт взаимодействия того, кто порождает текст, и того, кто воспринимает, логичен интерес учёных к обоим фигурам, и, соответственно, исследованиям, посвященным особенностям построения и восприятия дискурса [Кибрик 2003: 10].

В нашей диссертации мы будем рассматривать текст с позиции говорящего, поскольку центральным для нас будет вопрос «осознания» героиней (Инной Ли) себя как личности и себя как участника исторических событий, что, в свою

очередь, показывает, каким способом наш язык способен отобразить и дифференцировать «личное» и «социальное» в речи одного человека.

Таким образом, в центре исследовательского внимания оказывается «лично-ориентированный дискурс», который имеет два подвида: бытовой и бытийный. Бытовой дискурс – это исходный тип общения, который отличают простота, диалогичность, свернутый характер. В бытийном дискурсе раскрывается внутренний мир говорящего, его характер. Такой дискурс обычно является монологом и представлен «произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [Карасик 2004: 289-290]. Учёный выделяет два подвида бытийного дискурса – прямой и опосредованный. Анализируемый нами текст представляет собой второй тип.

Опосредованный бытийный дискурс – это «аналогическое (переносное) и аллегорическое (символическое) развитие идеи через повествование и описание. Повествование представляет собой изложение событий в их последовательности, для художественного повествования существенным является противопоставление сюжета и фабулы как глубинного развития и поверхностного перечисления событий [Карасик 2004: 290]. Исследователь отмечает важную для нас дихотомию «сюжета» и «фабулы» в повествовательном тексте (а исследуемое нами произведение обозначено автором как «документальная повесть»).

Б. В. Томашевский в «Теории литературы» (1925) разграничивает произведения фабульные (повести, романы, эпические поэмы), которые характеризуются причинно-следственной связью между вводимым тематическим материалом, и произведения «описательные», в которых события сменяются без внутренней причинной связанности [Томашевский 1996: 179]. В первом случае мы имеем дело с фабулой, во втором с сюжетом – то есть совокупностью тех же мотивов в той последовательности и связи, в какой они даны в произведении. Подобным образом проводят границу между этими понятиями и другие исследователи. Так, например С. Чэтман в книге «История и дискурс» выделял категории «история» и «дискурс»: «история – это то, что изображается в повествовательном произведении, дискурс – как изображается» [Чэтман 1978: 19].

На два аспекта литературного произведения указывает Ц. Тодоров: литературное произведение одновременно является историей и дискурсом, «оно есть история в том смысле, что вызывает образ определенной действительности... Но произведение есть в то же время и дискурс... На этом уровне учитываются не излагаемые события, а способ, которым нарратор нас с ними знакомит» [Todorov 1966: 126].

Таким образом, для дискурса центральной оказывается категория события, так как именно события являются материалом для организации дискурса. То, в каком порядке появляются события в тексте, может соответствовать их хронологическому порядку действительности – тогда мы имеем дело с нарративом. Важной, однако, является не только хронологическая, но и семантическая связь между событиями (или причинно-следственная связь, согласно терминологии Б. В. Томашевского). Если говорящий не следует хронологическому изложению, его дискурс не будет нарративным, однако бывают ситуации, в которых «говорящий может отступать от хронологического порядка не постоянно, а лишь в каких-то специальных случаях — например, если он для уточнения деталей повествования возвращается ещё раз к уже упомянутой ситуации или к более раннему периоду жизни героев повествования», тогда «текст в целом остается нарративом, но начинает включать в себя особые фрагменты с нарушенной хронологией повествования – в большинстве языков мира существуют специальные лексические и/или грамматические средства для обозначения таких «ретроспективных» фрагментов» [Плунгян 2008: 17].

Примером нарративного дискурса является и документальная повесть «Русский иероглиф»: события в тексте представлены в хронологическом порядке (начиная с детства героини и заканчивая настоящим временем), объединены причинно-следственной семантической связью, однако говорящий субъект комментирует события, иногда забегая вперед или возвращаясь назад. Тем не менее, данный факт не меняет хронологию текста и не противоречит понятию нарратива, для анализа которого важны и отбираемые события, и способ их «презентации» читателю. В диссертации используется термин

«автобиографический нарратив» – «форма объективного существования автобиографической памяти» [Нуркова 2010: 76], представленная в виде упорядоченной, завершенной, осмысленной истории собственного жизненного пути [Сапогова 2005: 64].

Другими словами, важными фокусами настоящего исследования являются: 1) проблема отбора говорящим тех событий, которые он считает важными для повествования; 2) изучение способов их организации и особенности комментирования.

В анализируемом тексте представлена не просто бытовая нить событий, но социальная, историческая, культурная линии. Человек оказывается вписанным в три типа окружности (см. выше): личный, социально-ролевой и «окружность всего человечества», однако взаимодействие этих сфер отражено в одном дискурсе. Отбор определенных событий для презентации наррации, таким образом, оказывается неслучайным: можно говорить о том, что говорящий отбирает материал в соответствии с той идеей, которую он хочет отразить в своем дискурсе. В некотором смысле, он открывает нам свой «ментальный мир», позволяет читателю проникнуть в историю, пропущенную через сознание другого человека. В таком аспекте исследование текста помещает нас в рамки когнитивно-дискурсивного подхода, в котором «тексты начинают трактоваться как источники сведений, выходящих за пределы собственно языкового их содержания, –источники данных об особых ментальных мирах. Для восприятия текстов нужно “погружение” в этот особый ментальный мир, для чего адресаты речи либо должны извлечь из своей памяти нечто об особенностях такого “возможного мира”, либо отчасти строить его по мере ознакомления с поступающим к ним речевым потоком» [Кубрякова 2000: 11]. Это в полной мере относится и к выбранному нами для анализа материалу, представляющему собой автобиографический нарратив. Остановимся на рассмотрении данного ключевого для нашего исследования понятия подробнее.

1.3 Автобиографический нарратив как «зеркало» когнитивных процессов человека

Анализируя работы, посвященные изучению жанровых, структурных и языковых особенностей текстов автобиографического типа, мы обнаруживаем интересную тенденцию: центральной проблемой исследований становится память и особенности её представления в текстах, а также способы отображения времени в автобиографическом нарративе. Такой интерес исследователей свидетельствует о том, что автобиографический текст является оптимальным выбором для рассмотрения путей вербального выражения мыслительного процесса, поскольку через рассказ о событиях своей жизни, вписанный в исторический и культурный контексты, говорящий показывает и свое отношение к описываемым событиям.

Так, осмысление трудов исследователей памяти и нарратива позволяет И. В. Тивьяевой прийти к заключению, что нарратив представляет собой «доминирующую форму фиксации и трансляции памяти и ее процессов», справедливо подчеркивая, что в последние годы «наметилась тенденция к рассмотрению текстов различных жанров как нарративных форм репрезентации отдельных мнемических процессов (в первую очередь, речь идет о рассказах-воспоминаниях, автобиографиях и мемуарах, вербализующих процесс восстановления информации из памяти)» [Тивьяева 2016: 233-234], однако мнемический нарратив в отечественной лингвистике пока не становился объектом системного лингвистического описания. Под «мнемическим нарративом» исследователь понимает «устное или письменное повествование, сконструированное на основе личного опыта и предполагающее субъективную оценку нарратором описываемых событий» [Тивьяева 2016, 236].

Исследователи автобиографического нарратива [Вербина 2017; Мысливец 2018; Доронина 2020; Нечаева 2020 и др.] пишут об особенностях *личной памяти*

субъекта, которая связана с процессами фиксации в памяти определенных моментов, событий жизни, интеграции истории прошлого как части личной истории [Нуркова 1998: 4] и о *коллективной памяти*, которая определяется как совокупность значимых для группы образных и вербальных репрезентаций прошлого, транслируемых и воспроизводимых членами группы в настоящем [Рягузова 2019: 61]. *Коллективная память* отличается сложным хронотопом: «её проекции локализованы во всех инстанциях темпоральности – прошлом, настоящем, будущем» [Рягузова 2020: 325]. Кроме того, исследователь выделяет подвид коллективной памяти – *семейную память*, которая присуща всем членам семьи как группы и охватывает «разные режимы бытия: повседневность (семейные традиции, ритуалы, сценарии жизни и поведенческие паттерны, кулинарные рецепты, дни и места памяти, семейные документы) и экстремальность (войны, природные и техногенные катастрофы, репрессии, травмы, опыт их преодоления и стратегии совладания с ними)» [Рягузова 2020: 326].

О необходимости выделения промежуточного звена между «индивидуальной памятью» и «коллективной» говорил известный философ Поль Рикёр, указывая на ограниченность феноменологии индивидуальной памяти и социологии коллективной памяти, поскольку каждая из них находится на позиции одного из полюсов: или утверждения о спаянности индивидуального сознания, или способности «коллективных существей сохранять и вызывать в памяти общие воспоминания» [Рикёр 2004: 174]. Между этими полюсами существует ещё одно звено – это *план общения с близкими*, который выполняет роль «промежуточного плана референции, где конкретно осуществляется взаимодействие между живой памятью индивидуальных личностей и публичной памятью сообществ, к которым мы принадлежим» [Рикёр 2004: 184]. Именно близкие люди становятся свидетелями нашей жизни от момента рождения до смерти, поэтому наша память фиксирует и воспринимает события истории не сами по себе, а через буферную зону, место взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти. Следовательно, оценка исторических событий возможна не

с позиции утверждения полярности «индивидуального» и «коллективного», а с точки зрения «тройкой атрибуции памяти: “я”, близкие, другие» [Рикёр 2004, 186].

Однако, если мы примем идею о том, что память каждого индивидуума об истории оказывается пропущенной не только через зону «индивидуального», но и через зону «близкого окружения» или семьи, стоит задать следующие вопросы: есть ли что-то объективное в наших воспоминаниях, и насколько они устойчивы во времени (ведь даже близкое окружение человека меняется в течение жизни), и что помогает нам фиксировать те или иные отрезки воспоминаний.

М. Хальбвакс в своей работе «Социальные рамки памяти» говорит о необходимости отказа от идеи о том, что «прошлое сохраняется неизменным в памяти индивидов», поскольку мы живём в обществе и пользуемся речью, а за каждым нашим словом стоит какое-то воспоминание: «прежде чем вызывать в памяти воспоминания, мы их проговариваем; реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций» [Хальбвакс 2007: 325-326]. Однако человек живёт не изолированно, следовательно, как он своим словом и воспоминанием влияет на сознание других людей, так и они своей речью оказывают на него влияние – в этом заключается «посылка коллективного мышления» [Хальбвакс 2007: 325-326].

Таким образом, память обладает динамической и коммуникативной природой (в чём обнаруживает сходство с самой речью): она является продуктом диалога, взаимодействия между тремя уровнями в сознании человека (индивидуальное – семейное – коллективное), на которые последовательно влияет коллектив, где каждый участник коммуникации, может проговаривать свои воспоминания, влияя через речь на другого человека. Кроме того, сложность памяти заключается и в её временной определенности. М. Хальбвакс подчеркивает, что социальные рамки памяти «помещаются одновременно и внутри, и вне времени», что позволяет человеческому сознанию «переходить путем ряда размышлений и рассуждений от одного общего и вневременного

понятия к другому, и двигаться вперед или назад по ходу времени, от воспоминания к воспоминанию» [Хальбвакс 2007: 336].

Следовательно, категория памяти оказывается в некотором смысле «неуловимой», динамичной, что ставит перед исследователями в разных областях научных знаний вопрос о том, что могло бы быть отражением памяти на данном временном отрезке. Очевидно, что таким материалом может служить нарратив, как продукт речевой деятельности говорящего. Именно через нарратив говорящий способен организовать, структурировать свои мысли и опыт, интерпретировать их через отбор событий и особенности речевой экспликации.

Автобиографический (мнемический) нарратив, посвященный жизни человека в эпоху определенных исторических событий, позволяет проследить взаимодействие трёх пластов памяти (индивидуальной, семейной и коллективной), способы организации времени в нарративе (категория времени оказывается важной как для мнемического нарратива, так и для описания такого явления как «память»), а также отметить языковые инструменты, которые помогают человеку отразить такие сложные и нелинейные процессы как мышление и память средствами языка.

К автобиографическим нарративам относятся мемуары, дневники, воспоминания, объединяющие в себе «экзистенциальное и общее, включая и текст (нарративное), и память (когнитивное) в историческое поле. Фактически когнитивное приобретает характер исторической проблематики, будучи выраженным в автобиографическом нарративе. В свою очередь, историческое содержание, присутствующее в тексте автобиографического воспоминания, получает «когнитивную окраску» [Щедрина 2020: 41]. Кроме того, автобиографический нарратив обращен к аксиологической сфере, «где только ценное может быть актуализировано как память и впоследствии, вербализуясь, воплощено в форме прецедентных текстов, формирующих ценностный императив» [Бирюкова 2017: 21]. Ценности, в свою очередь, являются высшими ориентирами поведения и помогают нам познать языковую личность в контексте культуры, что делает их изучение важным как для аксиологической лингвистики,

так и для более широкого направления – антропологического языкознания [Карасик 2019: 4].

Таким образом, автобиографический нарратив представляется оптимальным для изучения особенностей взаимодействия «индивидуальной», «семейной» и «коллективной памяти», поскольку такое взаимодействие открывает путь как к ценностной сфере человека, его видению себя в системе мира (см. о кругах Эйлера в параграфе 1.1.), так и к особенностям его интерпретации событий и времени. Так как память человека изменчива и подвержена влиянию социума и времени, исследователю важно иметь дело с продуктом, зафиксированным в какой-то определенный момент и данным в своей целостности и завершенности – именно таким продуктом является нарратив. Центральной для анализа нарратива является категория события, которое, в свою очередь, представляет собой важный элемент фиксации для нашей памяти.

Вопрос о том, какие события и по какой причине отбираются говорящим, лежит больше в плоскости психологии, нежели лингвистики, однако нельзя не отметить знаковые исследования в этой сфере. Одним из них является работа В. В. Нурковой «Культурно-исторический подход к автобиографической памяти» (2009), в которой она рассматривает феномен АП (автобиографической памяти) и предлагает её иерархическую модель, включающую «макроуровень» и «микроуровень»: 1) «На микроструктурном уровне единицей анализа АП являются автобиографические воспоминания <...>, которые воплощаются в различных нарративных формах: «яркий момент жизни – эпизод», «важное событие жизни», «переломное событие» и «характерное для личности событие»; 2) На макроструктурном уровне единицей анализа АП являются воспоминания о «жизненных периодах», «жизненных темах», «личностных этапах», в которых средствами структурирования мнемического материала являются культурные сценарии <...> [Нуркова 2009:42].

Исследователь обращает внимание и на лингвистические, нарративные категории при анализе единиц АП: так, например, для фотографического воспоминания характерна высокая эмоциональная насыщенность, возвращение в

прошлую ситуацию, время воспоминания конкретно. «Важное воспоминание» показано через его отношение к актуальным мотивам, потребностям, целям личности, время при этом «абстрактно, изолированно от конкретного содержания события» [Нуркова 2009: 18-19]. Отметим, что исследование проводилось с участием 4500 испытуемых, которые воспроизводили элементы своей автобиографии, а такое воспроизведение отличает, с одной стороны, спонтанность и соотнесённость с моментом речи, с другой – разный жизненный опыт испытуемых. Так, предложенная модель соотнесена с личностью говорящего, его восприятием себя и своего жизненного пути, однако в данной модели отсутствует учёт оценки своей роли в истории, места человека в историческом процессе, что представляется нам важным аспектом для автобиографического нарратива вообще, но становится обязательным аспектом рассмотрения в исследованиях, обращенных к анализу мнемонических текстов, касающихся личностей, оставивших общественно значимый след в истории социума (коим является, например, отец героини выбранной нами для изучения повести, как впрочем и она сама).

Ранее было отмечено, что автобиографический нарратив дает возможность изучения не только личной памяти, но и памяти семейной и коллективной, то есть через изучение феномена памяти в автобиографическом нарративе позволяет выйти к проблеме «человек – исторический фон» и рассмотреть способы осмысления как событий личной истории, так и событий жизни целого коллектива. Способы организации этих событий мышлением человека всё ещё остаётся малоизученными. Следовательно, необходимо ответить на следующие вопросы: 1) как язык справляется с задачей упорядочивания наших воспоминаний в информационной структуре автобиографического нарратива; 2) как в автобиографическом нарративе взаимодействуют разные виды памяти; 3) есть ли разница в речевой репрезентации разных видов памяти.

1.4 Тройная эгоориентированность «Я» как жанрообразующая категория автобиографических произведений

Одна из центральных проблем описания жанровых признаков автобиографической прозы состоит в определении границ понятия «автобиография». Как отмечают И. Янская и В. Кардин, автобиография – «единственный жанр с амплитудой от высокохудожественных творений, не настаивающих на документальности, до произведений, насыщенных специальными сведениями, “почти научных”, и до интимных дневниковых записей» [Янская, Кардин 1981: 366].

При узком понимании автобиографией является только документ с анкетными данными, написанный деловым слогом. При широком понимании, автобиографией могут быть разные по своей жанровой форме тексты: мемуары, записки о своей жизни, исповеди, дневники, записные книжки, разговоры, анекдоты [Романова 2001: 15]; воспоминания, литературные портреты, записки [Затеева 2016: 21]; письма, путевые заметки, исторические, военные мемуары и др. [Нюбина 2010: 39]. Кроме того, к автобиографии можно отнести рассказ о жизни, существующий в устной форме [Волошина 2008].

Н. А. Николина предлагает следующую классификацию автобиографических произведений: 1) собственно автобиографии – документальные тексты, представляющие собой краткие и формализованные жизнеописания; 2) автобиографические тексты, включающие одновременно развёрнутые воспоминания о прошлом; 3) автобиографии, тяготеющие к беллетризованной форме; 4) художественные произведения, использующие жанровую форму автобиографии и опирающиеся на реальные факты жизни автора» [Николина 2002: 12].

Если мы обратимся к определениям рассматриваемого жанра, то увидим, что центральным признаком автобиографии будет «последовательное описание автором собственной жизни...» [Кожевников 1987: 12] или «ретроспективное прозаическое повествование реального человека, рассказывающего о собственном

существовании, делая особый акцент на истории своей личности» [Лежен 2006: 261–262]. Иными словами, автобиография представляет собой эго-текст – текст «о самом себе, написанный с субъективной авторской точки зрения» [Михеев 2007: 23], «существующий в многообразии жанров, скрепой которых является авторское “Я”, выступающее генерирующим центром идей, переживаний и действий» [Митина 2008: 3].

Исследователи подчеркивают эгоориентированность автобиографических произведений, через которые человек может выразить «национальную непохожесть и одновременно с этим ощутить себя частицей исторического прогресса, передать чувство приобщенности к общей судьбе страны» [Зайцева 2009: 223]. Через автобиографию читатель может проследить как духовно-нравственное становление личности, так и связь личности со сферой «национального» и «судьбой страны» [Шеянова, Закирзянов 2018: 84]. Л. М. Ньюбина отмечает, что важным для автобиографической личности является концепт родства, без которого нет человека и его предков [Ньюбина 2010: 42].

В соответствии с рассмотренными точками зрения на жанр автобиографии и роли памяти в ней можно выделить и три центральных тематических плана: 1) повествование о собственной жизни; 2) рассказ о членах семьи и семейных традициях; 3) осмысление «национального», исторического, переход «от отдельного человека к миру, к общему представлению о смысле бытия...» [Зайцева 2009: 223]. Три выделенных плана объединены личностью рассказывающего, который, в свою очередь, имеет в произведении разные ипостаси.

Исследователи отмечают, что в автобиографии пишущий одновременно является и субъектом повествования и его объектом [Сапожникова 2012: 55]. «Я как субъект» повествования соотносится с настоящим моментом, «я как объект» – с прошлым. Такое разделение усложняет временную перспективу текстов, поскольку прошлое «Я» подвергается наблюдению, осмыслению и оценке «Я» настоящего [Николина 2002: 101-103], что позволяет выделить два временных плана: «план настоящего» повествователя, создающего текст, и «план его

прошлого», о котором он вспоминает [Николина 2002: 103]. Соответственно, в автобиографии могут быть обнаружены «1) модели, в которых вербализован говорящий, одновременно являющийся авторизатором; 2) модели, вербализующие авторизатора, который не совпадает с говорящим, однако является его другой временной реализацией («я» в прошлом) [Соловьёва 2009: 143]. Можно предположить, что каждое «Я» обнаруживает свои средства речевого воплощения в тексте.

В некоторых работах выделяется ещё одна ипостась «Я» – это «Я наблюдающее». Так, например, И. В. Породин говорит о том, что воспоминание формирует трёхликое «Я»: «Я как субъект речи» (рассказывающее «Я»), «Я как объект, о котором рассказывает “Я”» (рассказываемое «Я») и «Я как субъект, наблюдающий и осознающий самого себя» (анализирующее сверхЭго, координатор отношений между двумя первыми ипостасями «Я») [Породин 2006: 58-63]. Такая тройная эгоориентированность автобиографического «Я» позволяет автору балансировать между текстом и не-текстом, находясь в реальном и текстовом пространстве одновременно [Lejuene 1994: 24].

Таким образом, внутрисубъектная организация автобиографического нарратива неоднородна, поскольку каждое «Я» вербализуется в тексте посредством определенных речевых моделей, кроме того, говорящий не просто описывает действительность, но оценивает её, «ищет критерии для оценивания, в качестве которых могут выступать не только его собственные ощущения и представления, но и точки зрения других людей, философские идеи и т. п. , всё то, что можно назвать «взглядом со стороны» [Сапожникова 2012: 55], а культурная и историческая память предполагает обращение к явлениям общественной жизни через использование имён исторических лиц и деятелей культуры, географических названий, отсылку к произведениям мировой литературы и искусства [Нюбина 2010: 114].

Л. М. Нюбина отмечает, что литературу воспоминаний «следует рассматривать как когнитивное осознание событий жизни субъекта и их вербальное воплощение» [Нюбина 2010: 114]. Так, например, маркёрами

самообъективации, присущими такой литературе, становятся многочисленные антропоцентрические модусы: мысли, чувства, узнавания, припоминания, знания или незнания, умолчания, сомнительность или предположительность, согласие либо несогласие с самим собой, наречия и союзы дизъюнкции, логического вывода и т.п.» [Нюбина 2010: 111].

Анализ научных работ позволяет определить основные черты жанра автобиографии (см. работы: Lejeune 1994, Нуркова 1998, Николина 2002, Волошина 2008, Зайцева 2009, Нюбина 2010, Сапожникова 2012 и др.):

1. это рассказ (устный или письменный) в прозе, который отличает ретроспективность повествования и хронологически последовательное изложение событий;
2. основной темой является личность и её становление, часто в неразрывной связи с историей семьи и государства, что определяет важнейшую роль памяти и способов её представления;
3. тождество автора, повествователя и героя;
4. тройная эгоориентированность автобиографического «Я», которая определяет и сложную структуру соотношения временного плана прошлого и настоящего в тексте;
5. соотношение субъективного и объективного начал;
6. открытость автобиографии.

Отметим, что рассматриваемое в настоящем исследовании произведение отвечает всем требованиям жанра, за исключением критерия тождества автора, повествователя и героя. Несмотря на отсутствие такого тождества, мы будем говорить о тексте «Русский иероглиф» как об автобиографическом нарративе ввиду нескольких причин.

Во-первых, текст создан на базе интервью с героиней повести, то есть является репрезентацией её воспоминаний и восприятия событий, а не авторским вымыслом или описанием жизни другого человека со стороны. В произведении представлены отмеченные ранее виды памяти: личная, семейная, коллективная –

каждая из которых транслирует личный опыт говорящего и предполагает субъективную оценку описываемых событий.

Во-вторых, центральной темой повести является история жизни Инны Ли и её семьи: героиня-рассказчица делится воспоминаниями о детских годах, времени, проведенном в университете, семейной жизни. В то же самое время, каждый из этих периодов жизни показан через призму социально-исторических изменений, и их влияния на жизнь человека.

Таким образом, даже несмотря на стремление к документальности, точности и объективности, героиня-рассказчица пропускает «историю» через собственное субъективное восприятие, что позволяет читателю увидеть внутренние переживания, изменения, становление личности Инны. Автор в данном случае организует воспоминания респондента в единый текст, показывающий развитие и систему ценностей человека от рождения до момента интервью – однако как сами объективные воспоминания, так и их субъективное начало отражают внутреннее становление говорящего, а не автора.

В-третьих, повествование ведётся от первого лица, что характерно именно для автобиографических текстов. Кроме того, А. Н. Архангельский в предисловии к книгам цикла «Счастливая жизнь» отмечает, что старался максимально сохранить речевые особенности респондентов, чтобы не мешать коммуникации читателя и героев.

В-четвёртых, для анализируемой повести характерна тройная эгоориентированность «Я»: с одной стороны, Инна является героиней-рассказчицей, то есть соотносится с настоящим моментом (моментом интервью), с другой стороны, она рассказывает о себе в прошлом, то есть является объектом собственного рассказа. Кроме того, героиня осознаёт себя в прошлом, оценивает, даёт комментарий собственным реакциям – другими словами, не просто описывает себя как объект, но ещё и осуществляет рефлекссию, что также является важной характеристикой автобиографических текстов.

Таким образом, рассматриваемый текст можно отнести к автобиографическому нарративу, в котором нарушена субъектная иерархия,

характерная для данного типа текстов: Инна является не повествователем, а героиней-рассказчицей в данном тексте, что значительно усложняет анализ его композиционной, информационной и субъектной структур. С другой стороны, данная особенность текста позволяет дать более точное определение понятию «информационная структура» и сопоставить его с понятием «композиция».

1.5 Автобиографический нарратив: к проблеме поиска единицы анализа информационной структуры

В настоящее время нарратив стал важным объектом не только лингвистических и литературоведческих, но и психологических, когнитивных исследований, поскольку при рассказе о себе человек по-новому видит свой жизненный путь, придаёт новые смыслы прошлым событиям [Преображенская 2009: 29]. При изучении нарратива особое внимание уделяется структуре и композиционным элементам, поскольку изучение взаимосвязи данных элементов позволяет нам проникнуть вглубь текста.

Так, В. В. Виноградов говорил о том, что «композицию можно рассматривать в двух планах: в плане статическом, как соотношение элементов поэтического, и в плане динамическом, как движение этих элементов по направлению, так сказать, к финалу» [Виноградов 1975]. Когда мы выделяем эти элементы, мы сталкиваемся с новой проблемой – это «видоизменение всех других частей произведения, потому что двигаясь, дробясь на какие-то целостные единства, то или иное художественное произведение все время создает новые, <...> семантические, поэтические единства, и в то же время двигает вас к пониманию, уразумению смысла целого» [Виноградов 1975].

Таким образом, для восприятия текста важным оказываются 1) понимание его структуры, то есть разделение представленной в нем общей ситуации на тематические компоненты; 2) определение связи между компонентами, которая коррелируется авторской позицией; 3) изучение особенностей отбора и

употребления языковых средств, которые определяются «структурно-содержательной и прагматической организацией текста» [Рогова 2011: 9].

В настоящее время одной из актуальных проблем лингвистики является изучение информационной структуры текста (см. например, сборники «Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох» (2014), «Информационная структура текста» (2018)), что обусловлено возросшей ролью информации в современном мире [Гончар, Самохвалова 2021: 281]. Рассмотрим определения информационной структуры:

1. «совокупное значение его языковых единиц, организованное в соответствии с коммуникативной целью отправителя текста» [Трошина 2018: 8];
2. «средства организации связного текста, порядок и способы введения информации в разных сферах общения и сообщения» [Сидельцев 2016: 51].

Из определений следует, что анализ информационной структуры предполагает не просто выделение структурных элементов и изучение способов их организации, но и выявление речевого намерения автора. Другими словами, при обращении к информационной структуре необходимо понять, что «автор считает наиболее важным для выражения интенции и то, как он “упаковывает” эту важную информацию в своем тексте на уровне языка и структурноречевой организации [Гончар, Самохвалова 2020: 2-3]. Кроме того, важен процесс понимания текста, результатом которого является «формирование в сознании реципиента целостного образа содержания, в котором реализуется информационный аспект текста» [Новиков 2007: 113]. В процессе понимания «переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности, является обязательным. Такой переход непосредственно связан с тем фундаментальным свойством текста, который можно назвать информативностью» [Там же].

Таким образом, информационная структура связана не только с процессом отбора и систематизации материала автором, но и с процессом декодирования текста и наполнения его смыслами со стороны читателя. При изучении информационной структуры исследователь решает следующие задачи: 1) выбор

композиционно-тематического компонента в качестве единицы анализа; 2) рассмотрение способов их организации в единое целое; 3) описание языковых средств и закономерностей их использования в каждом композиционно-тематическом компоненте.

Исходя из вышесказанного в настоящей работе под *информационной структурой* мы понимаем группировку смыслотематических компонентов, на которые автор (говорящий) членит содержание текста, и их расположение в заданной им последовательности в соответствии с его коммуникативным намерением. Для изучения информационной структуры необходимо разделить текст на тематические компоненты, то есть найти единицу структурного анализа текста (в нашем случае – автобиографического нарратива).

Первую теорию основных структурных элементов нарратива предложил У. Лабов, выделивший следующие компоненты: экспозиция – развитие действия – кульминация – развязка – кода – резюме [Labov 1972]. Такая классификация не представляется удобной для анализа сложного автобиографического нарратива, повествующего о большом количестве взаимосвязанных событий, происходящих в жизнях разных людей.

В настоящее время интерес исследователей обращен к работе В. А. Плунгяна, в которой он, анализируя языковой материал различных языков и актуальные исследования данного вопроса, вводит понятие «пассаж». Пассаж – это фрагмент нарративного дискурса, который обнаруживает общие правила использования грамматических средств. Автор предлагает следующую рабочую классификацию пассажей в нарративном дискурсе [Плунгян 2008: 20-21]:

1. *интродуктивный*, включающий изложение обстоятельств, предшествовавших началу истории, и вводящий в рассмотрение основных участников истории;
2. *секвентный*, или консеквентный, включающий обозначение каждого из сменяющих друг друга эпизодов основной линии повествования и являющийся структурным элементом событийного «скелета» нарратива;

3. *фоновый*, включающий описание обстоятельств, сопутствующих событиям основной линии повествования, а также второстепенных ситуаций, развивающихся параллельно с событиями основной линии;
4. *ретроспективный*, включающий описание событий, предшествовавших событиям основной линии повествования; необходимость в ретроспективных пассажах возникает, когда говорящий отступает от хронологически естественного изложения хода событий, мысленно возвращаясь назад, к событиям более раннего временного плана;
5. *объяснительный*, включающий рассуждения говорящего по поводу происходящих событий, их объяснение или оценку; в работах по анализу дискурса этот тип пассажа чаще всего называется «комментарием».

Каждому типу пассажа может соответствовать особая дискурсивная функция: интродуктивная, секвентная, фоновая, ретроспективная и объяснительная (или комментирующая) [Плунгян 2008: 20-21]. Исследователь отмечает, что при смене пассажей можно ожидать изменения грамматического оформления соответствующих фрагментов дискурса, кроме того, значимым является «противопоставление основной линии и фона», так как именно оно определило «прогресс грамматических исследований дискурса» [Плунгян 2008: 20]. Автобиографические нарративы могут быть проанализированы через рассмотрение пассажей, образующих их структуру, однако такой выбор пассажа в качестве элемента информационной структуры не представляется оптимальным по причине того, что автобиографический текст является сложным, многомерным сообщением большого объема, в котором изображается жизнь как самого говорящего, так и других людей, социальных групп, целых стран – это позволяет предположить появление нескольких повествовательных линий, сформированных секвентными пассажами, при этом выделение основной и фоновой линий является затруднительным.

Ранее мы отмечали, что при изучении автобиографий учёные обращаются к исследованию феномена памяти: личной, семейной и коллективной – однако,

насколько нам известно, до сих пор не были предложены механизмы описания взаимодействия данных видов памяти в структуре нарратива. Тем не менее, исследователи отмечают некоторые языковые особенности автобиографического жанра, не рассматривая их при этом как способ вербализации того или иного вида памяти. Так, например, Л. М. Ньюбина справедливо обращает внимание на смену форм настоящего и прошедшего времени, однако отмечает, что такие формы «сменяются немотивированно, взаимодействуют хаотично и нестабильно» [Ньюбина 2010: 112]. Возможно, рассмотрение такой мены форм в рамках тематических компонентов поможет выявить закономерности в том, что на первый взгляд выглядит хаотичным.

В нашем исследовании мы предлагаем выделить **композиционно-тематические линии**: личную линию (автобиографическую), когда речь идёт о событиях, которые происходили с человеком; семейную линию повествования, выстроенную как воспоминания о семье и жизнях людей ближайшего окружения; социально-историческую (коллективную) линию, рассказывающую о жизни страны и целой эпохи. Каждая линия является речевой репрезентацией описанных ранее видов памяти и может быть изучена через рассмотрение основных действующих лиц, набора тем, характера происходящих событий и способа их изображения.

Дадим рабочее определение: в нашем понимании, **композиционно-тематическая линия** – единица информационной структуры автобиографического нарратива, являющаяся речевой репрезентацией одного из видов автобиографической памяти (личной, семейной, коллективной), характеризующаяся единством в выборе тем и действующих лиц и обнаруживающая общие закономерности (правила) использования лексико-грамматических средств при их описании.

Расположение трёх линий в структуре текста и их речевое воплощение позволяют рассмотреть информационную структуру текста, а способы взаимодействия – его композицию.

Отметим, однако, что существует несколько подходов к пониманию термина «композиция». В широком смысле под композицией принято понимать «совокупность приемов, использованных автором для “устроения” своего произведения, приёмов, создающих общий рисунок этого последнего, распорядок отдельных его частей, переходов между ними и т. п. Сущность композиционных приемов сводится таким образом к созданию некоторого сложного единства, сложного целого и значение их определяется той ролью, которую они играют на фоне этого целого в соподчинении его частей» [Зунделович 1925: 371].

При узком понимании толкование композиции связано с проблемой выделения точек зрения: «композиция – система фрагментов текста произведения, соотнесенных с точками зрения субъектов речи и изображения» [Тамарченко 2008: 102].

Если первое определение соотнесено с формальным построением произведения или *внешней композицией* (делением на главы, фрагменты в их соотношении с целым произведением), то второе соотносится с *внутренней композицией*. В повести «Русский иероглиф» такое противопоставление является значимым, поскольку внешняя композиция связана с зоной автора, а внутренняя – с речевой зоной героини-рассказчицы, воспоминания которой переданы в тексте.

Для изучения внутренней композиции необходимо соотнести фрагменты текста с точками зрения, а также рассмотреть фрагменты в их взаимодействии при движении к финалу. Предлагаемые в настоящем исследовании единицы анализа информационной структуры автобиографического нарратива обнаруживают способность соотноситься с точками зрения субъектов речи и изображения, то есть являются единицей не только информационной структуры, но и композиционной.

Б. А. Успенский в книге «Поэтика композиции» (1970) предлагает различать четыре плана проявления точки зрения: идеологический, фразеологический, пространственно-временной и психологический. В каждом из этих планов «автор» выбирает, с какой позиции он изображает события: со своей собственной, «внешней» по отношению к излагаемым событиям точки зрения,

или с «внутренней». Исследователь отмечает, что «автор может описывать одно действующее лицо с точки зрения другого действующего лица (того же произведения), использовать свою собственную точку зрения или же прибегать к точке зрения какого-то третьего наблюдателя (не являющегося ни автором, ни непосредственным участником действия)» [Успенский 1970: 28]. Различные стратегии описания «героев» обнаруживаются и при анализе композиционно-тематических линий.

Изучение композиции автобиографического нарратива следует проводить, принимая во внимание все четыре точки зрения (идеологическую, психологическую, фразеологическую, пространственно-временную), однако центральным для дискурсивного анализа является речевой план – фразеологическая точка зрения, которая обнаруживается в случаях, когда автор описывает героев различным языком, или использует замещенную речь при описании.

1.6 Типы организации информации в нарративе и их роль в формировании текстовой стратегии

Настоящая работа посвящена изучению нарратива (последовательного рассказа о событиях жизни) героини-рассказчицы – то есть, речь идёт о повествовании как типе речи. Исследователи выделяют разные типы повествования: изображение ситуации (изобразительное повествование); осмысление события, включение его в шкалу жизненных ценностей (событийное повествование); информирование о ситуации (информационное сообщение) [Коньков, Неупокоева 2011: 10]. В основе данного разделения лежит «характер восприятия события субъектом (нарратором)» [Попова 2019: 47], который, в свою очередь, отражен в понятии «регистр» Г. А. Золотовой. Т. И. Попова отмечает,

что «учёт регистра даёт возможность разделить повествование и сообщение на основе их разной коммуникативной цели (изобразить/осмыслить) и четко увидеть различие грамматических средств в их организации» [Попова 2019: 47].

Обратимся к работам Г. А. Золотовой, которая предложила выделить типы репрезентации информации в тексте в зависимости от коммуникативной функции – коммуникативные регистры.

При выделении регистров важными оказываются следующие факторы: а) характер отображаемой в речи действительности (динамика действий, процесса противостоит статике качества, отношения); б) пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего или персонажа-наблюдателя и способ восприятия (сенсорный или ментальный); в) коммуникативные интенция говорящего (сообщение, волеизъявление, реакция на речевую ситуацию [Золотова 2004: 402]. Реализация коммуникативных регистров происходит в «высказываниях, текстах или фрагментах, коммуникативных блоках» [Там же].

Таким образом, для дискурсивного анализа автобиографического нарратива, в частности – в плане фразеологии, возможно использование связки композиционно-тематической линии и коммуникативного регистра.

Регистры организуются «совместными усилиями лексики, морфологии и синтаксиса»: так, например, от выбранного регистра будет зависеть использование видовременных форм глагола (аористивная, перфективная, имперфективно-процессуальная и качественно-описательная), вводных и модальных слов (в особенности со значением проблематической и категоричной достоверности), при помощи которых «говорящий может указывать на то, в каком отношении к контексту речи находится содержание данного сообщения», и сигнализирующих нам о «переходе от прямой речи к авторскому слову» или о «смене субъектных планов», а также выбор синтаксических единиц [Золотова 2004: 402 - 435].

В работах «Коммуникативная грамматика русского языка» и «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» Г. А. Золотова выделяет следующие типы регистров:

Репродуктивный (изобразительный) регистр – воспроизводит средствами языка фрагменты, картины, события действительности, непосредственно воспринимаемые органами чувств говорящего, наблюдателя, находящиеся в едином с ним хронотопе (реально или в воображении) [Золотова 2004: 402-403]. Данному регистру «свойственна единичность, эпизодичность действий, событий, последовательно сменяющихся, вытесняющих друг друга в текстовом локативно-темпоральном пространстве, а также референтность, конкретность наблюдаемых предметов» [Золотова 2004: 441]. Изобразительный регистр имеет два подвида: изобразительно-повествовательный (на пересечении изобразительности и акциональности) и изобразительно-описательный (на пересечении изобразительности и квалитативности) [Золотова 2003: 349].

В исследовании выделяются три способа изображения наблюдаемого события:

1. общеперцептивный способ визуален, рисует картинку;
2. частноперцептивный соотнесен с одним из каналов сенсорного познания;
3. интерпретационный добавляет эмоционально-оценочное осмысление события, логическое осмысление и «уводит нас в область информативного регистра» [Золотова 2004: 425].

Информативный регистр сообщает о явлениях действительности в отвлечении от их конкретно временной длительности и от пространственной отнесённости к субъекту речи. В этом регистре, в отличие от репродуктивного, отсутствует хронотоп, конкретная длительность действий, и говорящий не имеет прямого отношения к тому, о чем он сообщает [Золотова 2003: 348]. Выделяется два подвида: информативно-повествовательный и информативно-описательный регистры [Золотова 2003: 349]

Генеритивный регистр: в блоках данного типа происходит «обобщение, осмысление информации, соотносящее её с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с системой человеческих знаний» [Золотова 2003: 395]

Волюнтивный регистр характеризуется коммуникативной функцией волеизъявления говорящего, побуждения адресата к действию [Золотова 2003: 397].

Реактивный регистр выражает эмоциональную или ментальную реакцию говорящего на коммуникативную ситуацию. Такую реакцию вызывает или предшествующая реплика в диалоге или неожиданное речевое событие [Золотова 2003: 398].

Изучение регистров является одним из этапов анализа текста, за которым следует определение тактик и стратегии автора. В основу настоящей работы положена концепция Г. А. Золотовой, которая выделила четыре этапа анализа структуры текста [Золотова 2004: 455]:

- A. Структурно-семантическое (типовое) значение предикативной единицы;
- B. Принадлежность её к речевому регистру;
- C. Тактика текста;
- D. Стратегия текста.

Степень А представляет собой системно-языковую данность, существующую независимо от текста, степень В – это потенциальная характеристика, ориентированная на тип текста вообще. На ступенях С и D объектом изучения становится текст как целостная словесно-композиционная структура, а выбором и комбинацией средств руководит тактика и стратегия автора [Там же].

Тактика текста – комплекс языковых и речевых приёмов и принципов соединения, сцепления единиц, создающих дополнительные смыслы, и конструктивно-семантические, и субъективно-оценочные [Золотова 2004: 456].

Стратегия текста включает понятия замысла, позиции, мировосприятия, отношения автора к предмету и поставленной им проблеме, его прагматических интересов. Читатель и исследователь могут приближаться к пониманию стратегии текста, но её точное знание невозможно [Там же].

С учетом сложной субъектной организации повести «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой», можно выделить следующие этапы анализа текста:

1. Рассмотрение особенностей речевой репрезентации каждой из композиционно-тематических линий автобиографического нарратива. Этот этап предполагает выделение регистров, анализ средств их лексического, морфологического и синтаксического наполнения в зависимости от интенции самого говорящего (Инны), а также точки зрения (внутренней или внешней) описания окружающей действительности.
2. Изучение приемов и принципов взаимодействия выделенных структурных единиц с учетом коммуникативного регистра при движении к финалу повести. На этом этапе учитывается изменение пространственно-временной точки зрения.
3. Рассмотрение общей композиции повести (деление на формальные структурные части).

Первый и второй этапы определяют тактики и стратегию говорящего, второй и третий – тактики и стратегию автора. При изучении автобиографических нарративов, в которых соблюден критерий тождества автора, повествователя и действующего лица, все три этапа необходимы для описания тактик и стратегии автора текста.

1.7 Повесть «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой»: жанрово-композиционное своеобразие

Как было отмечено ранее в нашей работе, рассматриваемый текст отличается сложной жанровой и субъектной природой, так как автором и героем документальной повести являются разные люди. В настоящем параграфе будет рассмотрена внешняя композиция повести, которая организуется авторским

видением и замыслом, в следующих главах – особенности информационной структуры и внутренней композиции, которые в большей степени определяются сознанием говорящего как носителя информации.

В предисловии к первой книге трилогии «Счастливая жизнь» А. Н. Архангельский говорит о том, что построил текст о Теодоре Шанине «как биографический роман», где Шанин выступает в главной роли. Он взял у героя многочасовое интервью, «выбросил свои вопросы», потом «достроил текст таким образом, чтобы он читался как сплошная головокружительная история», но при этом сохранил «чудесные особенности его речи, великолепные неправильности, и фонетические, и грамматические» [Архангельский 2020: 9-10].

Все три книги цикла посвящены теме счастья «поверх трагедии Истории»: героем первой книги является Теодор Шанин, крестьяновед и социальный работник, который пережил войны, ссылку, смену гражданств, бегство через границы, создание университета; герой второй – славист Жорж Нива, в юности друживший с Пастернаком, изгнанный из СССР накануне свадьбы, прошедший войну в Алжире; героиня третьей – Инна Ли, которая «родилась в сталинском СССР, жила вольготной жизнью золотой китайской молодежи в маоистском Пекине, была (впрочем, мирной) русской хунвейбинкой... И дальше – по полной программе. Спецтюрьма, перевоспитание в деревне, реабилитация, китайские реформы, жизнь в России после перестройки, в том числе во время путча 1991 года и кровавых потрясений 1993-го...» [Архангельский 2022: 8]. Все герои «должны быть связаны с Россией, но не принадлежать ей без остатка; пусть переживание будет внутреннее, а взгляд скорее внешний» [Там же: 7].

Документальная повесть «Русский иероглиф» состоит из пролога и 9 глав («Мама и папа», «Русакит и китарус», «Государственные яблочки», «Русские хунвейбинки», «Тюрьма и воля», «Домик в деревне», «Конец культурки», «Лишь бы не было войны», «В Москву! В Москву!»), каждая из которых разделена на несколько частей (параграфов). Повествование ведется в хронологическом порядке с ретроспективными комментариями героини-рассказчицы. Кроме того, нарушением хронологического порядка является рассказ о поездке в Студёнку в

1993 году, описанный в прологе, поскольку в нём воспроизводятся воспоминания о периоде «после перестройки», в то время как основная история началась ранее, в середине XX века. В «Прологе» отражены все три вида автобиографической памяти: личная, семейная, социально-историческая.

Обратимся к тексту: *«Мама моя, Елизавета Павловна Кишкина, происходила из семьи саратовского родовитого помещика и провела детство в имении Студёнка. Мой двоюродный дед Николай Михайлович Кишкин был членом Временного правительства, 25 октября 1917 года получил власть из рук Керенского в Петрограде, но всего лишь на сутки. А папа Ли Лунчжи, более известный под псевдонимом Ли Лисань, был выдающимся китайским коммунистом, до поры до времени соратником Мао Цзэдуна. Две родины, две крови, две культуры, две идеологии – не типичная, но и не редкая судьба в XX веке»* (с. 11). При введении информации о фигурах родственников можно проследить движение от личного, интимного, «маленького» пространства (вводится фигура мамы, указывается её принадлежность к роду, указано место, где она провела детство) к двоюродному деду (здесь интересен отбор информации: читателю из всей биографии даётся исторический, политический фрагмент), затем – к отцу, который уже представлен как фигура более далекая и высокая («был выдающимся китайским коммунистом»), и в завершении вводится обобщение, которое ставит вопрос: «а кто есть я в этой родовой системе и о чем будет повествование».

Обратим внимание и на точку зрения на вводимых персонажей: с одной стороны, проявляется «я» героини, но оно выражено только через притяжательные местоимения «мой», «мой» («мама моя», «мой двоюродный дед»), то есть рассказ о жизни Инны Ли начинается как автобиография (на это указывает и структура предложения, характерная для данных текстов: я, фамилия имя отчество, родился / родилась и т.д.), но это не история самой Инны, а биография ее семьи: на этом этапе можно предположить, что история жизни героини будет дана в неразрывной связи с историей семьи, рода, его

особенностями (такими, как «два языка» и «две культуры»), осмыслением своего места в этой системе.

С другой стороны, обращает на себя внимание некая отстранённость, «деловитость» письма: оценка членам семьи дается как будто со стороны исследователя, историка, стороннего беспристрастного наблюдателя (*«более известный под псевдонимом», «был выдающимся китайским коммунистом»*) – это указывает на стремление к документальности, четкости, беспристрастности, подчеркивает «объективность» взгляда, а также является возможным маркером речевой зоны повествователя. Движение при этом идёт от точки, которую можно было бы обозначить как «место в моем мире» к точке «место в истории мира»: так, читатель сначала узнаёт о том, кем является родственник, и уже потом – о его исторической роли. Данный приём используется в тексте при введении информации о людях, предметах, явлениях: уточнение является средством обозначения более широкого контекста, документальной, энциклопедической оценки, на стыке между информативным и обобщающим, генеритивным регистрами.

Затем информативный регистр сменяется репродуктивным, на что указывает использование перволичного дейктика «мы», акциональных глаголов, выраженная визуальная и аудиальная перцепция: *«В мае 1993-го мы небольшой компанией сели в поезд на Павелецком вокзале и вылезли на маленькой станции, в Балашове. Оказались словно на другой планете. Никакой политики, никаких московских бурь – вечная русская тишина. На автобусе по степным колдобинам добрались до ближайшей от Студёнки станции. Нас встречали селянка Лариса на подводе и какой-то мужик на раздолбанном мотоцикле с коляской»* (с. 12). Кроме того, в повествование включены диалоги, что также создает эффект присутствия, даёт взгляд на описываемое «изнутри».

Обратим внимание на предложение: *«Никакой политики, никаких московских бурь – вечная русская тишина»*. С одной стороны, здесь мы можем предположить наличие оценочности, а не описание. Маркёрами появления субъекта восприятия являются слова: «тишина» (аудиальное восприятие),

никакой политики (никаких разговоров о политике, вовлечения в политику и т. д.). Более чёткая перцептивная позиция обнаруживается в предложении «*В глаза бросалось запустение, заброшенность, угасание*» (с. 13). Акцент смещается не на глагол, а на состояние, воспринимаемое субъектом – «запустение, заброшенность, угасание», однако в семантике данных слов тоже отобразена оценочность (так, слово «угасание» говорит о мыслительной перцепции, а не о реальном «угасании»). Данные наблюдения указывают на то, что сознание героини-рассказчицы через языковые средства выражает разную степень объективности и участия в событиях: так, действия, выраженные глаголами совершенного вида, показывают фигуру «автобиографического я» как участника событий, то есть как объект изображения. Предложения с местоимением «я» передают высшую степень категоризации и уверенности, однако представляют событие только с точки зрения интерпретации. Односоставные предложения (*Вечная русская тишина*) или предложения, тяготеющие к ним по семантике (*в глаза бросалось запустение, заброшенность, угасание*), совмещают общеперцептивный, частноперцептивный и интерпретационный (Г. А. Золотова) способы описания события. Эту мысль подтверждает и следующее предложение: «*А спустя шесть десятилетий – полураспад. Когда мы в 2015-м с мужем и родственниками приехали снова, осталось и того меньше: четыре или пять домов. Все зарастало бурьяном...*» (с. 13). Полураспад в данном случае может быть как указанием на визуальный образ (*четыре или пять домов; все заросло бурьяном*), так и на логическую оценку происходящего.

Рассмотрим ещё один пример: «*Я внимательно смотрела по сторонам и все яснее понимала, почему они решили вдруг полюбить ушедшую, навсегда закончившуюся – и совершенно незнакомую им – жизнь*» (с. 13). В данном фрагменте глагол «смотрела», с одной стороны, фокусирует взгляд читателя на героине как субъекте восприятия, однако при более детальном рассмотрении мы понимаем, что и здесь есть оценка, обобщение, вывод героини, её стремление проникнуть в сознание и мотивы людей, на что указывает и глагол «понимала»,

указывающий на мыслительную, категоризирующую деятельность субъекта сознания.

Таким образом, местоимение «я» в данном фрагменте книги (в «Прологе») вводит повествующего субъекта как субъекта оценки, а не непосредственно воспринимающее сознание. Тогда закономерным становится вопрос: какими средствами выражено присутствие героини как субъекта восприятия, оценки и участника событий.

В тексте пролога представлена еще одна ипостась – героиня-рассказчица как субъект оценки. Обратимся к примерам: *Это отношение, видимо, распространялось и на крестьянских дочерей и жен* (с. 13); *Дом, в котором мама родилась, сгорел в 1920-е. Скорей всего, сожгли его крестьяне* (с. 14).

В эпизоде дается оценка бытовых событий, не имеющая выхода в такую степень обобщения, как рассуждение о роли помещичьего происхождения или оценка жизни других людей – то есть, главной задачей здесь является выражение сомнения, неуверенности, предположения для каких-то фоновых, бытовых событий, в то время как «я решила» и «я понимала» наряду с уточняющими членами предложения (как и с целыми уточняющими предложениями) – это маркер интеллектуальной интерпретации героини-рассказчицы, введения её позиции. Однако уточняющие члены и предложения имеют больше документальную функцию (указать на особенности, прокомментировать, дать дополнительную информацию), нежели собственно оценочную: *«Двоюродная сестра Гурия Ивановича, старушка в бязевом платочке, подошла к маме, обняла и в плечо поцеловала: считалось, что бар положено целовать именно в плечико. А в соседнем селе Чернавка к телеге засеменяла другая старушка и припала к маминой ручке: до революции она была горничной у соседнего помещика»* (с. 13).

Таким образом, для передачи разных пластов сознания и восприятия повествующего субъекта (в рассматриваемом тексте это действительно непростая категория: это и объект изображаемого мира с его восприятием, и субъект оценки происходящих событий, а также документалист, стремящийся к точности изображения, при этом таким документалистом может выступить как сама

героиня-рассказчица, так и повествователь) использованы разные элементы языка, что позволяет играть с разными точками зрения на изображаемые события: смещать фокус с бытовых деталей на исторические, с чисто перцептивного восприятия в моменте на интерпретационное восприятие. Анализ пролога показал, что для героини-рассказчицы осмысление исторических событий является важной проблемой: она не просто вводит оценку, а пытается понять, что меняют социальные сдвиги, а что они оставляют без изменений. Эпизод поездки в Студёнку открывает интересную особенность: в то время как Инна пережила смерть отца, глобальную культурную революцию, тюрьму и другие события, в сознании людей Студёнки сохранялись выработанные веками установки, и они связаны не только с мелкими деталями, а с организацией общего уклада жизни.

Таким образом, центральным фокусом произведения, вероятно, является не просто жизнь героини, а попытка понять, в каком соотношении находятся социальные процессы и сознание людей [Лисова 2023а].

Последняя глава «В Москву! В Москву!» является композиционным отражением «Пролога»: вместе эти два структурных элемента формируют композиционную рамку.

В начале главы «В Москву! В Москву!» рассказывается о поездке Инны и мужа в Россию, что отсылает читателя к рассказу о путешествии Инны и её матери в «Прологе»: *«На этот раз мы ехали китайским поездом через Монголию. И вот первая русская станция, крошечный полузаброшенный поселок; поезд прибыл ночью, мы с мужем вышли – огляделись, ужаснулись: ни души, пусто, почтовое отделение закрыто»* (с.229). Впечатление Инны от поездок остается примерно одинаковым: пустота, тишина, заброшенность – то есть несмотря на то, что это две разные поездки, отсутствует внутренняя динамика социальных сдвигов, что является имплицитным сопоставлением с тем количеством изменений, которые произошли в сознании людей в Китае за это время. В итоге Инна сама приходит к такому выводу, что делает скрытое сравнение эксплицитным: *«Вернувшись в Пекин, я обобщила свое впечатление так: люди, может быть, стали жить лучше. <...> Но общий уклад жизни – темы бесед,*

интересы – все такое же, как раньше. Никакого движения, никакого развития. А мы за это время столько пережили. И даже, несмотря на всю китайскую специфику, куда свободнее обсуждали пути дальнейшего движения, в газетах писали о казарменном, феодальном социализме...» (с. 230).

Интересно, что в главе описано еще одно событие, связанное с периодом жизни Инны в России (1989-1995 гг.), но являющееся отражением события, которое героиня уже проживала в Китае: *«Один раз меня притащила к Белому дому, оцепленному со всех сторон... А меня накрыл настоящий ужас – я же видела пекинские события 1989 года, знала, чем подобная история может кончиться. Тем более что мы жили в районе “Динамо”, слышали, как шли танки ночью к Белому дому. Стала лихорадочно думать, куда же срочно уехать – клетка может захлопнуться, мы такое уже проходили»* (с. 235-236). Такое сопоставление говорит о близости социальных укладов двух стран в определенных точках развития и становления, однако, если исходить из впечатлений героини, изложенных в «Прологе» и главе «В Москву! В Москву!», страны прошли эти этапы по-разному. Таким образом, сопоставление укладов двух стран и событий внутри каждой страны становится центральной проблемой повествования.

Ещё одну параллель героиня-рассказчица проводит, рассказывая о социальном напряжении в Китае 1989 года, когда прощались с Ху Яобаном, который «воспринимался как борец за добро и справедливость и поборник демократии, сторонник реформ» (с. 237): *«Чем-то все это напомнило январские события 1976 года, о которых мало пишут, но которые окончательно продемонстрировали провал “культурной революции”. Тогда прощались с Чжоу Эньлаем; его тоже воспринимали как заступника, он как бы срифмовался с народной мечтой о справедливости»* (с. 238); *«С чего-то подобного начались и события 1989-го. Смерть популярного политика с ореолом гонимого, сгущение атмосферы, гнев студенческих организаций, не допущенных на прощание, дацзыбао и плакаты в кампусах. И в мае месяце все выплеснулось из кампусов на ту же площадь Тяньаньмэнь»* (с. 240).

Такая стратегия поиска параллелей отражена не только в сопоставлении исторических и социальных явлений двух стран, но и в общем построении главы: одновременно с фокусом на исторической оценке, внимание читателя концентрируется на семейной жизни героини и её детей. Мы узнаем, что Инна второй раз выходит замуж (за известного московского литературоведа), жизнь её детей напрямую связана с Россией (один стал синхронным переводчиком, другой – режиссёром, который часто работает в совместных китайско-российских проектах). Тема связи Китая и России дана в сразу в трёх параллельных линиях: личной, семейной и социально-исторической. Героиня-рассказчица задается вопросом о том, кто она «этнически и культурно – русская или китаянка»: *«Был у меня китарусский период, был китайский, сейчас я нахожу такой ответ: я китаянка с русским уклоном. Было время, когда две мои этнические половинки вступали в конфликт. Слава богу, сейчас я нашла какую-то гармонию. Оказалось, что мне удобно сидеть на двух стульях: если я оказываюсь заперта в одной культуре, я начинаю задыхаться. То же и с дворянским происхождением»* (с. 240).

Таким образом, читательское внимание снова оказывается сконцентрированным на вопросе, обозначенном в начале в «Прологе», затем в главе «Мама и папа», – это фокус на внутреннем переживании, который, несмотря на всю документальность и объективно-историческую доминанту воспоминаний Инны, становится основным: если до этого героиня-рассказчица делала акцент на событиях, происходящих вокруг, и изредка упоминала о своих внутренних переживаниях, то здесь читатель понимает, что именно это переживание оказывается центральным. В то же самое время, в фокусе оказывается сравнение Китая и России, находившееся до этого в фоне: *«Русская культурная традиция как минимум отчасти связана с идеей страдания. А в Китае есть культ счастья, в том числе материального, потому что человек не может балансировать на грани между бездуховным накопительством и духовной безбытностью»* (с. 251).

Таким образом, автором (поскольку именно он является фигурой, выстраивающей композицию повествования) ставится вопрос о том, что есть

счастье и почему люди проживают счастливую жизнь даже несмотря на множество социальных и исторических потрясений. Эта проблема является центральной не только для рассматриваемого текста, но и для всей трилогии «Счастливая жизнь». В конце последней главы героиня-рассказчица размышляет о категории счастья: *«Русская культурная традиция как минимум отчасти связана с идеей страдания. А в Китае есть культ счастья, в том числе материального, потому что человек не может балансировать на грани между бездуховным накопительством и духовной безбытностью. Мне родственница подарила на днях вышивку по шелку – как раз иероглиф “счастье”. Есть даже сюжет такой традиционный, каллиграфический: сто иероглифов счастья. Как это перевести на русский?»* (с. 251). В приведенном примере продолжается нить сравнения двух культур, проходящая через текст повести, а вынесение автором данного фрагмента в самый финал повествования позволяет обнаружить вероятный ответ на этот вопрос: счастье заключается в особом культурном восприятии мира, которое включает в себя одновременно «материальное» и «духовное», а также в умении внутренне следовать за стремительными внешними изменениями, на что указывает само построение текста и сравнение двух поездок: одной в начале текста, другой – в последней главе.

Выводы по первой главе

Настоящая глава посвящена рассмотрению автобиографического нарратива с точки зрения его жанровых, композиционных, структурных особенностей, а также потенциала при изучении языкового сознания и когнитивных процессов. Автобиографический нарратив представляет собой хронологически последовательный рассказ в прозе, основной темой которого является личность и её становление. В соответствии со своим коммуникативным намерением, автор может делать ретроспективные вставки – то есть забежать вперед или возвращаться назад в своем повествовании, комментировать события и давать

оценку происходящему из момента «здесь и сейчас», что позволяет говорить о сложной субъектной и временной организации нарратива: в тексте присутствует «Я как субъект речи», соотнесенный с моментом речи, «Я как объект, о котором рассказывает “Я”», соотнесенный с прошлым, и «Я как субъект, наблюдающий и осознающий самого себя», соотнесенный как с моментом речи, в котором происходит рефлексия, так и с эпизодом наблюдаемого прошлого.

В современных научных исследованиях рассмотрение жизненного опыта человека, объективированного в автобиографических произведениях, оказывается сопряженным с изучением феномена памяти: индивидуальной, семейной и коллективной – что определяет необходимость учёта данной категории при анализе информационной и композиционной структуры таких текстов. В лингвистике существуют разные подходы к выделению структурных единиц, однако они не представляются нам релевантными для анализа автобиографического текста, обращенного к памяти человека. В нашей работе в качестве структурной единицы мы предлагаем рассматривать композиционно-тематическую линию, поскольку она является речевой репрезентацией личной, семейной или коллективной памяти – то есть, тех видов памяти, которые в своих научных трудах выделяют исследователи автобиографического нарратива; кроме того, в каждой композиционно-тематической линии можно выявить общие закономерности (правила) использования лексико-грамматических средств при описании тем и действующих лиц.

Таким образом, критериями выделения композиционно-тематических линий являются: 1) событийно-тематический; 2) функционально-семантический.

При рассмотрении особенностей передаваемой информации и речевой репрезентации каждой линии в работе предлагается использовать теорию коммуникативных регистров Г. А. Золотовой, а сам анализ особенностей выделенных структурных единиц позволяет представить информационную структуру автобиографического нарратива. Кроме того, взаимодействие композиционно-тематических линий формирует внутреннюю композицию нарратива, которая, в отличие от внешней, связана с фигурой героини-

рассказчицы. Несмотря на то, что героиня-рассказчица не является автором документальной повести, именно её воспоминания, восприятие, переживание и оценка формируют информационную структуру нарратива и внутреннюю композицию, в то время как внешняя композиция определяется замыслом автора произведения.

В главе также были осмыслены такие понятия, как «внешняя композиция» и «внутренняя композиция», предложено определение «информационной структуры», под которой понимается группировка смысло-тематических компонентов, на которые автор (говорящий) членит содержание текста, и их расположение в заданной им последовательности в соответствии с его коммуникативным намерением. В следующих главах представлены результаты анализа особенностей речевого воплощения композиционно-тематических линий, а также определены стратегии их взаимодействия.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОМПОЗИЦИОННО-ТЕМАТИЧЕСКИХ ЛИНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

В главе рассматриваются особенности информационной структуры документальной повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой» (2022), в которой, с одной стороны, показаны жизнь и переживания конкретного человека и близких ему людей, с другой – описаны масштабные исторические события, происходившие в Китае в XX веке, как с позиции наблюдателя, то есть «изнутри», так и со стороны объективного стороннего документалиста, дающего ссылки на источники, из которых была получена информация. Информационная структура текста, таким образом, может быть описана через изучение особенностей трёх композиционно-тематических линий, критериями выделения и принципами описания которых являются: 1) событийно-тематический; 2) функционально-коммуникативный.

Первый (событийно-тематический) критерий предполагает рассмотрение в каждой из линий действующих лиц и происходящих с ними событий. В личной композиционно-тематической линии главным действующим лицом будет сама героиня (Инна), а среди основных событий можно выделить следующие: ранние детские воспоминания, поездка к отцу в Китай и годы в детском саду, переезд в Москву и учёба в школе, поступление в университет и студенческие годы, арест и освобождение, знакомство и роман с первым мужем, рождение детей, знакомство со вторым мужем и др.

В семейной композиционно-тематической линии центральными действующими лицами являются родители Инны и её сестра, а второстепенными – бабушки, дедушки, мужья, сыновья. Среди основных событий можно выделить следующие: знакомство и женитьба родителей, переезд в Пекин, разговоры с Лялей (сестрой) и совместная учеба в университете, вспоминая о политических разговорах с отцом, смерть отца, арест мамы и её освобождение, жизнь с Лялей

после освобождения в городе Тяньцзинь, воспоминания о муже и его семье, поступление детей в университет и их профессиональная деятельность, поездка в Студёнку с мамой.

В социально-исторической линии описывается жизнь народа в целом, малых социальных групп (студентов, хунвейбинов), а также роль отдельных политических деятелей в социальных процессах: так, центральными фигурами являются: отец Инны (Ли Лисань), Мао Цзэдун, Кан Шин, Пэн Дэхуай, Линь Бяо, Чжоу Эньлай. Героиня-рассказчица описывает как общие закономерности жизни в СССР и Китае разных периодов (например, хрущевские реформы, атмосферу маоцзэдуновского Китая в 1958 году, подготовку к разрыву с СССР, культурную революцию, дипломатию пинг-понга, описание жизни в Китае после «культурки» и расцвет народной медицины), так и конкретные события политической жизни (закрытое совещание ЦК в горах Лушань в 1959 году, борьба против буржуазной линии в сфере образования в Пекинском университете, речь Мао Цзэдуна, выход на площадь Тяньаньмэнь, IX съезд КПК весной 1969 года, бегство Линь Бяо 13 сентября 1971 года и др.).

Несмотря на то, что событийно-тематический компонент является важным при формировании композиционно-тематических линий, объектом рассмотрения в нашей работе является второй (функционально-коммуникативный) критерий, предполагающий «описание закономерностей и правил функционирования грамматических единиц в речи, показ в совокупности и взаимосвязи различных грамматических средств и языковых средств разных уровней, участвующих в выражении одного определенного смысла» [Величко 2018: 13]. При анализе функционирования конкретных языковых единиц необходимо учитывать как структурно-семантическое (типовое) значение предикативной единицы, так и её принадлежность речевому регистру [Золотова 2004: 455].

Таким образом, рассмотрение речевой репрезентации композиционно-тематических линий должно учитывать как общие закономерности использования

коммуникативных регистров, так и функционирование предикативных единиц в регистровом блоке каждой линии.

2.1 Личная композиционно-тематическая линия

Важной особенностью автобиографического нарратива является рассказ о личной линии жизни и сменяющихся друг друга событиях, стремление к передаче эмоций и переживаний. В рассматриваемом тексте личная история Инны оказывается неразрывно связанной с семейной и социально-исторической, поэтому события композиционных линий будут перекликаться.

Композиционно-тематическую линию отличает стремление к передаче яркой перцептивной картинки (и её изменения) в моменте [Лисова 2023в]. Исследователь автобиографической памяти В. В. Нуркова относит такие воспоминания к типу «ярких воспоминаний», которые представляют собой живую картинку и максимально «сохраняют прошлые метрики пространства» [Нуркова 2000: 129], при этом воспоминание разворачивается как «описание картины: называются участники ситуации, предметы, их характеристики, взаимное расположение, перемещения относительно друг друга» [Нуркова 2000: 115], а детали эпизода могут даваться не только в визуальной, но и в других модальностях [Нуркова 2000: 115]. С лингвистической точки зрения такие воспоминания оформляются через репродуктивный (изобразительный) регистр, что определяет и грамматическую доминанту данного регистра – использование настоящего времени, поскольку автор фиксирует реально наблюдаемые явления в совпадении их с моментом речи.

Использование настоящего исторического (настоящего нарративного, настоящего описательного) обусловлено функциональной ролью в нарративе, «сопряженной с выделением информации, с приближением адресата к хронотопу происходящего, с актуализацией повествуемых событий для адресата» [Уржа

2015: 92], однако «прагматический эффект этой формы может быть совершенно различным, он зависит от жанра интерпретируемого текста и от набора языковых средств и композиционных приемов, в связке с которыми он реализует свою функцию» [Уржа 2015: 92-93]: в качестве иллюстрации исследователь рассматривает перевод приключенческого, философско-иронического и социально-психологического текстов. Так, для интересующего нас в большей степени репродуктивного регистра при переводе книги М. Твена «Приключения Тома Сойера» К. Чуковский использовал следующую комбинацию языковых средств: настоящее историческое, лексика с перцептивной семантикой, имена существительные, которые имеют семантику конкретной референции, предикаты с акциональной семантикой, субъективация, дейктические показатели – такая связка позволяет сделать приключенческое произведение более увлекательным [Уржа 2015]. Насколько нам известно, прагматический эффект от использования настоящего исторического в связке с другими языковыми средствами на материале автобиографических нарративов не был предметом специального изучения, однако мы прогнозируем появление данных форм в автобиографических текстах, поскольку применительно к событиям собственной жизни можно говорить о «внутренней фокализации» (Ж. Женетт) или видении ситуации изнутри, при котором нарратор и персонаж являются одним лицом (в нашем случае, это Инна). Обратимся к анализу текста, чтобы выделить грамматические особенности (и их связки), используемые в личной линии повествования.

Рассказ о своих первых воспоминаниях о раннем детстве героиня начинает с описания того, что она видела в трёхлетнем возрасте, то есть с перцептивных (визуальных) эпизодов: *«Помню себя начиная с трёхлетнего возраста. Отец уже в Китае – его отправили руководить Северо-Восточным бюро КПК. Мы с мамой живем на подмосковной даче, 43-й километр. День моего рождения. Я открываю глаза. Все кажется очень большим. Солнечный свет падает на деревянную террасу. Рядом с кроватью подарочки, разнообразные игрушки. И висит платье. Это мой отец прислал с оказией из Харбина...»* (с.

24). Данный фрагмент отражает детские воспоминания героини, её восприятие окружающего мира: обращает внимание, во-первых, наличие субстантивных предложений разной семантики («*Отец в Китае*» – локативная характеристика субъекта/предмета; «*День моего рождения*» – характеристика времени, в которое вводит нас сознание воспринимающего субъекта; «*Рядом с кроватью подарочки, разнообразные игрушки*» – характеристика места, «наблюдаемый пункт» автора. Таким образом, мы видим признак конкретно-временной локализованности или наблюдаемости, так как героиня является участником изображаемого мира, стремится передать его через «хронотоп» и визуальную перцепцию (указание на размеры предметов («*Все кажется большим*»), наличие света, предметов вокруг. Обратим внимание и на стремление к фрагментированию изображения, отсутствие деталей и комментариев (за исключением того, что связано с отцом: «*...его отправили руководить Северо-Восточным бюро КПК*» и «*это мой отец прислал с оказией из Харбина*» – такие комментарии как будто имеют функцию включения отца в изображаемый мир при его физическом отсутствии). Стремление к визуальной передаче воспринимаемого мира наблюдается и в дальнейшем в повествовании героини-рассказчицы о своем детстве: «*Яркая вспышка – день победы над Японией. <...> Балкон с видом на Кремль, все как полагается. И мама взяла меня с собой. Помню эту глубокую сентябрьскую ночь: мы стоим на балконе и как бы парим на огромной высоте над Красной площадью. А внизу все заполнено народом, голова к голове. Музыка. Салют. И прожектора шарят лучами в небе, а в их перекрестье – огромный парадный портрет товарища Сталина*» (с. 25). Здесь к визуальной перцепции (вид на Кремль, народ, прожектора в небе, портрет товарища Сталина) добавляются аудиальные и аудиально-визуальные (музыка и салют), а также проприоцептивные ощущения, то есть ощущения собственного тела в пространстве («*и как бы парим над Красной площадью*»). Даже предложения с акциональными глаголами – сказуемыми («*Прожектора шарят лучами в небе*») выполняют в данном фрагменте изобразительно-описательную функцию,

нивелируя свое исходное значение под воздействием доминирующей здесь семантики статики номинативных предложений.

Если мы рассмотрим другие события личной линии, то заметим, что они будут сопровождаться стремлением либо к передаче перцептивного образа, картинки, либо к описанию внутреннего переживания героини-участницы событий: предметными деталями будут наполнены воспоминания о поездках в СССР и возвращении в Китай, о студенческой жизни и годах пребывания в тюрьме, о событиях социальной жизни и др. Так, например, следующий эпизод передаёт яркие картинки, связанные с переездом в Пекин: *«И почему-то я запомнила, как мы въезжаем в старый посольский квартал. Свет фар выхватывает деревья, еще полуголые, на которых только-только листочки распускаются... Харбин был город сравнительно тихий, а Пекин наполнен криками, звонами. Поселили нас в старом городе: особнячки с прилегающим садиком, глухие стены, между ними узкие переулочки, которые на пекинском диалекте называются хутуны. И вот из этих переулочков всегда что-то доносилось. Идет старьевщик, стучит колотушкой, кричит. Идет точильщик, звенит металлическими связками, как кастаньетами, и поет...» (с.33-34).* В данном эпизоде обнаруживаются два вида перцепции: визуальная (полуголые деревья, листья распускаются, особнячки, глухие стены и т.д.) и аудиальная, которая развивается от введения общей мысли (всегда что-то доносилось) к конкретным примерам (звук стука колотушек, крик старьевщика, звон металлических связок, пение точильщика).

В более поздних воспоминаниях об общежитии акцент также сделан на считывании внешних деталей быта: *«Нас распределили в общежитие, шесть человек в двенадцатиметровой комнате. Три двухъярусные кровати. Деревянные, без всяких пружинных матрасов. Матрасы, тоненькие, ватные, мы привозили с собой, одеяла тоже. Стол один на всех. И табуреточки, которых не хватало, так что я предпочитала сидеть на кровати» (с. 47).* Фокус в приведённом фрагменте с предметной рематической доминантой (Г. А. Золотова) создается через выбор номинативных предложений, парцелляцию, использование

определений и уменьшительного суффикса (табуреточки). В данном фрагменте суффикс *-очк-* имеет оттенок «мало, недостаточно», что считывается читателем на фоне выбора лексических средств (тоненькие матрасы, стол один на всех, табуреток не хватало и т.д.). Обращает внимание и инвертированный порядок слов («*Матрасы, тоненькие, ватные, мы привозили с собой*»), а также порядок слов в предложениях («*И табуреточки, которых не хватало*», «*Стол один на всех*») – в данных предложениях акцент смещается с субъекта, его действия (мы привозили) на предметы (матрасы, табуреточки, столы), вынесенные в позицию темы. На первый взгляд, данный эпизод описывает второстепенную ситуацию, не связанную напрямую с динамикой повествования, однако фокус внимания героини (а вслед за ней – и фокус читателя) оказывается именно на деталях быта, через которые считывается информация как о жизни людей, общества в целом, так и о студенческой среде как отдельной социальной группе.

Отметим, что перцептивные эпизоды в структуре личной линии оказываются связанными и с темой внутреннего переживания героини относительно своей этнической принадлежности, а это переживание в свою очередь формирует один из центральных конфликтов повести – это «двоемирие». Показательным является одно из ранних воспоминаний «о ложке»: «*И тут возникла еще одна проблема, которая может показаться смешной, но деталь важная. Посуду в общежитие все приносили свою. Но у нас дома были только серебряные приборы. <...> Но я же не могу с этой большой серебряной ложкой заявиться в пролетарскую среду, где все едят алюминиевыми китайскими ложечками. <...> Я нашла выход. Взяла русскую деревянную ложку, расписную. <...> На меня даже приходили посмотреть; ложка меня прославила на весь институт» (с. 49-50). Под «двоемирием» имеется в виду не только этническое самоопределение (китаянка или русская), но и социальное двоемирие («пролетарская среда» и «буржуи»), равно как контрастное сравнение жизни в Китае «до и после поездки в СССР», «до и после культурной революции», жизни в СССР «до и после перестройки», а также сопоставление атмосферы, царящей в двух родных для героини странах – Китае и СССР.*

Кульминационной точкой развития двоемирия героини стало поступление в Пекинский институт иностранных языков: фокус смещается с внутреннего конфликта на предметную доминанту, детали одежды, быта, людей, еду – вероятно, именно потому, что в тот момент это стало той точкой, которая разделила мир дома, «буржуазный мир», в котором была собственная стиральная машина и даже повар, и «мир китайской бедноты».

Первое воспоминание об университете – это оформление Инны на первый курс, а её сестры – на подготовительное отделение. Тема двоемирия даётся через фокус на визуальном: *«Оделись, как привыкли, по-европейски, в юбочки, блузочки. У Аллы был хвост роскошный, ниже пояса, единственный такой на весь Пекин, наверное. Заходим на территорию кампуса – и заливаемся краской. Вокруг сплошные выходцы из бедноты. Латка на латке. Особенно мальчишки. Причем не только шорты залатанные: я впервые увидела заплаты на трикотажных теннисках и майках»* (с. 47). Выбор синтаксических средств позволяет сделать акцент на деталях одежды: *юбочки, блузочки, хвост, латка на латке, шорты, заплаты, трикотажные майки и шорты*. Интересно, что динамика фрагмента создается за счёт нанизывания визуальных деталей, читатель словно идёт за взглядом героини, которая даёт оценку того, как они с сестрой были одеты (*по-европейски*), подчёркивает некую «легкость», «игривость» через использование лексем с уменьшительными суффиксами (*юбочки, блузочки*), делает акцент даже на «роскошном» хвосте сестры (согласованные и несогласованные определения в данном случае помещают «хвост» в фокус, акцентируют внимание героини и читателя на нем), производит когнитивную операцию сравнения (*единственный такой на весь Пекин, наверное*). И резко взгляд перемещается на другой мир: вводится общая оценка увиденных людей (*сплошные выходцы из бедноты*), взгляд падает на «латку на латке», затем – на всю одежду. В данном фрагменте есть только один предикат, указывающий на собственно действие, движение (*заходим*), остальные предикаты (в том числе и глаголы *оделись, заливаемся краской, увидела*) соотнесены с описанием внешнего образа, визуального ряда. Несмотря на ярко

выраженную предметность эпизода, он оказывается динамичным: но это динамика изнутри, динамика момента, яркая перцептивная картинка, которую читатель воспринимает вслед за героиней также четко, благодаря выбору релевантных лексических, словообразовательных и синтаксических средств.

Таким образом, предметы и детали окружающего мира воспроизводятся не только с целью включения читателя в изображаемый мир, но оказываются важными и при изображении внутреннего мира героини. В литературе чувства и мысли героев передаются с помощью «специфических художественных средств», таких как «внутренний диалог, монолог, внешние детали, исповедь, сны, видения, персонажи-двойники, внутренняя речь, умолчание» [Есин 1998: 174]. Исследователи (Л. Я. Гинзбург, И. В. Страхов, В. Е. Хализев и др.) говорят о двух формах представления психологического внутреннего мира героя: прямой («изнутри») и косвенной («извне»). При прямом психологизме, то есть описании «изнутри», показывается прямая речь героя (устная или письменная), внутренняя речь, сны персонажа, образы памяти и воображения, а при форме изображения «извне» (косвенный психологизм) внимание уделяется внешним деталям, например, мимике, поведению, обстановке [Страхов 1973: 57], а также различным деталям портрета, пейзажа, интерьера [Горжая 2020: 179]. Выделяется третья форма психологического изображения – «суммарно-обозначающая» (А. Б. Есин), при которой «чувства названы, но не показаны» [Скафтымов 1972: 175]. В рассматриваемом тексте используются все три формы психологизма: 1) портрет героини-рассказчицы рисуется через её речь, диалоги, образы памяти; 2) внутреннее состояние и картина мира переданы через детали воспринимаемого быта; 3) героиня-рассказчица прямо говорит о своих чувствах, мыслях, делится воспоминаниями.

Однако следует выделить и еще одну функцию изображаемого внешнего мира: А. Н. Архангельский подчеркивает, что «в детальном изображении предметного мира» Инна Ли блестяще «считывает грандиозную политическую историю сквозь мелкие детали быта и личные обыденные обстоятельства» (с. 9). Следовательно, через описание предметов читатель может получать информацию

о явлениях политической, социальной жизни, а также о конкретных исторических фигурах. Как отмечает Е. Добин, значение детали «не сводятся к тому, что художник наблюдательно и зорко подмечает и фиксирует частности, чёрточки, мельчайшие движения души, изгибы характера. Смысл и сила детали в том, что в бесконечно малое вмещено *целое*... В цепи единичных событий — время, история. В частной коллизии — противоречия общества. В отдельных судьбах — закономерности эпохи. Ни характеры, ни обстоятельства невозможны, немислимы вне “бесконечно малых моментов”» [Добин 1981: 303-304]. Именно через такие события и судьбы, а также бытовые детали героиня-рассказчица в рассматриваемом тексте рисует слушателю/читателю целую эпоху, свидетелем которой она являлась.

Так, например, следующий эпизод воспроизводит как личное воспоминание героини, так и социальную обстановку в Китае: *Так, в хунвейбинском облачении, мы и вошли в самое пижонское кафе Шанхая, поднялись на второй этаж. Видим, публика молодая, но какая-то странная. Все одеты вроде как принято, в синие кители, на головах кепки. <...> А они какие-то расслабленные, нога на ногу, курят, кители распахнуты, вороты рубашек видны. Нам-то было наплевать, мы же пришли кофе выпить и пирожные съесть, но публика заерзала. Начала как-то подбираться. Ножки складывают. Пуговички застегивают. Садятся ровно. На нас смотрят исподтишка»* (с. 32). Из этого эпизода читатель узнает о хунвейбинских патрулях, которые следили за «моральным порядком» в Китае, в том числе – за одеждой. Маркером репродуктивного регистра являются как активно используемое настоящее время при описании ситуации прошлого, так и предметная доминанта эпизода. Несмотря на ярко выраженную «предметность», эпизод не статичен, поскольку читатель движется вслед за героиней: сначала от общего взгляда и оценки публики (*молодая, странная*), затем – к оценке одежды и поведения молодых людей, затем – к постепенному изменению их действий при виде хунвейбинов.

Следующий эпизод также сосредоточен на предмете – книге, которая (вместе с журналами) становится в произведении символом духовной жизни:

героиня-рассказчица часто описывает журналы, которые были доступны в Китае, указывает на то, что чтение единственной газеты спасло её во время пребывания в тюрьме, а уже после пребывания в заключении радостным событием для неё становится возвращение советских учебников и книг. После освобождения из китайской тюрьмы Инна тяжело переживает невозможность разговаривать по-русски, в связи с чем случайная находка на складе делает её счастливой: *«Но однажды меня с девочками послали забрать инвентарь со склада. И вдруг я в коробке вижу учебник по советской литературе. Старый, отпечатанный на ротапринтере в те далекие времена, когда у нас в университете еще издавали учебники. Я так обрадовалась. Схватила его, утащила и читала на досуге. <...> Можете сейчас смеяться, но я прочитала с большим интересом. Для меня это было как десерт!»* (с. 49-50). Упоминание книги в данном контексте является не просто отражением ценностей героини, но и отсылкой к обстановке в Китае, и указанием на степень охлаждения отношений двух стран в определённый исторический момент.

Эпизоды, связанные с упоминанием элементов духовной жизни оказываются крайне эмоциональными (хотя это не характерно для повествования героини-рассказчицы): *«Что еще очень мучило, так это полное отсутствие интеллектуальной жизни <...> Через месяц-полтора стали давать главную партийную газету “Жэньминь жибао”. <...> Чтобы растянуть удовольствие, я после каждого приема пищи позволяла себе прочесть по две полосы: вечером, утром и в обед. Потом старый выпуск забирали и приносили новый. Такое это было наслаждение... Я даже грешным делом думала: господи, была бы хоть одна маленькая этажерочка с книжками, я б тут сидела и сидела. Книг нет! Остальное все терпимо. События в Чехословакии меня особенно потрясли»* (с. 131-132). Героиня-рассказчица сравнивает доступ к советскому учебнику с «десертом», а чтение единственной газеты при нахождении в тюрьме называет «удовольствием» и «наслаждением». Важность культурной составляющей жизни прослеживается не только через фокус на внутреннем переживании, но и при рассказе о социальной обстановке Китая (как «до», так и «после» культурной

революции), а также о традициях жизни семьи Инны. То есть, в фокусе оказывается не рассказ о переживании, а то, как это внутреннее переживание связано с внешними событиями и явлениями, как жизнь отдельного человека и его мира переплетена с судьбами других людей и целой страны.

Таким образом, предметная доминанта часто становится ведущей в личной линии повествования: изображение деталей, мелочей, незначительных (на первый взгляд) событий передает мир глазами Инны, погружает читателя в её переживания и в социально-исторический контекст.

Помимо рассмотренных языковых средств, важную роль в личном повествовании героини-рассказчицы играют эпизоды с акциональной доминантой, необходимые для того, чтобы указать на последовательность сменяющих друг друга событий в линии жизни. Здесь наряду с ожидаемыми формами прошедшего времени обоих видов используется настоящее время. Рассмотрим пример: *«Вскоре после смерти Чжоу Эньлая меня вдруг вызывают на партгруппу факультета; там, помимо партийцев, сидят руководители нашего отдела безопасности. Страшно мне это не понравилось. Со строгим видом начинают производить допрос, куда это я ездила, с какой целью, что замышляла. Плюс безопасник сообщает, что группка ребят, выходцев из военных семей, задумала обокрасть наш лингафонный кабинет, в связи с чем есть вопросы и ко мне <...> Естественно, ничего за мной не было и быть не могло. Они меня помучили и отпустили, предупредив, что беседы продолжатся»* (с. 200). Настоящее историческое время позволяет создавать эффект неожиданного включения в воспоминание (что подтверждается использованием наречия *вдруг*), а затем постепенного развертывания фрагмента памяти. Настоящее время «соседствует» с косвенной речью, воспроизводящей содержание диалогов, а также с формами прошедшего времени, заслуживающими в данном контексте особого внимания: героиня-рассказчица использует их для описания своего состояния в проживаемый момент (*Страшно мне это не понравилось*), а также оценку (*Естественно, ничего за мной не было и быть не могло*) – что является комментарием к ситуации не «изнутри», с позиции

участника событий, а с позиции наблюдателя-комментатора, рассказывающего историю.

Отметим, что соседство форм прошедшего и настоящего времени в связке с номинативными предложениями имеет и другую функцию – функцию фокусирования, на что указывают ученые, занимающиеся изучением синтаксических и текстовых средств (де)фокусирования: С. V. Chvany (1985); S. Fleischman (1990); L. A. Grenoble (1998), О. К. Ирисханова (2014); А. В. Уржа (2018, 2022) и др. Так, например, в следующем примере читатель узнает сначала об общем событии (Инна заявила в посольство), а уже потом происходит включение в описание события, его детализация: *«Через двадцать месяцев (уже Андропов успел воцариться) я заявила в посольство – с паспортом и с приглашением. В консульском отделе тишина и благорастворение воздушных масс, ни одного посетителя. Диван, кресло; помещение отгорожено от других комнат стенкой. Сидят какие-то девушки за столиком, только что чаи не гоняют»* (с. 223). Затем героиня передает диалог (в настоящем времени), и завершает воспоминание следующим образом: *«И опять оставляет меня одну. Жду, жду. Теперь входит другой человек, помоложе. И несет в руках большую книгу, старую, регистрационную, заполненную от руки. Открывает: “Посмотрите, пожалуйста. Это вы?” Там моя фотография – совсем еще девчонка, и моя подпись»* (с. 223-225).

Таким образом, воспоминание о прошлом событии полностью передано в настоящем времени, которое, с одной стороны, имеет функцию постепенного включения читателя/слушающего в ситуацию глазами говорящего, с другой – конкретизирует, укрупняет, расширяет информацию об упоминаемом событии, «как бы приглашает адресата к участию в ситуации, создавая видимость общего поля зрения», в то время как использование прошедшего времени «отдаляет адресата от места действия» [Падучева 2010: 379].

Рассмотрим еще один пример, подтверждающий нашу гипотезу: *«Несмотря на общее возбуждение, мы с девчонками отправились в общежитие и легли спать как ни в чем не бывало. А проснулись словно в другой*

*стране. Весь кампус в движении. Кто-то несет новые дацзыбао, кто-то пытается их остановить, те более или менее жестко сопротивляются, расклеивают, развешивают. Студенты кучкуются, обсуждают, спорят. В общем, буря, взрыв студенческой энергии. Так что лично для меня “культурная революция” началась утром 1 июня 1966 года» (с. 71). Так, сначала даётся последовательность сменяющих друг друга действий (*отправились в общежитие, легли спать, проснулись*), затем – общий комментарий к тому, что будет далее (*А проснулись словно в другой стране*), который также выполняет и функцию оценки, поскольку является результатом когнитивной деятельности (сравнение страны «до» и «после» 1 июня), затем – ситуация описывается «изнутри», что создает эффект совпадения момента речи и момента события. Последнее предложение является результатом когнитивной деятельности и через него героиня выражает оценку событий из момента «сейчас».*

Соприкосновение с внутренним миром героини-рассказчицы происходит и в следующем эпизоде: *«И мне стало очень страшно. Если человека лишали права на участие в политическом движении, это означало, что он отщепенец. А дальше может последовать гораздо худшее. Кроме того, история с Линь Бяо была чревата новой вспышкой шпиономании; я страшно боялась, что поднимается новая волна преследований. “Культурка” не кончилась, она лишь немножечко притихла, но ведь и раньше были и подъемы, и спады. Что же, впереди новый пик? И – по второму кругу – борьба со всеми, кто биографически связан с Советским Союзом? И я могу попасть под раздачу?»» (с. 160). Если до этого в параграфе были рассмотрены эпизоды с предметной и акциональной доминантой, которые передают последовательность сменяющих друг друга картинок, событий, впечатлений, формируя тем самым основу личной композиционно-тематической линии, то приведенный фрагмент является непосредственной передачей состояния героини: так, общее переживание героини как субъекта состояния (*И мне стало очень страшно; Я страшно боялась*) сменяется внутренней речью (*Что же, впереди новый пик?<...>*). На когнитивном уровне происходит сопоставление с тем, что было раньше (*и раньше**

были подъемы), и прогнозирование того, что будет (а дальше может последовать гораздо хуже; впереди новый пик). Такое включение ментального компонента сближает два автобиографических «я» («я как объект описания» и «я как субъект речи») и, как правило, маркирует фигуру комментатора, которая появляется в семейной, социально-исторической линиях или при совмещении композиционно-тематических линий. В приведенном же фрагменте совмещение линий происходит «изнутри», в сознании описываемого «я» и его переживаний «в том моменте», а не через фигуру-комментатора.

Функцией риторических вопросов, передающих внутреннюю речь героини как объекта описания, является не только передача внутреннего переживания относительно собственной судьбы, но и вербализация мыслей непосредственно воспринимаемых объектов мира: *«Сижу, смотрю в незатененное окно. Мы явно едем в сторону Великой Китайской стены, где я уже не раз бывала и с детства запомнила: довольно далеко от Пекина есть резкий поворот направо и щит с надписью “Въезд для иностранцев запрещен”. Это меня всегда интриговало. Что ж там такое таинственное? Почему туда въезд запрещен? Тем более иностранцам. И почему дорога проселочная, не асфальтированная?» (с. 124). В приведенном фрагменте наблюдается ещё одна особенность, характерная для личной линии – использование определенно-личных предложений (сiju, смотрю).*

В некоторых фрагментах используются как двусоставные предложения, в которых субъектом действия является я/мы, так и односоставные, где субъект не назван, но легко определяется из контекста: *«Случайно заглядываю в зеркальце водителя (водитель тоже в военной форме), ловлю его ненавидящий взгляд. Я ни с чем подобным не сталкивалась – ни до, ни после, поскольку, слава богу, не вызываю ненависти у людей. Я внутренне содрогнулась и поняла, почему моя надсмотрщица так посуровела сегодня утром: значит, я приравнена к врагам народа и положение мое более чем серьезно» (с. 124). Односоставные предложения в рассматриваемом примере указывают на физическое действие, изменение, восприятие, а двусоставные предложения связаны с внутренней*

оценкой своей жизни (*Я ни с чем подобным раньше не сталкивалась*), и оценкой происходящего и возможных последствий (*Я внутренне содрогнулась и поняла, почему...*).

Отметим, что к личной линии можно отнести также воспоминания о взаимодействии с другими людьми, в которых Инна является не просто наблюдателем, но и активным участником: например, воспоминания о совместно пережитом с родителями, сестрой, другими студентами и участниками социальных групп. Несмотря на то, что событийно такие воспоминания пересекаются с другими линиями, особенности использования языковых средств позволяют отнести их к личной линии. Так, при рассказе о поездке в Ухань, героиня-рассказчица отмечает непосредственно воспринимаемые детали мира, то есть является субъектом действия, восприятия и оценки (наблюдения со стороны): *«Приехали мы в Ухань ночью. <...> И мы, несколько сот человек, все грязные, ободранные, высыпали на уханьские улицы. <...> Идем по темным улицам, вокруг европейские дома, чистенькие коттеджи, а среди них мы – орава оборванцев с чемоданами, тюками и коромыслами. Выглядело это забавно»* (с. 157). В таких эпизодах отсутствие местоимения «мы» связано с описанием бытовых, физических, конкретных действий: *«Мы старались экономить. Утром наливали воду в тазик, умывались без мыла; возвращались в обед, использовали ту же воду – и тоже без мыла. И только в конце дня позволяли себе с мылом помыться и воду выплеснуть»* (с. 63). Двусоставное полное предложение (*Мы старались экономить*) является оценкой описываемых действий (читатель узнает, что значит «экономить» в представлении героини-рассказчицы), а функцией неполных предложений является указание на конкретные особенности жизни, а не взгляд со стороны наблюдателя. Несмотря на то, что появление неполных и определенно-личных предложений во многом обусловлено спецификой автобиографического жанра, можно говорить о том, при их сопоставлении с двусоставными полными внутри одного текстового фрагмента обнаруживаются следующие особенности их функционирования: они позволяют

конкретизировать, уточнить то, о чем говорилось ранее, а также сделать акцент на самом действии и изменении ситуации, а не на её оценке. ...).

Итак, обобщим результаты проведенного анализа текстовых фрагментов, формирующих в изучаемом автобиографическом нарративе личную композиционно-тематическую линию и выделим ее лингвокогнитивные особенности:

1. Информация о событиях личной и/или социальной жизни передаётся преимущественно речевыми средствами репродуктивного регистра, акцент при этом делается на последовательно сменяющихся друг друга событиях (акциональная доминанта) и описании непосредственно воспринимаемых предметов окружающего мира (предметная и качественная доминанты).
2. Активно используется настоящее историческое время глагола, которое, с одной стороны, показывает, что «автор находится как бы в том же времени, что и описываемый персонаж» [Успенский 1970: 97], с другой – «как бы включает читателя в диалог, т.е. помещает его в пространство и время, в котором находится сам повествователь, тогда как прошедшее время отдаляет описываемую ситуацию от читателя» [Падучева 1996: 289]. Кроме того, одной из функций настоящего исторического времени в автобиографическом нарративе является фокусирование, то есть конкретизация, укрупнение, расширение информации о ранее упоминаемом событии.
3. Настоящее историческое время используется в связке с номинативными предложениями, которые изображают детали «важные, выразительные, рассчитанные на опыт и воображение слушателя или читателя – такие, по которым он может представить себе общую картину описываемой обстановки или событий» [Скобликова 1997: 162]. Такой же функцией в рассматриваемых примерах обладают локативные конструкции, а также согласованные и несогласованные определения.
4. Динамика повествования достигается не только за счёт смены перцептивных эпизодов, но и через использование глаголов акциональной

семантики, являющихся предикатами в предложениях разной структуры: преимущественно двусоставных полных и неполных, определенно-личных, в которых субъектом действия является (мыслится) «я» или «мы».

5. Внутреннее переживание в личной линии передается как прямо, например, через использование предложений семантической модели «субъект и его состояние», риторических вопросов и восклицаний, так и косвенно (имплицитно) через особое внимание к деталям быта (учебник по советской литературе, книги, ложка, одежда и др.), которые оказываются средством выражения внутреннего конфликта самоопределения, который проходит через весь текст повести.
6. В личной линии используются следующие тактики представления информации:
 - а) максимально детализированная передача воспринимаемого героиней предметного мира;
 - б) косвенный психологизм, то есть изображение внутреннего мира и эмоционального состояния героини через бытовые детали;
 - в) снижение дистанции между говорящим и адресатом, что достигается через использование настоящего исторического времени, односоставных предложений (в частности, определенно-личных и номинативных), а также предложений с акциональным предикатом, что позволяет передать динамику сменяющих друг друга картинок, «включить» читателя в действие.

2.2 Семейная композиционно-тематическая линия

Под биографией в широком смысле исследователями понимается «описание своей жизни» [Романова 2001:15], однако важным оказывается и базисный концепт родства, «без которого нет человека и его предков» [Нюбина 2010: 42].

При описании семьи учитываются «эгореференциальные индикаторы»: образы лиц, имена, названия, номинация семейных черт, предметы быта» [Нюбина 2010: 42]. В рамках исследований автобиографических текстов учёные обращаются к изучению индивидуальной памяти субъекта, в то время как «работы, посвященные изучению процесса и механизмов взаимодействия коллективной и индивидуальной видов памяти, немногочисленны» [Молчанова 2022: 326]. В качестве подвида коллективной памяти выделяется семейная память: так, П. Рикёр говорит о необходимости выделения «плана общения с близкими» как «места взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти» [Рикёр 2004: 186], а Е. В. Рягузова рассматривает семейную память как «результат коммуникации со значимым Другим», в то время как коллективная память – это «обобщенная и управляемая память Других» [Рягузова 2020: 225-226]. Выделение семейной памяти ставит перед нами вопрос о способах её речевой репрезентации в нарративе: будут ли это преимущественно «эгореференциальные индикаторы», или наше сознание и речь располагают грамматическими способами ее представления.

В рассмотренной в предыдущем параграфе личной композиционно-тематической линии героиня-рассказчица является одновременно субъектом речи и сознания (автобиографическое «Я как субъект речи»), действия и перцепции (автобиографическое «Я как объект описания»), в семейной линии субъектная структура усложняется: героиня-рассказчица является субъектом речи, в которую включается сознание и память «значимых Других». Прокомментируем используемые понятия.

Б. О. Корман разграничивает понятия *субъект речи* и *субъект сознания* [Корман 1974: 220]. Субъект речи – тот, кому приписана речь в данном отрывке текста. Субъект сознания — тот, чье сознание выражается в данном отрывке текста. Каждый субъект сознания обладает *точкой зрения*, в повествовательном тексте субъекту сознания обязательно принадлежит физическая и временная точка зрения [там же: 220-221]. Б. А. Успенский говорит о том, что автор «может вести описание со ссылкой на то или иное индивидуальное сознание, то есть

использовать какую-то заведомо *субъективную* точку зрения, – или же описывать события по возможности *объективно*. Иначе говоря, он может оперировать данными какого-то *восприятия* (или нескольких восприятий) или же известными ему *фактами*» [Успенский 1970: 109]. Учёный отмечает, что это актуально и для повседневного рассказа, когда говорящий делает выбор: рассказывать только факты или реконструировать внутреннее состояние действующих лиц <...>, то есть принимать во внимание их собственную (внутреннюю) точку зрения» [Успенский 1970: 109]. Если в рассказе автор опирается на индивидуальное сознание, то следует говорить о психологической точке зрения.

Однако при чтении текста читатель часто сталкивается с ситуацией, когда определение границ между сознанием повествователя и персонажа становится трудной задачей, поскольку в речи повествователя присутствует другое сознание «не в качестве объекта, а в качестве активного изображающего и повествующего субъекта, в качестве соавтора описания действительности, повествования и её оценки» [Степанов 2002]. Такую повествовательную ситуацию учёный называет *субъективированным повествованием*. В субъективированном повествовании персонаж становится не только действующим и говорящим субъектом, но и субъектом ощущающим, чувствующим и мыслящим [там же]. Субъективация (субъективированное повествование) является ведущим принципом организации текста, при котором наблюдается смещение точки видения из «авторской» сферы в «сферу персонажа» [Горшков 2008: 193]. С. П. Степанов выделяет два разных явления внутри субъективированного повествования: 1. несобственно-прямую речь (мысли, мечты персонажа) — персонаж выступает как субъект мысли и оценки; 2. собственно двусубъектное повествование (сообщение о хронологической череде событий, описание пейзажей и т. д.) – персонаж явлен как субъект перцептивного восприятия действительности [Степанов 2002].

Рассматриваемый нами текст отличается сложной иерархией субъектов: в нарративе повествователь сопряжён с образом автора книги, Инна – перволичный персонаж-рассказчик, все остальные участники событий являются персонажами.

Таким образом, при чтении текста читатель имеет дело с сознанием автора

как субъекта, организующего целое, однако при рассмотрении феномена семейной памяти и способов её речевой репрезентации важными оказываются, во-первых, героиня-рассказчица как субъект речи и сознания, поскольку она в определенном смысле берет на себя авторскую функцию, во-вторых, фигуры участников истории, являющиеся объектами описания. Другими словами, термин *субъективированное повествование* в нашей работе мы будем применять для *разграничения сознания героини-рассказчицы и фигур близких людей* (персонажей), не останавливаясь на проблеме разграничения сознания повествователя и героини.

Если мы обратимся к анализу текста, то заметим следующую особенность: в одних фрагментах текста значимые Другие (в частности – родители) являются объектом описания в речи героини-рассказчицы, то есть читатель имеет дело с «внешней фокализацией» или взглядом на героев извне (внешняя точка зрения), а в других фрагментах повествование становится субъективированным (тогда следует говорить о внутренней точке зрения в плане психологии по Б. А. Успенскому).

Маркерами первого (объективного) повествования являются:

1) Соотнесение речевого плана героини-рассказчицы с информативным регистром:

«Павлик при этом в Москве поступил в ИСАА, на японский, но не закончил, решил заняться бизнесом. <...> И он ушел в самостоятельную жизнь, в итоге все равно вернулся в Пекин. Надо сказать, что здесь он нашел свое призвание, стал одним из лучших синхронистов Китая. <...> И Дима, окончивший в России ВГИК, тоже приехал в Пекин; теперь снимает кино и продюсирует, часто работает в совместных китайско-российских проектах» (с. 245). Героиня-рассказчица делится своими знаниями, однако они не соотнесены напрямую с событийной линией нарратива, поскольку сыновья не являлись участниками происходящих в Китае событий, соответственно, в нити повествования не происходит субъективации: происходящее не показывается с точки зрения персонажа (сыновей). Находим такие примеры и при введении информации о

муже и родителям: *«С мужем, отцом Димы и Паши, я начиная с 1980-х годов стала чувствовать культурный разрыв. Мы не ссорились, но между нами росла стена недопонимания. Эмоционально тоже расходились дальше и дальше. Но дело кончилось не разводом, а кончиной Лю Хэжуна»* (с. 245); *«Она (мама – О.Л.) родилась в 1914 году <...> дед покончил с собой в начале 1919 года, когда его повезли в ЧК в село Турки <...>. Мама в четырнадцать лет пошла на биржу труда, потом окончила так называемое книжно-газетное ученичество и попросилась на Дальний Восток, в Хабаровское краевое издательство. Сначала работала в самом Хабаровске, а потом перевелась во владивостокское отделение, где работали китайцы – интеллигентные, очень деликатные, ей они понравились. Что касается отца, то он из провинции Хунань, из обеспеченной семьи»* (с. 17-18). Инна описывает непосредственных участников событий (маму и отца), вводит важную для понимания всей истории информацию, которая, однако, не соотнесена с хронотопом основной линии повествования.

2) Использование клише автобиографического жанра: *«Мама моя, Елизавета Павловна Кишкина, происходила из семьи саратовского родовитого помещика и провела детство в имении Студёнка. Мой двоюродный дед Николай Михайлович Кишкин был членом Временного правительства, 25 октября 1917 года получил власть из рук Керенского в Петрограде, но всего лишь на сутки. А папа Ли Лунчжи, более известный под псевдонимом Ли Лисань, был выдающимся китайским коммунистом, до поры до времени соратником Мао Цзэдуна»* (с. 11). Так начинается рассказ о семье Инны: на этом этапе мы можем предположить, что история жизни героини будет дана в неразрывной связи с историей семьи, рода, осмыслением своего места в этой системе. Обратим внимание на некую отстранённость, «деловитость» письма: героиня-рассказчица даёт оценку представителям своей семьи как будто со стороны исследователя, историка, стороннего беспристрастного наблюдателя (*«более известный под псевдонимом», «был выдающимся китайским коммунистом»*) – это указывает на стремление к документальности, четкости, подчёркивает «объективность» взгляда, что сближает семейную линию с социально-исторической.

3) Прямая речь и диалоги, участницей которых была героиня-рассказчица (то есть она передаёт то, что слышала сама, делится собственными воспоминаниями – такие эпизоды могут быть рассмотрены как «факт», засвидетельствованный сознанием героини, то есть информация передается объективно):

«Но когда я пересекла порог родного дома, сразу же заметила, что мама встревожена, а отец мрачен.

– Что случилось? – спрашиваю.

Мама отвечает:

– А ты не знаешь, что в стране происходит?!» (с. 68);

Или: «Вернувшись домой после трехнедельной изоляции, я спросила отца: “Пап, а все-таки, как ты считаешь, рабочие группы и вправду допустили ошибку, притормаживая студентов, или нет?” Он ответил: “Если дали приказ их отозвать из университетов, значит, они допустили ошибку”» (с.79); Я решилась завести этот разговор через день, вечером; предложила: “Алла, давай поговорим”. Она ответила: “Нет Я должна сейчас писать”. – “Что ты будешь писать?” – “Мне надо писать показания. Я должна”» (с. 141).

Рассматриваемые примеры соотнесены с конкретной речевой ситуацией, хронотопом, описаны с точки зрения рассказчицы как участницы событий, речевые партии героев определены и маркированы.

В некоторых фрагментах вводимая прямая речь не является важной для описания событий в их прямой последовательности: *«Меня она, однако, в 1960-м отговаривала: “Если ты сейчас откажешься от паспорта, то уже не восстановишь советское гражданство. И тебе будет очень сложно. Китайская жизнь совсем другая. И не жалуйся, если что. Я тебя предупреждала”. Я ответила: “Не буду жаловаться” (с. 41); «Мама однажды сказала: “Я не могу простить Конфуцию того, что он женицин не терпел, места им не давал нормального”» (с. 18).*

4) Косвенная речь и глаголы памяти, вводящие в повествование воспоминания родных:

В любом случае, как говорила мама, если бы он дотянул до оправдания, то уходил бы из жизни с совсем другим чувством (с. 210); «В частности, мой двоюродный брат, хороший парень, с такой силой поверил в левые идеи, что вошел в число активистов, взявших власть в министерстве машиностроения. Как он сам рассказывал, у него недели на две оказалась печать министерства» (с. 102). «Мама вспоминала, что до революции в Студёнке было несколько сот крепких дворов, в пруду плавали утки и гуси, по вечерам молодежь водила хороводы» (с. 13); Мама вспоминала, что когда отца брали в СССР, в день Красной армии, то не хватало воронков, и папу пешком под конвоем провели с улицы Горького на Лубянку, по Кузнецкому Мосту (с. 113); Мама вспоминала, что однажды заехали на грузовиках прямо во двор» (с. 107).

5) безличные предложения с предикатами состояния и логическим субъектом в форме 3 л. ед. ч.:

«Начали таскать его по митингам (слава богу, в наш университет не привозили). Это, конечно, отцу давалось очень тяжело» (с.104); «Он держался мужественно, старался говорить аккуратно, чтобы никого не подвести, – в то время это было очень смело. Но ему это далось тяжело, он слабел» (с.106). Рассматриваемые примеры относятся к объективному повествованию, поскольку даны с точки зрения героини-рассказчицы, которая является и субъектом речи и субъектом оценки: «ему это далось тяжело» – внешнее наблюдение героини.

Рассматриваемые эпизоды являются примерами объективного повествования, поскольку героиня-рассказчица или представлена как документалист, или является частью изображаемого мира (например, в диалогах или в наблюдении за состоянием отца), но стремится к объективной передаче образа родителей. В таких фрагментах речевая партия героини соотнесена с одним субъектом сознания. Объективное повествование при введении семейной линии часто соотносит её с социально-исторической, что объясняется неразрывной связью семьи Инны с историей Китая. Так, например,

неопределенно-личные предложения при введении образа отца соотносятся сразу с двумя линиями повествования, поскольку, с одной стороны, описывают события, которые происходили в его жизни, с другой – отражают общую обстановку в стране: *«От него требовали показаний почти на всех членов китайского Политбюро начиная с Чжоу Эньлая – я получила дело отца в архиве КГБ и видела этот список, не отцовской рукой написанный»* (с. 24); *«Я читала в архиве Коминтерна стенограмму совещания Исполкома, где прорабатывают Ли Лисаня»* (с. 22). *«В итоге папу судили не “тройкой”, а военным судом; отец сам выступил в роли собственного адвоката и добился того, что дело вернули на исследование»* (с. 24); *«Числа 6–7 июня ему велели не ходить на службу и не выбираться в город, просто сидеть дома и думать о своих ошибках.....Хотя его пока не трогали»* (с. 74). В первых двух примерах есть указание на источник получения информации (дело отца в архиве КГБ, архив Коминтерна), что также является характерным для социально-исторической линии.

Кроме того, при введении семейной линии присутствуют эпизоды с внутренней точкой зрения, то есть героиня-рассказчица является активным участком событий, которые она проживает вместе с членами своей семьи. Эти воспоминания можно отнести и к личной линии повествования, поскольку они являются фрагментами событийной биографии Инны, а не просто воспоминаниями о значимых Других. Главный акцент здесь сделан на проживании события и включении героини в изображаемый мир в качестве участника, чем определяется набор грамматических средств, характерных для презентации внутренней точки зрения («внутренней фокализации»):

А) Использование настоящего исторического времени, а также акцент на перцептивном восприятии:

«Сидим на первом этаже; уже тепло, поэтому двери открыты настежь. За ними видна дорожка; мы высматриваем, ну где же мама. Вижу, издали кого-то ведут. Черная одежда, такая же, как была у меня во время заключения, очень редкие волосы коротко пострижены» (с. 184); *«Так, в хунвейбинском облачении, мы и вошли в самое пижонское кафе Шанхая, поднялись на второй*

этаж. Видим, публика молодая, но какая-то странная. Все одеты вроде как принято, в синие кители, на головах кепки» (с. 96); <Об Алле> *«Садится. Начинает писать по-китайски, как автомат. Я заглядываю через плечо, вижу совершенно несвязные слова. Стало ясно, что она пережила нервное потрясение»* (с. 107).

Как правило, такие эпизоды связаны с воспоминаниями о сестре, что можно объяснить количеством совместно прожитых событий. Примеры показывают, что героиня является как участником событий, то есть показывает события изнутри, так и становится субъектом внешней оценки (например, когда рассказывает о нервном состоянии сестры).

Б) Другим маркером внутренней точки зрения в плане психологии является использование перволичного дейктика «мы»:

«Мы с Аллой и Лю Хэчжуном рано утром вскочили на велосипеды, добрались до здания недалеко от Тяньаньмэнь, где нас пересадили в джипы и отвезли в тюрьму по знакомой дороге» (с. 185) *«Мы с мамой были изумлены тем, что почти у всех наших знакомых, особенно преподавателей, вдруг нарисовались родственники за границей»* (с. 221). В последнем предложении героиня передаёт «общую» точку зрения, эмоции (свои и матери), явно обозначая субъектов создания (я и мама).

В) Эллиптические предложения:

«Наконец-то нам позволили отправиться к отцу – на перекладных. <...> Сначала до Читы. Оттуда на другом поезде до крошечной станции Отпор на самой границе. Дальше на каком-то местном паровозике. И, наконец, по территории Китая на поезде КВЖД, Китайско-Восточной железной дороги» (с. 25). В рассмотренном отрывке мы наблюдаем отсутствие сказуемого (глагола движения), что является стилистическим средством, которое придает повествованию большую динамичность и выразительность.

Данные эпизоды следует рассматривать как часть личной линии, поскольку они являются примером описания событий с внутренней точки зрения, на что указывают грамматические особенности данных фрагментов, однако тематически

и композиционно они соотносятся с семейной линией, объектом изображения которой являются члены семьи, семейные традиции и история.

Таким образом, при анализе семейной композиционно-тематической линии мы обнаруживаем грамматические средства «внутренней точки зрения», что сближает её с личной линией. С другой стороны, некоторые из приведенных выше маркёров введения внешней точки зрения обнаруживаются в социально-исторической линии (например, использование косвенной и прямой речи, документализм, неопределенно-личные предложения разной семантики), что ставит перед нами вопрос о правомерности рассмотрения повествования о семье как самостоятельной линии репрезентации памяти в автобиографическом нарративе. Решением этой проблемы является выявление особенностей, присущих только семейной линии, – такой особенностью является отмеченное выше субъективированное повествование. Рассмотрим примеры.

Маркёрами субъективированного повествования являются:

1) Диалоги и прямая речь, которые героиня передает со слов значимого Другого и свидетелем которых она не была:

«И после завершения пленума Мао просто подозвал отца и сообщил:

– Ли Лисань, ты в Харбин не вернешься, поедешь с нами в Пекин» (с. 33);

Введение таких диалогов является репрезентацией памяти другого человека в речи героини-рассказчицы, в связи с чем можно говорить о том, что ситуация дана с точки зрения участника диалога, однако читатель не знает степень точности воспроизведения реплик диалога «другого».

Таким образом, при объективном повествовании мы имеем дело непосредственно с воспоминаниями диалогов героини-рассказчицы как участницы событий изображаемого мира, в случае субъективированных диалогов её позиция приближается к отстраненно-авторской по отношению к людям, о которых она говорит: происходит переключение с повествования от первого лица на повествование от 3 лица.

Такую же ситуацию мы наблюдаем при введении прямой речи: *«Причину такой таинственности ей объяснили незатейливо: “У китайцев началась*

гражданская война, будет нехорошо, если вы попадете к гоминьдановцам с советским паспортом”» (с. 26); «Когда маму спустя годы посадят в китайскую тюрьму, ей скажут: “Вы одного поля ягоды: дочка помещика и сын помещика”» (с. 18); «В формовочном цехе он познакомился с французским мастером, достаточно левым, тот рассказывал рабочим об Октябрьской революции, устраивал забастовки. И однажды предложил отцу: “Попробуй организовать китайских рабочих”» (с. 19).

Такой прием позволяет включать воспоминания другого человека в текст, делая его не моносубъектным, при котором читатель «слышит» голос одного человека и видит события с его позиции, а полифоническим, что позволяет расширять границы описываемого мира через включение воспоминаний других персонажей. Отметим, что данная особенность является уникальной для семейной композиционно-тематической линии, поскольку объектом ее описания является «значимый Другой», дающий доступ к своим воспоминаниям, мыслям, чувствам, переживаниям.

2) Косвенно-прямая речь как разновидность несобственно-прямой речи.

В несобственно-прямой речи выделяется косвенно-прямая и изображенная речь. Косвенно-прямая речь является «одним из способов передачи произнесенной, реально звучащей речи» а «изображенная речь служит способом художественного изображения внутреннего состояния героя, но не является формой передачи речи персонажа» [Гальперин 1958: 203].

В рассматриваемом произведении используется косвенно-прямая речь как способ передачи слов близких людей: *«А мама была очень огорчена моим решением, потому что оно разрушало ее мечту: Инночка окончит Московский университет, выйдет замуж, обустроится, можно будет в случае чего найти у нее приют...» (с. 41).* В данном примере прямая речь не выделена кавычками, сохранены стилистические особенности речи матери – мы имеем дело с зоной сознания матери Инны. Такой фрагмент напоминает прямую речь, но без помет включения: она опознаётся самим своим строем, то есть представлена как живущая в сознании повествователя, хотя и не освоена им. И. Р. Гальперин

пишет, что «границы между косвенной речью, косвенно-прямой речью и прямой речью весьма нечетки. В некоторых случаях лишь кавычки служат средством разграничения косвенной речи от косвенно-прямой речи» [Гальперин 1958: 206], однако можно предположить, что данный стилистический приём используется для того, чтобы показать максимальную степень сближения двух субъектов сознания: слово матери словно становится словом Инны.

В следующих примерах передается содержание сознания родителей: *«В конце концов отец в воспитательных целях повел ее к друзьям, жившим в Лаврушинском переулке, известному поэту Эми Сяо и его жене, немецкой еврейке Еве Сандберг-Сяо. Чтобы Лиза своими глазами увидела, как хорошо живут интернациональные семьи»* (с. 23). *«А маме тогда было всего девятнадцать лет, и она колебалась. Тем более что знала, как это бывает в Коминтерне. Возьмут – и отправят Мина в Китай. А она останется здесь, соломенной вдовой»* (с. 23). Обратим внимание на использование личных имён в данных фрагментах: так, мама Инны названа Лизой, что позволяет отнести данный отрезок речи к зоне сознания отца; во втором примере отец назван Мином и передано переживание матери, что указывает на зону сознания мамы Инны.

К косвенно-прямой речи можно отнести и фрагмент, в котором слова других людей («на самом верху») в речевой партии отца оказываются не выделенными: *Папу вызывали на самый верх и прямым текстом подталкивали к разводу: ваша жена – советская гражданка, то есть пятая колонна, она вас до добра не доведет* (с.41). Отметим, что в данном примере отсутствие маркирования может являться авторской интерпретацией устной речи Инны, что не снимет значимость рассматриваемого явления: сознание значимого Другого передаётся через субъекта речи, не являющегося непосредственным участником диалога.

3) Не маркированная специальными знаками внутренняя оценка Другого в речи героини-рассказчицы, позволяющая проникать во внутренний мир персонажа. При такой оценке возникает проблема в разделении точки зрения рассказчицы и персонажа:

«После ряда приключений, бегства в армию, возвращения и ранней женитьбы, к которой его приневолили, отец, оставив нелюбимую жену, отправился во Францию подобно нескольким тысячам молодых интеллектуалов, которые спустя десятилетия сформируют великий Китай» (с.19). При рассказе об отце используются маркеры сознания другого субъекта, его оценка (слова: *нелюбимую, приневолили*). Здесь «чужая речь» (слово отца) органично вписана в «свою речь» героини, однако героиня-рассказчица не может быть субъектом оценки, поскольку передает состояние внутреннего мира другого: Инна не может знать о том, что отца приневолили только из его рассказов или со слов матери, но вводит информацию о его состоянии без специальных маркеров чужой речи, что делает ее речь при рассказе о семье полифоничной.

В следующем примере также эксплицировано сознание отца в речи Инны: «Сразу после возвращения на родину – было это в начале 1920-х – отец нашел в Шанхае тогдашнего генсека Чэнь Дусю, был с ходу принят в компартию и попросился в родную провинцию Хунань, где райкомом руководил некто Мао Цзэдун» (с.20). «Мао принял отца хорошо – тогда в нем еще не проступили черты беспрекословного вождя» (с.20). Такая интерпретация событий («с ходу принят в компартию» / «Мао принял отца хорошо») может быть дана непосредственным участником событий.

Рассмотрим примеры «проникновения» сознания матери в речевую партию героини: «Уломал. В феврале 1936 года они поженились. Отец изъяснялся по-русски все лучше и лучше, а вскоре его посадили, и после тюрьмы он заговорил совсем свободно: полтора года читал русскую классику – Тургенева, Чехова» (с. 23); «А в 1935 году, когда его определили на постоянную работу в издательство “Товарищество иностранных рабочих в СССР”, стал усиленно за ней ухаживать» (с. 22). Можно предположить, что в данном фрагменте представлено сознание матери, поскольку сама Инна не могла оценить «степень ухаживаний» и уровень языка отца после женитьбы родителей (поскольку эти события происходили до ее рождения), однако мы не находим маркеров, указывающих на чужое слово. К таким примерам можно отнести и следующее

предложение: «А бабушке дворянское происхождение приносило только неприятности» (с.17). Так, читатель не знает источник информации (это слова бабушки или вывод самой Инны), что смещает акцент с объективной передачи информации на субъективное, наделяя говорящего (героиню-рассказчицу) функцией всезнающего автора, способного проникать в мысли и чувства описываемых персонажей.

4) Маркированное (выделенное кавычками) чужое слово:

«Купил большой дом, окруженный рисовыми полями, так что отец писал в анкете: “Из семьи помещика”» (с. 18); «Заодно ему припаяли “тайные сношения с заграницей”» (с. 40); «Как бы то ни было, отец оставил записку на имя Мао Цзэдуна с единственной просьбой во всем разобраться, потому что “моя жена, мои дочери ни в чем не виноваты”» (с. 115); «Отец организовал шахтерский профсоюз, один из первых в Китае, провел забастовку, выдвинув классический набор европейских требований: восьмичасовой рабочий день, повышение зарплат, права рабочих. И лозунг: “Нас считали быдлом, а мы хотим быть людьми”. Условия там были ужасные <...>» (с. 20).

Данные примеры интересны тем, что источники получения информации могут быть разными: это и диалог с родными, и архивные документы, которые изучала Инна, на что указывает пример с запиской (отец не мог рассказать дочери, что написал перед смертью). Кроме того, источник информации о «тайных сношениях с заграницей» также не указан: это могут быть как слова отца, так и документы. Данные фрагменты являются примером субъективированного повествования, поскольку они раскрывают образы родителей не только с позиции Инны как дочери и её наблюдения, но и дают читателю более широкий взгляд с позиции самих родителей и архивных документов.

5) настоящее историческое для передачи того, что видел значимый Другой с его позиции наблюдения: «Мама вспоминала, что однажды заехали на грузовиках прямо во двор. Входят группой, велят родителям сидеть в гостиной и ждать результатов обыска. Обнаружили книжки на русском языке, услышали,

что мама с отцом переговаривались по-русски» (с.107). В данном эпизоде мама становится не просто субъектом действия, но и субъектом перцепции в моменте «сейчас»: такая внутренняя точка зрения характерна для личной линии, однако субъект восприятия меняется.

Таким образом, ведущей тактикой представления информации в семейной композиционно-тематической линии является введение собственно диалогов, а также прямой, косвенной и несобственно-прямой речи: героиня-рассказчица стремится к максимально детальному воспроизведению слов отца, матери, сестры, а также людей, которых она встречала на своём жизненном пути. При описании совместно переживаемых с семьёй событий используются тактики личной композиционно-тематической линии (акцент на предметном мире, деталях, акциональная доминанта и др.), а при рассказе о событиях, свидетелем которых героиня-рассказчица не являлась, используется тактика документальной точности, что сближает семейную и социально-историческую линии.

Сделаем **выводы**:

1. Воспоминания о близких людях составляют основу семейной композиционно-тематической линии, которая занимает промежуточное положение между личной и социально-исторической линиями. С одной стороны, она представлена событиями, участницей которых была героиня, что позволяет показать ситуацию «изнутри» глазами непосредственного наблюдателя, с другой стороны, героиня-рассказчица выступает сторонним объективным наблюдателем, роль которого приближается к функции всезнающего автора в тексте.
2. В ситуациях сближения с личной линией наблюдается набор грамматических средств репродуктивного регистра при введении внутренней точки зрения: настоящее историческое время, номинативные ряды, использование перволичных дейктиков, эллиптические предложения. В случае объективного повествования позиция говорящего меняется, поскольку информация о близких людях передается как объективно-

документальная, то есть семья становится объектом описания. При таком описании используются следующие приёмы передачи чужой речи и сознания другого человека: диалоги, прямая речь, косвенная речь, глаголы памяти. При сближении с личной линией наблюдается соотнесение речевого плана героини-рассказчицы с репродуктивным регистром, при сближении с социально-исторической линией – с информативным регистром, на что, в числе прочих особенностей, указывает использование клише жанра автобиографии.

3. Особенностью репрезентации семейной памяти в автобиографическом нарративе является субъективированное повествование, т.е. смещение точки зрения из «авторской» сферы в сферу персонажа, при котором разграничение субъектов сознания в речи героини-рассказчицы становится затруднительным. В тексте маркерами субъективированного повествования являются: диалоги и прямая речь, передаваемые со слов других людей, несобственно-прямая речь (в частности – косвенно-прямая речь), не маркированная специальными знаками внутренняя оценка других людей в речевой партии героини, маркированное (выделенное кавычками) чужое слово, а также настоящее историческое в речевой партии близкого человека.
4. Данные особенности указывают на сложность организации воспоминаний о близких людях и совместно проживаемых с ними событий, что находит отражение и в использовании языковых средств. Объективное повествование становится возможным благодаря позиции стороннего наблюдателя по отношению к людям. Субъективированное повествование является указанием на степень близости говорящего и человека, чьё сознание вводится в его речь. Описание событий с внутренней точки зрения представляется важной особенностью автобиографического повествования и используется не только для передачи личных воспоминаний, но и для репрезентации опыта, совместно проживаемого с родными людьми.
5. Ведущей тактикой представления информации является «диалогизация», которая отражена в использовании прямой, косвенной речи и несобственно-

прямой речи. Использование разных форм диалогов позволяет не просто передать воспоминания о значимых людях, но и воспроизвести их мнения, представить их систему ценностей, изложить их мысли о происходящих событиях с максимально возможной детализацией и объективностью.

2.3 Социально-историческая композиционно-тематическая линия

Воспоминания об эпохе являются значимой составляющей автобиографических нарративов, а иногда и «единственным материалом, который позволяет ученым что-то узнать об изучаемом времени, познать эпоху и события, вплоть до дискурса и способа мышления этого времени» [Щедрина 2020: 41].

В рассматриваемом произведении воспоминания об исторических фигурах и событиях являются важной частью повествования. Рассказ Инны во многом уникален, поскольку она не просто жила в конкретную эпоху, наблюдая социальные сдвиги со стороны, но и являлась частью политической жизни Китая, видела её изнутри. Уже из пролога читатель узнает, что её мама *«происходила из семьи саратовского родовитого помещика и провела детство в имении Студёнка»*, двоюродный дед *«был членом Временного правительства, 25 октября 1917 года получил власть из рук Керенского в Петрограде»*, а папа *«Ли Лунчжи, более известный под псевдонимом Ли Лисань, был выдающимся китайским коммунистом, до поры до времени соратником Мао Цзэдуна»* (с. 11). Такая близость к политической жизни сразу двух стран во многом определяет и акцент на исторических и социальных изменениях, а также на сравнении образа жизни, обычаев, менталитета людей в СССР и Китае.

Центральная фигура исторической линии – Ли Лисань, образ которого складывается из информации, полученной из разных источников: 1) воспоминаний самой Инны о совместно проведенных моментах; 2) слов матери;

3) анализа документов, о чем героиня-рассказчица сама неоднократно упоминает. Так, например, в следующем фрагменте отец представлен «документально»: *«Я читала в архиве Коминтерна стенограмму совещания Исполкома, где прорабатывают Ли Лисаня»* (с.22). Героиня-рассказчица указывает на источник получения информации (*архив Коминтерна*) и точное историческое имя (*Ли Лисань*). Рассмотрим для сравнения один из эпизодов, где Ли Лисань назван «отцом»: *«Мао принял отца хорошо – тогда в нем еще не проступили черты беспрекословного вождя. Отец организовал шахтерский профсоюз, один из первых в Китае, провел забастовку, выдвинув классический набор европейских требований <...>»* (с.20). Отсылка к Ли Лисаню как к «отцу» в одних фрагментах и исторической фигуре в других наблюдается на протяжении всего текста, что является дополнительным основанием для рассмотрения семейной и исторической композиционно-тематических линий как отдельных линий повествования: на уровне номинации происходит разведение фигуры отца как члена семьи и фигуры отца как политического деятеля Китая.

Остановимся подробнее на языковых средствах репрезентации исторической линии.

Историческую линию характеризует такая черта, как стремление к документальной точности через использование имён исторических деятелей (Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Чжоу Эньлай, Йосиф Сталин и др.), точных дат (*«В 1928 году отец вошел в руководящую тройку партии...»* (с. 20); *«Сразу после возвращения на родину – было это в начале 1920-х – отец нашел в Шанхае тогдашнего генсека Чэнь Дусю»* (с. 20); *«В конце 1930-го Ли Лисань прибыл в Москву и застрял здесь на пятнадцать лет»* (с. 20). В последнем примере «официальное» имя Ли Лисань и предикат «прибыл» добавляет предложению оттенок формального, протокольного изложения: то есть, информация об отце представлена фигурой документалиста (героини-рассказчицы или повествователя) максимально дистанцированно и имеет несколько объектный характер. Отмеченное стремление к документальности и объективности является одной из ведущих тактик социально-исторической композиционно-тематической

линии: героиня-рассказчица старается максимально точно передать свои воспоминания, события в их хронологической последовательности, ссылается на источники получения информации.

Вместе с этим в повествовании присутствуют и элементы личной оценки и изображения внутреннего проживания происходящего. Рассмотрим примеры: *«Весной 1969 года прошел IX съезд КПК, который, с одной стороны, канонизировал ее завоевания, возвел Мао в ранг непререкаемого авторитета, с другой – притормозил порождавшие ее политические процессы»* (с.139); *«К концу 1969 года началось новое политическое движение, весьма странное, о котором и сейчас мало пишут. Так называемое разоблачение участников организации “16 мая”, к которой можно было отнести кого угодно, я даже не уверена, что она в реальности существовала. <...> Видимо, Чжоу Эньлай тоже воспользовался этой ситуацией, чтобы навести порядок, как он его понимал, и среди прочего дал поручение разобраться в смерти Ли Лисаня»* (с. 148). В приведённом фрагменте наблюдается как «сухое» указание на точные даты и события, так и личная оценка героини-рассказчицы, выражаемая через использование вводных слов и сложноподчиненных предложений: то есть, с одной стороны, есть события (*IX съезд КПК, политическое движение «16 мая»*), с другой – оценка этих событий из момента «сейчас» (*политическое движение весьма странное, о котором сейчас мало пишут; к организации можно было отнести кого угодно* и т. д.). Кроме того, изменение грамматического времени имеет в данном фрагменте особую функцию: прошедшее время используется для описания событий прошлого, а использование настоящего времени (*о котором сейчас мало пишут / я даже не уверена, что...*) соотнесено с речевым планом субъекта-комментатора, находящегося в одном времени с адресатом/читателем. Кроме того, в эпизоде эксплицируется оценка (*движение странное / оценка роли съезда КПК*), есть когнитивная операция сопоставления (*о котором сейчас мало пишут*) – такое включение ментальной деятельности героини-рассказчицы является важной чертой исторической линии, и вводит в повествование о

событиях политической жизни личную оценку говорящего, что превращает исторические события в автобиографические факты.

Рассмотрим еще примеры: *«И тут произошло знаковое событие. Будущего генсека Ху Яобана, реабилитированного при поддержке Дэн Сяопина, назначили заведующим орготделом ЦК. <...> Помню, Ху Яобан сказал во время какого-то выступления, что интеллигенция – это часть рабочего класса. Сейчас это звучит, мягко говоря, стерто»* (с. 206), *«В конце 1980-х из деревни люди потянулись в город. Женщины нанимались, как сейчас говорят, в домашние помощницы, а по-простому – в прислугу»* (с. 220); *Нравы, как я уже рассказывала, были тогда простые: я свободно явилась в дом Ху Яобана и передала письмо через его невестку. Был вечер субботы, когда я отдала письмо; уже в понедельник он подписал бумагу с разрешением Ли Ша вернуться в Пекин и здесь ожидать окончательного решения вопроса. Неслучайно сейчас в Китае большинство людей питает к нему теплые чувства: он реабилитировал всех, кого мог»* (с. 206). В приведённых фрагментах ситуация прошлого сопоставляется с настоящим, а героиня-рассказчица при этом словно вступает в диалог с адресатом, являясь не просто «объектом изображения» или «документалистом-исследователем», а медиатором между изображённым временем и моментом речи. Это определяет ещё одну тактику социально-исторической линии – тактику комментирования.

Комментарии в тексте повести служат как для восстановления информации, необходимой адресату для понимания текста (*«И мне поручили быть ее “адъютантом”. Была такая практика: если человек под подозрением, за ним нужно следить, не выпускать из виду, для чего приставляют к нему “адъютанта”, который ходит за ним по пятам, даже в туалет сопровождает»* (с. 153)), так и для введения попутных, важных по мнению героини-рассказчицы, замечаний о социальной обстановке (например: *«А не нападают, видимо, лишь потому, что не в состоянии точно определить, кто мы – китаянки или иностранки. Иностранцев в тот момент пока еще не трогали»* (с. 84); *«Лялька-то была одета чуть поскромней, к тому же она поменяла причёску –*

раньше был хвост, а стали косички. А у меня же волосы кудрявые... (Позже, когда “культурная революция” перешла в новую фазу, мне кричали, что наголо постригут, думали, что у меня перманент)» (с. 84) и особенностях бытовой жизни («По субботам в шестом часу вечера я садилась на велосипед (привезенный из Москвы, с ножным тормозом – у китайцев были только с ручным) и мчалась домой. А на другой день полвосьмого пополудни должна была явиться в институт» (с. 59); «Мне, уже получившей советский аттестат зрелости, пришлось снова поступить, на сей раз в китайскую школу, чтобы сдать ЕГЭ. (В Китае единый госэкзамен был с незапамятных времен, и без него не принимали в университеты.)» (с. 46)).

Таким образом, в рассматриваемой тематической линии героиня-рассказчица часто выступает в роли комментатора, даёт попутные замечания и наблюдения, сравнивает жизнь двух стран, а также делает временные сопоставления, что помогает читателю (слушателю) погрузиться в изображаемый мир (см. об этом подробнее глава 3, параграф 3).

Способы представления информации в социально-исторической линии отличаются неоднородностью: когда героиня-рассказчица делится своими воспоминаниями об эпохе, людях, передает общую атмосферу времени, её речевой план соотнесен с информативным регистром; однако к этой линии относятся и воспоминания об университетских годах, жизни в общежитии, политических группах – такие фрагменты переданы через репродуктивный регистр, поскольку показывают последовательность сменяющих друг друга событий изнутри, и являются пересечением линий повествования (например, личной и социально-исторической). Мы не будем останавливаться на них подробно, поскольку им присущи ранее рассмотренные особенности других линий (настоящее историческое, акцент на перцептивность и изобразительность, активное использование форм передачи чужой речи и др.).

В информативном регистре вводится описание жизни людей: «*И вдруг в начале 1980-х коммуны исчезли; крестьяне стали выписываться из них. Их попытались задавить, но Дэн Сяопин крестьян поддержал, после чего они*

мгновенно разбежались, перешли на семейный подряд. На следующий год весной вдоль главной улицы Пекина, практически на мостовой, появились развалы: крестьяне привозили на тележках зелень, овощи и сами продавали (с. 216); *«С начала 1980-х многие молодые люди старались уехать за границу; появились государственные программы, с помощью которых можно было поступить на учебу в западные, прежде всего американские университеты; частным образом в эмиграцию устремились дети элиты»* (с. 242-243); *«То же и с модой. Когда-то я тщетно пыталась найти себе хоть что-нибудь приличное, нестандартное к свадьбе. А теперь появились пижоны, носившие брюки клеш и большие темные очки с неснятыми наклейками»* (с. 217). В процитированных фрагментах подлежащим в двусоставных предложениях являются существительные «люди», «народ», «власть», «крестьяне», «пижоны» и др., что контрастирует с повествованием от первого лица («я»/«мы») в репродуктивном регистре. Семантика генерализации, обобщения находит выражение и в генеритивном регистре: *«Очень быстро, очень успешно – среди прочего потому, что власть не придиралась, смотрела сквозь пальцы на все, включая антисанитарию. Хочешь зарабатывать – вперед и с песней»* (с. 218); *«Ничего не оставалось, как пуститься в бизнес. В самом бойком районе, возле вокзала, стали чай продавать; дело пошло, открылись чайные...»* (с. 219). В последнем предложении субъект «люди» эксплицитно не выражен, но восстанавливается из контекста. Использование неопределенно-личных предложений становится ведущей особенностью социально-исторической линии [Лисова 2023б]. Остановимся подробнее на их рассмотрении.

В своём повествовании героиня-рассказчица стремится передать своё восприятие исторической канвы – событий, участником или наблюдателем которых она являлась. Для реализации этой задачи в тексте активно используются *неопределенно-личные предложения*, целью которых является передача информации о действиях «государственной машины» [Тестелец 2001] или, другими словами, передача конвенционального подтекста [Пушкарева 2012]. Обратимся к примерам: *«Отцовского начальника, руководителя Северо-*

китайского бюро КПК, стали обвинять в каких-то идеологических прегрешениях» (с. 103); «Но это всё были мирные споры, между своими. А вовне нарастала вакханалия. Дальше стали выискивать так называемых предателей» (с. 72); «Но вскоре, к 10-летию КНР, была объявлена амнистия, и в спецтюрьме осталось мало народу. Изредка сажали анти-партийных деятелей, но это всё были единичные посадки» (с. 125); «Дело в том, что начиная с осени 1974 года политических заключенных стали потихоньку освобождать. Первую группу, в которую попали Эми Сяо и его жена, пустили в Пекин и даже вернули прежнее жилье» (с. 186). В приведённых выше фрагментах читателю рисуется образ власти и политической жизни Китая второй половины XX века: поиск предателей и людей неверных идеологических взглядов, их заключение под стражу, жизнь человека, которая полностью подчинена власти – неопределенно-личные предложения в информативном регистре данном случае показывают роль человеческой жизни в этом государстве, при этом важным оказывается не просто сообщение о действиях государства, но и статус человека в этой системе. Взгляд повествователя и читателя фиксируется на движении от «общеисторического» к персональному даже в широких контекстах, показывающих масштабные социальные явления.

Рассмотрим ещё один пример, подтверждающий нашу мысль: «В первые же дни стали выискивать скрытых контрреволюционеров. Например, я очень хорошо запомнила: отыскали какой-то литературный журнал с иллюстрацией, на которой, как положено, были изображены рабочий, солдат, крестьянка, а на обороте – портрет Мао. В дацзыбао бдительно предупреждали: “Товарищи, внимание! Если вы посмотрите иллюстрацию на просвет, то увидите, что дуло автомата направлено прямо на председателя Мао Цзэдуна. Это дело контрреволюционеров”» (с. 72). Точка зрения героини-рассказчицы сужается: наблюдается движение от обрисовки общей ситуации в информативном регистре (стали выискивать контрреволюционеров) к конкретной сфере, в которой это происходило (отыскали какой-то литературный журнал – это описание частного случая в издательской сфере, в которой наблюдался этот «поиск

контрреволюционеров»)), затем – к дацзыбао (дацзыбао – рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды, выражения протеста. – *О.Л.*) при этом происходит смена регистра с информативного на репродуктивный: появляется субъект визуального (описание того, как выглядит журнал) и ментального (введение информации о том, что писали в дацзыбао) восприятия, что создает эффект «включения» и живого воспроизведения происходящего, однако, в отличие от репродуктивного регистра личной линии, перцепция конкретного человека (героини) оказывается вторичной.

Использование неопределенно-личных предложений встречается в контекстах, которые не связаны напрямую с «давлением власти» и функционированием огромной политической машины, но служат для реализации похожей цели – показать жизнь эпохи, нарисовать социальный фон. Такие предложения имеют документально-изобразительный характер и выполняют функцию комментария к основной событийной линии. Так, читатель узнаёт:

А) о культурно-интеллектуальной жизни общества: (*«По принципу “враг моего врага – мой друг” в библиотеки стали заказывать книги издательств “Посев”, “ИМКА-Пресс”, другие эмигрантские издания»* (с. 182));

Б) о бытовой, каждодневной жизни народа, изменении социальных привычек: (*«Когда стали отменять карточки, народ реагировал нервно, опасаясь, что опять обманут. Объявили, что с такого-то дня отменяют карточки на ткани; накануне люди бросились в магазины и отоварили все карточки. Приняли решение отменить карточки на мясо (и на всякий случай накануне продлили работу магазинов до полуночи) – покупатели смели с прилавков всё»* (с. 217));

В) об изменениях в сфере торговли и бизнеса: (*«Еще через год торговлю упорядочили, запретили ее на главной улице страны, вместо этого устроили оптовые рынки, появились посредники...»* (с. 217); *«Ничего не оставалось, как пуститься в бизнес. В самом бойком районе, возле вокзала, стали чай продавать; дело пошло, открылись чайные... Другие стали мотаться на границу с Гонконгом, челноками»* (с. 219).

Г) о духовной жизни общества, переживаниях людей и их отношении к знаковым фигурам: *«И вот как-то открываю газету, вижу: на последней странице газеты всё еще продолжают соболезновать Кан Шэну, а на первой полосе уже новое сообщение о смерти: не стало Чжоу Эньляя. Это было потрясение для многих; на него уповали, считали, что он держит на себе экономику, выравнивает курс страны»* (с. 198).

В рассмотренных выше примерах неопределенно-личные предложения формируют социально-историческую линию повествования, что достигается путем использования темпоральных и локативных распространителей в позиции темы, или же в начальной позиции находится предикат неопределенно-личного предложения – таким образом, личная линия героини отходит на второй план, а тематическую линию «наполняют» события жизни общества. Однако в анализируемом произведении часто происходит совмещение тематических линий (личной/семейной и социально-исторической) и ведущим языковым средством параллельного повествования являются неопределенно-личные предложения. На такую особенность функционирования неопределенно-личных предложений указывают и учёные-синтаксисты.

Так, К. А. Рогова обращает внимание на то, что субъект неопределенно-личного предложения может быть «персонажем, деятельность которого однозначно детерминирована контекстом, т.е. с доминантой направленности на предмет» [Рогова 2020: 17], или «персонажем, социально детерминированным, связанным с проявлением свойств, с функцией организатора деятельности <...> В этом случае значение субъекта НЛП создаёт некий фон, мотивирующий развитие собственно сюжетного повествования о деятельности персонажа» [Там же].

Таким образом, К. А. Рогова указывает на одну из важнейших семантических функций неопределенно-личных предложений: создавать фон ситуации, той линии, которую ведет говорящий, при этом факт незначительности и неважности «деятели» становится спорным, поскольку на первый план выходит «когнитивный уровень» – уровень ведения параллельной линии повествования.

В том же ключе проводит своё исследование Н. В. Пушкарева: анализируя тексты М. А. Булгакова, С. Д. Довлатова, З. Прилепина и М. П. Шишкина, учёный приходит к заключению, что при описании действий власти автору не всегда необходимо называть производителя действия: неопределенно-личные предложения помогают читателю расшифровать значение нулевого подлежащего и без прямой отсылки к деятелю. Неопределенно-личные предложения создают *конвенциональный подтекст*, т.е. включают «общеизвестную или конвенциональную информацию, выводимую из грамматических характеристик определенных лингвистических средств и безошибочно идентифицируемую носителями языка» [Пушкарёва 2012: 39]. От фоновых знаний такой подтекст отличается тем, что «выражается при помощи конкретного лингвистического средства – неопределённо-личных предложений», в то время как фоновые знания присутствуют в тексте на лексическом уровне [Там же]. Далее, анализируя роман М. А. Булгакова, исследователь обращает внимание на важную деталь: в некоторых случаях «одинаковыми грамматическими средствами описаны как действия органов следствия, так и действия спутников чёрного мага», т.е. неопределенно-личные предложения «обозначают разные процессы без указания на то, сколько деятелей их производило» [Там же].

Таким образом, анализ работ исследователей позволяет сделать следующее предположение: в повествовательном тексте неопределенно-личные предложения приобретают уникальную способность – включение в нить повествования сразу нескольких линий, считываемых сознанием носителя языка. Попробуем исследовать данную особенность неопределенно-личных предложений на примере нашего текста.

На протяжении текста повести в социально-историческую линию включаются воспоминания о матери, отца, информация о бабушке и дедушке – то есть фрагменты семейной композиционно-тематической линии. Использование неопределенно-личных предложений оказывается связанным с действиями, осуществляемыми государственной властью над семьей Инны: «*..дед покончил с собой в начале 1919 года, когда его повезли в ЧК в село Турки*» (с. 17); «*Бабушку*

как жену помещика уволили со швейной фабрики и никуда не хотели принимать на службу» (с. 17-18); «Отца просто обвинили в склонности к троцкизму и вызвали в Москву каяться перед Коминтерном» (с. 21). С одной стороны, неопределенно-личные предложения выполняют здесь функцию включения семейной истории героини в социальный, временной контекст, с другой – передают перечисление фактов, событий прошлого без углубления в детали, что придаёт тексту документальную точность. Совмещение линий в структуре одного предложения происходит благодаря ведущей роли объектного распространителя (*его, бабушку, отца*), вынесенного в препозицию относительно предиката и являющегося темой высказывания: так, акцент смещается на членов семьи, а сообщение о действиях других лиц становится фоновой информацией, соотносясь с социально-исторической линией.

Кроме того, обнаруживается ряд контекстов, которые через бытовые мелочи раскрывают информацию о том, чем жили:

1) семья и ближний круг человека: «*В конце концов сложилась ситуация: завтрак подавали европейский, обед (если все дома) русский, ужин китайский.*» (с. 29); «*Это не было общей чертой золотой молодежи; та же дочь Мао Цзэдуна, дети других “вождей” не имели ничего подобного. Их держали очень строго*» (с. 67). В данных примерах отражены традиции семьи Инны, которые часто оказываются вписанными в социально-историческую линию через сравнения, сопоставление и противопоставление с тем, как жили другие исторические персонажи (к которым относится и отец героини), а также с жизнью других (не имеющих отношения к власти и «золотой молодёжи») людей. В структуре неопределённо-личных предложений объектный распространитель находится в препозиции, является темой, что позволяет через бытовую деталь выходить к общесоциальному контексту.

2) ближайший доступный сознанию социальный круг: «*Стали играть свадьбы в общежитиях практически каждый день. Одна, две, а то и три пары*» (с. 168); «*Приносили конфеты (тогда они были нормированные), семечки, обычные орешки. Например, арахис считался шиком, настоящим лакомством. И*

бегали весь вечер с одной свадьбы на другую» (с. 168); *«Вскоре нас с мамой как русистов стали приглашать на посольские приемы. Конечно, все было гораздо более сдержанно, чем сейчас»* (с. 231). Данные контексты, с одной стороны, связаны с личной линией повествования, поскольку изображают непосредственно происшедшее с Инной, с другой – читатель узнает о традициях Китая. В последнем примере объектный распространитель в препозиции к предикату делает личную тематическую линию основной, а информация о том, что изменилось отношение к русистам выводится в фон; в примерах, где предикат занимает начальное положение, происходит смещение акцента на сами социальные действия, а факт участия героини в событиях считается читателем как «фон».

Таким образом, через неопределенно-личные предложения происходит совмещение двух линий повествования, а анализ распространителя и его положения относительно предиката может служить маркером того, какая из линий становится основной.

Рассмотрим один из важных фрагментов повести, описывающий момент тюремного заключения Инны, её сестры и матери. Эпизод начинается с описания того, где находится тюрьма, как героиню проводили по помещениям и внутренней территории, как велели переодеться (*«Доставили нас в знаменитую тюрьму Циньчэн <...> Меня провели в отдельное помещение, велели снять все свое, одели в китайскую тюремную одежду. Повели по внутренней территории. И погнали по лестнице на третий этаж <...> Важная часть жизни закончилась, началась другая, непонятная»* (с. 125-127)). Обратим внимание на преимущественно начальную позицию предикатов в неопределенно-личных предложениях: такая структура смещает акцент на совершаемое «властными структурами» действие, что позволяет рассматривать фрагмент не только как личное воспоминание, но и как часть социально-исторической линии.

Далее героиня-рассказчица описывает эту самую непонятную жизнь, в которой мир наполнен «предметами», однако внимание сосредоточено на самом действии: *«Мне в руки сунули белый кусочек ткани с вышитыми цифрами»*

(с. 127). Описание камеры наполнено указанием на предметы быта: *«В камере очень низкий деревянный топчан, с тоненьким-тоненьким, но все-таки матрасом. Подушку не дали, но кинули какие-то мои вещи, нижнее белье, я их подкладывала под голову. Одеялко дали» (с. 127). Акцент в приведённом фрагменте смещен на детали предметного мира, такие мелочи как «подушка» и «одеялко». Предикаты передают действия других людей, но оказываются лишены своего акционального значения, так как на первый план выходит картинка: камера – подушка – одеялко. Темой следующего фрагмента является еще один важный предмет жизни во время заключения – «газета»: *«Через месяц-полтора стали давать главную партийную газету “Жэньминь жибао”. Сейчас в это поверить трудно, но то было для меня огромное счастье, настоящая отдушина. Газету, которая выходила тогда на шести полосах, нам приносили вечером. <...> Потом старый выпуск забирали и приносили новый. Такое это было наслаждение...»* (с. 131-132). В рассматриваемом тексте неопределенно-личные предложения описывают быт героини в тюрьме, а доминантой являются предметы тюремного быта – газета и эмоции. Присутствие или отсутствие привычных предметов оказывается решающим для внутренней и интеллектуальной жизни во время пребывания в заключении: *«Чтение главной официальной газеты стало для меня едва ли не единственным интеллектуальным развлечением и формой пусть заочного, но все-таки общения. Дневники я вести не могла: бумагу нам выдавали по счету, только чтобы писать показания, оставшиеся чистые листы пересчитывали и уносили»* (с. 132-133). Или: *«Мне выдали широкую тряпку»* (с. 135); *«Зеркал в нашем быту, повторяюсь, не было. Даже стригли без зеркал»* (с. 135).*

В рассмотренных эпизодах неопределенно-личные предложения используются в репродуктивном регистре и выполняют несвойственную им функцию – служат для описания предметного мира. Это даёт основание предположить, что в моменты отсутствия внешней, исторической и социальной жизни, сознание начинает выделять в мире простые объекты, которые становятся центром внутренней жизни. Использование предложений такой структуры

позволят выйти за пределы собственно автобиографической линии, поскольку через них рисуются внешние детали, социальная обстановка, культурно-духовная составляющая, которая оказывается важной для героини даже при отсутствии внешних стимулов.

Стоит выделить ещё одну тактику представления информации – совмещение личной и социально-исторической линий именно через использование неопределенно-личных предложений. Рассмотрим пример: *«Были и смешные эпизоды. Праздник Весны. Всех студентов свезли в уездный центр (мы были распределены по разным деревням), чтобы крестьяне могли спокойно по праздновать, не тратясь на наше угощение. Вечером нас собрали на политзанятия в уездном зале, где было электричество <...> В конце концов устроили нам баню. А бани были старые, еще японцы, видимо, строили. Большие, с общим бассейном. Сначала девчонок пустили в этот бассейн, потом мальчишек. Впервые за почти полгода мы помылись – какое счастье!»* (с. 65-66).

В данном примере предложения передают факт подчинения участников события воле вышестоящих лиц – таким образом происходит совмещение информации о событиях личной линии и действий власти. Героиня-рассказчица рассказывает о том, что наблюдала/переживала лично, глаголы совершенного вида передают последовательность действий, однако целью данного эпизода является описание ситуации, а не передача динамически сменяющихся друг друга событий, при этом важными оказываются и детали места, в котором находится наблюдатель. Взгляд читателя сосредоточен на восприятии и описании мира: такой эффект достигается через использование номинативного предложения, согласованных и несогласованных определений, а также через включение неопределенно-личных предложений в состав сложных предложений. Кроме того, важным оказывается и порядок слов: объектные распространители, указывающие в данном фрагменте на участников действия (студентов, нас, девчонок) находятся в позиции перед предикатом, что делает их темой. Такое описание ситуации смещает акцент с действия со значением принуждения в сторону изобразительности и желания дать комментарий (вставная конструкция и использование парцелляции при описании

бань создают эффект диалога читателя с повествующим субъектом), а в структуре неопределенно-личных предложений происходит совмещение информации как о жизни Инны, так и об особенностях жизни студентов в определенный исторический период. Эмоциональность фрагменту придает и включение в повествование реактивного регистра (*какое счастье!*).

Таким образом, неопределенно-личные предложения активно используются при описании действий государственной машины, описании культурной и духовной жизни общества, социальных изменений – то есть, являются ведущим средством в формировании социально-исторической тематической линии автобиографической повести.

С другой стороны, данные предложения участвуют в описании личной и семейной линий повествования, позволяя читателю удерживать внимание на двух информационных пластах: 1) на том, что происходит с основным героем повести; 2) на комментарии к обстановке в стране и в малых социальных группах. Такое свойство неопределенно-личных предложений (способность вести параллельное, фоновое повествование) было отмечено ранее в работах лингвистов (Н. В. Пушкарева, К. А. Рогова), наш анализ также подтвердил эту идею. Неопределенно-личные предложения выполняют в автобиографическом тексте особую функцию: позволяют совмещать несколько тематических линий повествования в одном информационном пространстве.

Выделим основные **особенности** социально-исторической композиционно-тематической линии:

1. Ведущей тактикой рассматриваемой линии является установка на документальность и точность передачи информации: отсылка к источникам получения информации, историческим фигурам, введение точных дат, подробный рассказ об исторических событиях и социальных изменениях;
2. Информация передаётся преимущественно средствами информативного регистра, важную роль при этом играет фигура комментатора («Я как субъект речи»), дающего как дополнительную информацию, необходимую для понимания высказывания, так и собственную ментальную и

эмоциональную оценку. Такое появление может сопровождаться включением генеритивного и реактивного регистров в структуру повествования о социально-исторических событиях.

3. Особую роль в формировании тематической линии играют неопределенно-личные предложения, которые а) включают информацию о социально-исторических событиях, при этом наблюдается тенденция к использованию локативных и темпоральных распространителей в тематической позиции перед предикатом, или же распространитель перед предикатом отсутствует, при этом акцент смещается на сам факт совершения действия; б) передают информацию о действиях «государственной машины», в позиции темы при этом находится объектный распространитель (мама, папа, дед, студенты, другие фигуры); в) выполняют функцию совмещения личной/семейной и социально-исторической линий, в позиции темы находится объектный распространитель (меня, нас, маму, одеялко, газету и т.д.), фоновая «социальная» информация (например, об атмосфере времени, жизни людей) считается адресатом на когнитивном уровне.

Выводы по второй главе

Рассмотрение информационной структуры автобиографического нарратива заключается в анализе композиционно-тематических линий (личной, семейной, социально-исторической), выделяемых на основании единства описываемых в них событий, действующих лиц, а также средств речевой репрезентации.

Основой *личной линии* является рассказ о событиях, происходивших непосредственно с героиней-рассказчицей, что определяет выбор репродуктивного регистра как основного: акцент делается на последовательно сменяющихся друг друга событиях и описании воспринимаемых предметов

окружающего мира. *Тактиками* представления информации в данной линии являются: а) стремление максимально точно передать перцептивно воспринимаемые предметы и детали окружающего мира; б) изображение внутренних переживаний и ментальной деятельности через описание предметов и явлений действительности; в) изображение последовательно сменяющих друг друга событий, которое достигается как через использование акциональной доминанты, так и через смену «предметной картинки».

Семейная линия включает рассказ о родителях Инны, её сестре, мужьях, детях, а также дальних родственниках, при этом активными действующими лицами повествования являются отец, мать и сестра. *Тактиками* представления информации являются: а) диалогизация, то есть воспоминания о разговорах со значимыми Другими и введение этих разговоров в текст в форме прямой и косвенной речи, а также собственно диалогов; б) субъективированное повествование, при котором сознание значимых Других оказывается включенным в слово героини-рассказчицы без специальных маркеров; в) описание совместно проживаемых с родными событий и переживаний; г) документальная точность при описании событий, свидетелем которых героиня-рассказчица не являлась. Выбор тактик определяет использование разных регистровых блоков: волонтивного и реактивного при изображении диалогов и прямой речи, репродуктивного при описании совместно проживаемых событий, информативного при введении документальной, архивной информации.

Таким образом, семейная линия совмещает тактики личной и социально-исторической линий.

Социально-историческая линия содержит информацию о конкретных политических событиях, происходивших в XX веке в Китае и СССР, важнейших исторических фигурах, принимавших участие в этих событиях, о жизни как целого народа, так и отдельных (малых) социальных групп. *Тактиками* представления информации являются: а) стремление к документальной точности, которое выражается в использовании имён, дат, сопоставлении событий, указания источника получения информации; б) комментирование незнакомых для адресата

явлений социальной жизни, обычаев, предметов быта; в) совмещение линий повествования, то есть показано влияние исторических событий на жизнь отдельного человека и социальных групп.

Стратегия говорящего (героини-рассказчицы) на данном этапе анализа складывается из анализа используемых тактик и может быть определена следующим образом: максимально объективное, близкое к документальному, изложение сменяющих друг друга событий личной и социальной жизни через передачу перцептивно воспринимаемых деталей предметного мира, а также диалоги с близкими людьми.

ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ НАРРАТИВА

В главе рассматриваются способы взаимодействия выделенных ранее композиционных единиц автобиографического нарратива. Такие способы могут быть описаны двумя терминами: *мена и совмещение* – каждое из этих явлений имеет свои подвиды.

Под *меной* композиционно-тематических линий понимается ситуация перехода от фрагмента текста, в котором даётся описание исторических/социальных событий, к текстовому фрагменту, центральным фокусом которого является личная история героини-рассказчицы или её семьи. Мена также возможна и в обратную сторону: от личного (семейного) к социально-историческому.

Под *совмещением* композиционно-тематических линий мы понимаем одновременное введение двух линий в одном текстовом фрагменте, при этом социально-исторические процессы оказываются пропущенными через призму субъективного опыта и восприятия, а личные события являются прямым отражением процессов в жизни людей и страны в целом.

В качестве текстового фрагмента выступает сложное синтаксическое целое, поскольку оно является «наиболее протяжённой в составе текста синтаксической единицей, представляющей собой группу контактно и дистантно взаимосвязанных предложений, характеризующих какую-либо сторону описываемого предмета (явления и т.д.)» [Лосева 1980: 61], то есть позволяет раскрыть какую-либо сторону описываемого явления (события) через объединение предложений на основании тематической, лексической, грамматической и интонационной общности. Сложное синтаксическое целое может включать как один композитив (коммуникативный регистр, воплощённый в конкретном фрагменте текста), так и несколько композитивов. Композитивы

(или композиционно-речевые, конститутивные единицы) – «фрагменты любого текста, представляющие разные позиции говорящего по отношению к сообщаемому или разные степени дистанцированности» [Золотова 2004: 451], при этом композитивом может быть как полупредикативная конструкция, отдельное предложение, так и группа предложений, абзац [там же].

Выбор ССЦ (а не собственно композитива, предложенного Г. А. Золотовой) в качестве текстового фрагмента связан с необходимостью учёта экстралингвистической категории события при описании композиционно-тематических линий как способа репрезентации автобиографической памяти.

3.1 Мена композиционно-тематических линий

В работе «Поэтика композиции» Б. А. Успенский обращает внимание на то, что точка зрения повествователя может «последовательно скользить от одного персонажа к другому, от одной детали к другой – и уже самому читателю предоставляется возможность смонтировать эти отдельные описания в одну общую картину», что напоминает «движение объектива камеры в киноповествовании, совершающей последовательный обзор какой-то сцены» [Успенский 1970: 81]. В автобиографическом нарративе такой «последовательный обзор» встречается как в пределах одной композиционной линии, так и при смене композиционных единиц. Так, например, в главе «Мама и папа» героиня-рассказчица рассказывает о маме, потом об отце, последовательно излагает события его жизни до приезда в Москву, затем – описывает встречу родителей. Информация о семье передаётся не с позиции «Я в прошлом», а с точки «Я в настоящем», что определяет выбор информативного регистра, особенностями которого в рассматриваемом тексте являются отмеченные ранее документальность, постоянство в использовании грамматических форм времени глагола, внешняя фокализация, введение фигуры комментатора и др. (См. об этом подробнее глава 1, параграф 3). В главе «Тюрьма и воля» героиня-рассказчица,

напротив, языковыми средствами репродуктивного регистра последовательно описывает смену событий собственной жизни и впечатлений из точки «я в прошлом», то есть является объектом изображения и собственной рефлексии. Однако последовательный рассказ о событиях возможен и при взаимодействии композиционных линий. Рассмотрим пример **мены** линий:

«При этом идеологическая обработка моего поколения усиливалась, а вождизм нарастал. <> Началась борьба против “облеченных властью, но идущих по капиталистическому пути”; даже было изобретено такое слово, которое на русский язык перевели уродливо: каппутисты. Говорят, что словцо появилось с подачи или одобрения все того же Кан Шэна <...> В начале апреля 1966 года мы вернулись в Пекин в полной эйфории: наконец-то! Но когда я пересекла порог родного дома, сразу же заметила, что мама встревожена, а отец мрачен.

– Что случилось? – спрашиваю.

Мама отвечает:

– А ты не знаешь, что в стране происходит?!» (с. 67).

В данном фрагменте переход между социально-исторической и семейной линиями формально эксплицирован только указанием даты, а также сменой регистра с информативного на репродуктивный. В начале фрагмента глаголами несовершенного вида вводится общая характеристика времени без отнесения к конкретному году, а введение семейного воспоминания сразу маркируется датой, что выделяет этот эпизод на общей «исторической» временной шкале. Таким образом, происходит движение от «общего» описания к «частному» воспоминаю.

В следующем примере дейктик «тут» включает семейную линию в социально-историческое повествование о политическом движении, партийных организациях, важных фигурах 1969 года: *«К концу 1969 года началось новое политическое движение <...> Так называемое разоблачение участников организации “16 мая” <...> И тут Ляле, которая потихонечку стала в деревне успокаиваться, опять похужело»: услышав в мобилизационном докладе новость*

о распоряжении Чжоу Эньляя, она вдруг собралась написать дацзыбао, чтобы рассказать то, чего другие не знают» (с. 149).

Аналогичным образом происходит включение личной линии в социально-историческую: *«И перед нами обеими встал непростой выбор. Мы понимали, что не будем сидеть по своим деревням вечно – рано или поздно нас распределят на работу. <...> Куда проситься? <...> Ладно, думаю, посмотрим, куда ее направят, а я попрошусь к ней поближе. И вдруг положение в стране опять переменилось: весной 1971-го, как раз когда в Пакистане, на нейтральной территории, обговаривалась возможность приезда Никсона в Китай, по решению Мао Цзэдуна началась так называемая дипломатия пинг-понга»* (с. 156).

В данных примерах отражено резкое изменение состояния дел (в семье или политике), композиционные линии отличаются «самостоятельностью», то есть каждая из них могла бы стать отдельной историей – рассказом о жизни страны или повествованием о личной жизни. Формирование «общей картины» происходит в процессе линейного восприятия текста адресатом при движении от одного фрагмента к другому. Формальным показателем связи событий трёх линий служат дейктики (*вдруг, тут, вскоре*) и другие временные маркёры (число, месяц, год, время года, отсылка к известной для адресата/читателя эпохе и др.).

К случаям мены можно отнести и ситуации с движением от общего взгляда на социальное событие к событиям частной жизни – назовём такой переход **детализирующей меной композиционно-тематических линий**. Б. Успенский говорил об этом как о точке зрения «птичьего полёта»: «при описании некоторой сцены с большим количеством действующих лиц нередко *дается сперва общий взгляд* на всю сцену сразу, то есть общее, суммарное *описание данной сцены*, произведенное как бы с *птичьего полета*, а затем уже автор переходит к *описанию действующих лиц*, то есть может принимать более *дробные (мелкие) зрительные позиции*; точно так же этот прием может быть применен и в конце некоторого описания» [Успенский 1970: 87]. В работе учёного выделение «общей точки зрения» (точки зрения «птичьего полёта») связано с изучением

пространственной позиции наблюдателя, однако мы полагаем, что такое явление прослеживается и применительно к повествовательной перспективе в целом. Обратимся к тексту: *«Все жили в ожидании войны <...> Но народ не очень рвался воевать, не было особого патриотического подъема <...> И к нам, китарускам, у людей не было никакой враждебности. Даже иногда наоборот, ощущалась симпатия. Вот пример. Я уже живу в общежитии. Карантинном. Год, может быть, 1972-й, 1973-й. Карантинный этаж постепенно начинает заселяться разными людьми. И появляется молодой библиотекарь, чуть постарше нас, слегка за тридцать. Немножечко без царя в голове. Когда-то он учил русский язык, любил по-русски поболтать»* (с. 96). В приведённом примере наблюдается движение от общей атмосферы («Все жили в ожидании войны», «Народ не рвался воевать») к жизни малой социальной группы («китарускам»), а затем происходит резкая смена регистра – с информативного на репродуктивный – и героиня-рассказчица приводит пример «изнутри», то есть меняет свою временную позицию, что достигается, в первую очередь, путем перехода к использованию настоящего исторического времени глагола (*начинает заселяться/ появляется*). Использование парцелляции и определений создает эффект развития ситуации на глазах у героини и читателя: так, сначала мы узнаем о том, что Инна жила в общежитии, потом – о том, какое это было общежитие; сначала появляется библиотекарь, а уже потом вводится дополнительная информация о нем – такой способ введения информации соответствует норме устной речи.

Постепенный переход «историческое – социальные группы – частная жизнь» наблюдается и в следующем фрагменте: *«Слухи о Линь Бяо и его неудавшейся попытке бегства уже просачивались, но толком никто ничего не знал. <...> Началось брожение среди интеллигенции. Вдруг нас всех, студентов и преподавателей, собирают на стадионе, чтобы сделать “важное сообщение”. Объявляют официальную версию случившегося и объясняют, что отечество в опасности, стало быть, нужно начинать еще одно движение. После чего ко мне подходит некий военный и говорит: “Ли Инна, иди-ка сюда. Принято решение, что ты не будешь участвовать в новом движении”»* (с. 159-160). В приведённом

фрагменте к языковым средствам «перехода» от информативного к репродуктивному регистру добавляется использование дейктика «вдруг» и неопределенно-личных предложений, функцией которых, как было показано нами в главе 2, параграфе 3, является совмещение линий повествования: так, событие сбора студентов и сообщения официальной версии случившегося относится как к личной, так и к исторической линиям. Передача чужой речи (косвенной и прямой) и использование настоящего исторического являются маркерами появления субъекта аудиального восприятия: происходит переключение между речевым и нарративным режимами. Речевой режим интерпретации – это режим, когда «есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени и имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т.д.» [Падучева 2009: 412], «монолог может быть в каких-то отношениях похож на диалог: адресат может быть мысленным» [Падучева 2017: 4]. В нарративном режиме нет полноценного говорящего «в создании и интерпретации текста. Даже в нарративе от 1-го лица говорящий неполноценный, поскольку он не имеет общего с адресатом момента речи. Говорящего как лицо замещает в нарративе повествователь или персонаж» [Падучева 2017: 4].

Введение личного воспоминания является характерным приёмом переключения между композиционно-тематическими линиями, при этом если при собственно мене такой переход происходит резко (среди маркеров – указатели времени), но часто без смены регистра, то при детализирующей мене появляются языковые средства, позволяющие соединять линии: *«Вскоре в Пекинском университете стали осваивать опыт борьбы с каппутистами, перенося его из деревни в город, в учебные заведения <...> Время года было теплое. Студенты высыпали на улицы. И я навсегда запомнила 31 мая. У нас в институте еще шли занятия, но уже ни шатко ни валко. Мы с подружкой отправились с утра в институтскую библиотеку – пока добирались, было тихо, а возвращаемся, уже всюду звучат репродукторы, по центральным радиоканалам зачитывают студенческое воззвание»* (с. 70-71). Во-первых, в данном фрагменте прослеживаются ранее отмеченные закономерности выбора языковых средств

(неопределенно-личные предложения, настоящее историческое, выражение перцептивного восприятия через номинативные предложения). Во-вторых, собственно переход осуществляется через сознание героини, ее личный опыт и оценку («я навсегда запомнила 31 мая»), что является указанием на введение «яркого события» (В. В. Нуркова). Такой же переход наблюдается в следующем фрагменте: *«Наконец, настала эра Горбачева. Навсегда запомнила его владивостокскую поездку. Мы с мамой в тот день заболтались, телевизор не стали включать; вдруг распахивается дверь, на пороге стоит мой десятилетний Дима и осуждающе спрашивает: – Вы что же, Горбачева не хотите слушать?!»* (с. 231). В последовательное повествование об изменениях в политической жизни Китая и СССР встраивается личное воспоминание, оформленное языковыми средствами репродуктивного регистра, и показывающее то, как история со своими действующими лицами «проникает» в жизнь людей. Такой эпизод-воспоминание оказывается важным для понимания изменений: *«Он оказался прав: в горбачевской речи прозвучала китайская тема, он фактически протянул Китаю пальмовую ветвь. Вскоре нас с мамой как русистов стали приглашать на посольские приемы. Конечно, все было гораздо более сдержанно, чем сейчас»* (с. 231). Информация о «горбачевской речи» не просто вводится в текст, но даётся через призму воспоминаний о том, каким образом она была получена (то есть, фактически, речь идёт об эмоциональном наполнении события политической жизни), а затем – через вывод о влиянии этого события на судьбу Инны и её мамы.

Включение личных эпизодов придаёт событиям исторической линии эмоциональность. При этом наблюдается следующая схема: упоминание события (чаще всего в информативном регистре) – включение более крупного личного эпизода (репродуктивный регистр) – итог события (информативный регистр, при этом важной становится оценка и комментарии события «с дистанции»). Таким образом построен и эпизод-воспоминание о землетрясении: *«А потом, в июле, произошло Танианьское землетрясение. О, это было страшно. Уже светало. Наверное, часа четыре утра. Я спала очень крепко. И вдруг чувствую, что*

кровать трясется; спросонья решила – это муж меня будит. Открываю глаза и понимаю, что дом качается, как корабль в бурю. Потом вдруг начинает подпрыгивать. Накинув халатик, выскакиваю на улицу. Народ бежит босой, полуодетый, в чем попало; толчки продолжаются. И даже в следующие дни, когда меня, беременную, устроили лучшие, я ощущала, что земля подо мной ходит ходуном. Эпицентр находился почти в 300 километрах от Пекина, но неглубокое залегание. По минимальным подсчетам, 230 тысяч погибших. Три недели нам не разрешали возвращаться в свои комнаты» (с. 202). Изображение событий языковыми средствами репродуктивного регистра не просто «информирует» адресата об историческом факте, но и позволяет показать степень эмоциональной вовлеченности героини в проживание этого события и воспоминания о нем спустя годы. Заканчивается эпизод «документальным» информированием о последствиях землетрясения, то есть наблюдается смена регистра через изменение временного плана («я в прошлом» в определенном моменте вытесняется «я настоящим», которое даёт оценку как тому, что происходило в следующие дни, так и итогу события в целом). Формальным грамматическим средством такой смены регистра является изменение времени глагола, стилистическим – документальность, выражающаяся в использовании точных данных («эпицентр в 300 километрах от Пекина», «200 тысяч погибших»), специальной, книжной лексики («неглубокое залегание», «эпицентр»).

Включение личных эпизодов с выраженной перцепцией субъекта восприятия делает рассказ в информативном регистре более динамичным и эмоциональным, а также показывает историю «изнутри», тем самым превращая её из объекта изображения, рефлексии и оценки в процесс «внутреннего» проживания происходящего «во вне». Даже в тех эпизодах, где нет маркированного дейктиками «я» героини, читатель имеет дело с проживанием и осмыслением социальных явлений: *«Отставание Китая – интеллектуальное, технологическое, экономическое – ощущалось тогда очень остро. <...> С едой тоже были проблемы – в месяц давали килограмм мяса, плюс можно было покупать немножко мясного фарша. Яйца – нормированно. Заходишь в магазин,*

он совершенно пустой, как в России на излете перестройки. Стоят продавщицы болтают, делать им нечего. Даже овощей не было. Просто истерический смех» (с. 216). Переход от общего суждения об отставании Китая к личным комментариям происходит через введение разных типов односоставных предложений: неопределенно-личное и безличное предложения позволяют совмещать в повествовании несколько линий (личную и социальную), а использование определенно-личного предложения, с одной стороны, отсылает нас к фигуре Инны, с другой – описывает жизнь всех китайцев. В конце приведённого фрагмента появляется личное, экспрессивное суждение самой героини-рассказчицы («*просто истерический смех*»). Иными словами, прослеживается постепенный переход от объективно-отстраненного повествования к субъективно-оценочному.

Таким образом, *мена* композиционно-тематических линий прослеживается через изменение коммуникативных регистров речи и положения автобиографического «я» относительно изображаемых событий, а также через наблюдение за способами логического, грамматического, лексического и стилистического оформления мысли. Основной тактикой является стремление показать исторические события в их связи с судьбами обычных людей: переход от описания «общего социального события» к конкретному примеру из частной жизни Инны или её семьи придаёт документальному повествованию динамизм, эмоциональность, и сокращает дистанцию между описываемыми событиями и адресатом, поскольку «личная» история Инны, показанная её глазами, позволяет читателю включаться и проживать события вместе с героиней-рассказчицей.

3.2 Совмещение композиционно-тематических линий

В данном параграфе мы рассмотрим второй вид взаимодействия композиционно-тематических единиц текста – *совмещение*, которое предполагает введение в один текстовый фрагмент сразу нескольких линий повествования, и,

как правило, не сопровождается сменой коммуникативного регистра речи, что затрудняет выделение специфических языковых средств. Тем не менее, в тексте выделяется ряд особенностей, позволяющих включать разные виды памяти.

Одной из таких особенностей является использование неопределенно-личных предложений, которые «включают» в автобиографический текст как социально-историческую линию, показывающую, что происходило в стране в целом, так и личную и/или семейную линии, целью которых является рассказ о жизни человека и его близкого окружения. Так, неопределенно-личные предложения в тексте позволяют рассказывать о том, что происходило с отцом, который являлся важным политическим деятелем: *«Отца просто обвинили в склонности к троцкизму и вызвали в Москву каяться перед Коминтерном. <...> Года через два – три ему дали возможность работать – в закрытых китайских школах партактива. <...> А в 1935 году, когда его определили на постоянную работу в издательство “Товарищество иностранных рабочих в СССР”, стал усиленно за ней ухаживать. <...>* (с. 21-23). В таких фрагментах в тексте совмещаются две линии: с одной стороны, мы узнаем об особенностях политической жизни начала XX века, с другой – об отце героини и его знакомстве со своей будущей женой (матерью Инны), что является важной частью автобиографии.

В тексте наблюдается совмещение личной и социально-исторической линий: *«Незадолго до 18 августа всех предупредили: готовьтесь выйти на площадь Тяньаньмэнь. Неважно, какой “линии” вы придерживаетесь – всем велено быть. 18-го ни свет ни заря нам подали автобусы. Довезли до центра, сказали построиться. Вроде бы ничего необычного: нас так вывозили на любые праздники, 1 Мая, 1 Октября – день образования КНР. Давали каждому задание: ты пройдешь в колонне по площади, а ты встанешь на указанном месте, вскинешь бумажные цветы, обеспечишь красивую картинку»* (с. 79-80). Предложение *«нас так вывозили на любые праздники»* является комментарием к ситуации и не связано напрямую с описываемой ситуацией (такая связь осуществляется только на ментальном уровне героини-рассказчицы: она

сопоставляет ситуацию «сейчас» и «раньше»). Неопределенно-личные предложения данного фрагмента указывают на действия и распоряжения людей «у власти», обязательные для выполнения другими, среди них – сама Инна, которая является субъектом аудиального восприятия и передаёт то, что говорили вышестоящие люди. Особого комментария требует использование дейктиков: вместо личного местоимения «я» появляется «мы», которое может быть соотнесено как с малой социальной группой (студенты), так и с народом в целом, что указывает на то, что описываемое событие затронуло не только Инну, но и других людей. Такое же параллельное включение можно проследить во многих фрагментах, поскольку использование неопределенно-личных предложений является одним из ведущих языковых средств репрезентации памяти героини-рассказчицы: *«А еще нас регулярно посылали в деревню. Как в Советском Союзе отправляли на картошку, так в Китае вывозили на пшеницу. Сначала ненадолго, на несколько дней, максимум на неделю. Потом, к 1965-му, начались политические кампании в деревне: чистка низовых организаций. И нас стали отправлять в статусе пропагандистских отрядов. Первый раз мы провели под Пекином около двух месяцев. Так и случилось первое мое соприкосновение с Китаем большинства»* (с. 60). В приведенном фрагменте совмещение линий происходит через использование неопределённо-личных предложений, а также через когнитивную деятельность героини-рассказчицы, которая проводит мыслительную операцию сопоставления Советского Союза и Китая (предложение с сопоставительным союзом *как...так и*), а также обозначает роль данного эпизода в её жизни – это «первое соприкосновение с Китаем большинства»). Стоит отметить, что сопоставления «жизни в Пекине и жизни в Харбине», «жизни в Китае и жизни в СССР», «атмосферы в Китае до отъезда в СССР и после», «Китая до культурной революции и после», «СССР до перестройки и после» являются важными фокусами повествования Инны, поскольку напрямую связаны с внутренним конфликтом её двоемирия и этнической самоидентификацией, при этом такая внутренняя рефлексия в тексте сопровождается совмещением всех трёх композиционно-тематических линий. Например, следующий эпизод

отражает не только результат ослабления отношений между двумя странами, но и то, как переживала социальные изменения сама героиня: *«В Пекине я опять испытала неприятное чувство – словно уезжала из одной страны, а вернулась в другую. Раньше в китайской столице были целые гостиничные городки, населенные советскими людьми, со своими клубами, кинопоказами. Маленький советский мир, частью которого я тоже себя ощущала. А тут я выхожу на улицу – никаких советских лиц. Пустые гостиницы, пустые клубы. И у нас дома тоже как будто воздух выкачали»* (с. 42-43).

Сравнение СССР и Китая проходит даже через те эпизоды, в которых нет личной рефлексии героини-рассказчицы: *«Мама вспоминала, что когда отца брали в СССР, в день Красной армии, то не хватало воронок, и папу пешком под конвоем провели с улицы Горького на Лубянку, по Кузнецкому Мосту. А в Пекине перевозили на легковушках, никакого пешего хода* (с. 112-113). В данном фрагменте через воспоминания мамы передаются исторические детали, однако сам факт включения данного воспоминания «другого» в линию повествования оказывается связанным с когнитивным процессом сопоставления, который проходит через весь текст, и является отражением внутреннего ментального (а не внешне событийного) фокуса в повествовании.

Таким образом, фрагменты, в которых происходит совмещение композиционно-тематических линий, оказываются максимально приближенными к «я в настоящем» или «я рассказывающему», поскольку героиня-рассказчица выступает не просто как комментатор-посредник между изображённым миром и временем адресата/читателя (например, когда забегают вперед в повествовании, объясняет значения слов или даёт информацию об исторических деятелях и предметах быта), но и как носитель идеологической точки зрения, то есть «общей системы идейного мировосприятия». Идеологическая точка зрения «наименее доступна формализованному исследованию» [Успенский 1970: 16] и «свидетельствуют прежде всего о каком-то определенном отношении автора к описываемому объекту» [Успенский 1970: 23]. Стоит отметить, что героиня-рассказчица не даёт прямой оценки историческим событиям: *«я не политический*

мыслитель, поэтому не даю оценок, не делаю выводы; я просто наблюдала за событиями изнутри – и очень близко принимала их к сердцу» (с. 240). Однако, при композиционном совмещении линий мы имеем дело не просто с «восприятием событий» и изображением их изнутри в репродуктивном регистре, но и с появлением фигуры «я в настоящем», которая, в свою очередь, является субъектом оценки и носителем идеологической точки зрения.

В рассматриваемом тексте выделяется ещё один способ совмещения «личного» и «исторического» – через особое внимание к предметам и деталям окружающего мира, что было отмечено в параграфе, посвященном личной линии.

Рассмотрим начало главы «Государственные яблочки»: *«К моменту поступления я уже немного знала испанский: целый год мы с Аллой занимались у кубинской журналистки (и бывшей актрисы) Марии Офелии. Она подарила нам кучу кубинских дамских журналов, поскольку, вопреки революционным порывам, Куба еще не прониклась духом социалистической морали и право на развлечения не отрицала»* (с. 57). Приведённый фрагмент является продолжением рассказа Инны о своем круге общения, в который входили не только родители и сестра, но и представители разных стран. Затем героиня-рассказчица делает вывод о своем характере: *«Считалось, что это очень буржуазная, испорченная группа. Хотя на самом деле буржуазной и испорченной была только я»* (с. 57). Так, с самого начала главы происходит совмещение линий: личной (дейктики «я»/«мы»; приведенные фрагменты передают информацию о жизни героини; появляется фигура комментатора, который смотрит на себя из другого временного плана) и социально-исторической (комментарий про Кубу; речевой план героини-рассказчицы передает политические тенденции времени, например, через определения «буржуазная испорченная группа», «дух социалистической морали», «право на развлечения»). Затем в такое описание атмосферы времени включается предметная доминанта. Акцент на предметах сопровождается нехарактерными для речевого плана героини-рассказчицы эмоциональными комментариями: *«Одним из буржуазных преступлений, инкриминируемых студентам, стала вечеринка, которую они устроили по случаю европейского Нового года. Причем*

давным-давно, еще в школе. Они – о ужас! – поставили елочку. И не только пели испанские песни, не только танцевали, но и варили кофе. Кофе!!! Кошмар, испорченность! А несколько мальчишек, это уже в институте, удрали за пределы кампуса и заказали себе лапшу в трактуре. Какой позор. Лапша – в трактуре. Теперь им было велено обдумывать свою испорченность и публично каяться. Я сидела на собраниях и тихонечко думала насчет себя: “Что же тогда сделают со мной, если до меня доберутся?”» (с. 58). Этот эпизод становится точкой слияния параллельных линий: в нём мы видим и иронию героини-рассказчицы относительно того, как небольшие детали, предметы быта, могут стать буржуазными преступлениями (*Кошмар, испорченность! Какой позор*): такие предметы как «ёлочка» или «кофе» расширяются до масштаба социального явления, преступления. В рассматриваемом фрагменте происходит включение реактивного регистра, поскольку реплики «*о ужас!*», «*Кошмар, испорченность!*», «*Какой позор*» отражают эмоциональную реакцию героини-рассказчицы в моменте воспроизведения воспоминания. Финальным штрихом этой части является воспоминание Инны о том, в чём она «покаялась»: «*Я слушала покаянные выступления и взвешивала, что смогу написать, а чего не буду писать ни за что. Я же не стану рассказывать, что я каждое утро пью кофе дома <...> Я вспомнила случай, как мы с мамой в курортном районе ходили по какому-то государственному саду. И я там подобрала упавшие яблочки, позволила себе их съесть. Государственные яблочки съела. Так и написала*» (с. 58-59). В образе «государственных яблочек» сочетаются сразу три смысловых компонента: предмет (яблочки), социальные процессы, происходящие в университетах и являющиеся отражением общеполитических тенденций, а также характеристика внутреннего мира и переживаний героини. Такой прием совмещения смыслов в одном текстовом фрагменте позволяет делать акцент на данном эпизоде: не случайно эпизод вынесен в самое начало главы и является своего рода введением к ней.

В отличие от личной композиционно-тематической линии, где воспоминания о воспринимаемом мире передаются языковыми средствами

репродуктивного регистра, при совмещении линий включается реактивный регистр, позволяющий проследить за реакцией автобиографического «я в настоящем». Кроме того, в таких эпизодах отражена ментальная оценка героини-рассказчицы, которая не просто маркирует то, что она видела, то наделяет это значимостью. Рассмотрим одно из воспоминаний о «жизни с крестьянами» в Китае: *«А еще там был один как бы помещик. Ну, я помнила литературных помещиков у Льва Толстого, Тургенева, в русской классике. От бабушки слышала осторожные предания о нашем собственном помещичьем роде. А тут живой помещик! При этом китайский. И практически нищий. Дом у него был побольше, чем у соседей, но землю и все прочее экспроприировали, и все пришло в такое запустение, что просто кошмар. Сплошная грязь, убогость, неустроенность. Он сам был молодой, лет сорока. Но такой весь забитый, жалкий. И в основном отмалчивался – видимо, не знал, что говорить, а о чем лучше не стоит...»* (с. 62). Образ помещика передан глазами героини: она описывает внешность и поведение (визуальная перцепция), оценивает уровень его жизни. Ранее мы уже говорили о потенциале номинативных предложений в воспроизведении момента «сейчас» (см. глава 2, параграф 1): так, несмотря на использование прошедшего времени и отсутствие диалогов «я-здесь-сейчас», можно говорить о максимальном фокусе на том, что видит героиня, поскольку читатель словно проходит взглядом вслед за ней – это является маркером репродуктивного регистра. Обратим внимание на использование элементов субъективного выдвигания: восклицания («*А тут живой помещик!*»), вводных слов («*видимо*»), парцелляции («*При этом китайский. Практически нищий*»), элементов когнитивной оценки (условно-предположительное сравнение «*как бы помещик*»). Включение элементов субъективной оценки может указывать на значимость данного воспоминания для героини-рассказчицы, что объясняется еще и фоновым включением сопоставления образа помещика в России и Китае, то есть происходит формирование имплицитной линии в структуре текста, которая связана со внутренним переживанием ситуации культурного и языкового двоемирия – и выделение этой смысловой линии, как мы видим, происходит через

точки совмещения композиционно-тематических линий и фигуру автобиографического «я в настоящем». Можно говорить о том, что на таком стыке происходит формирование той самой трудно выявляемой «идеологической точки зрения» (Б. А. Успенский), которая является важной для понимания автобиографического нарратива, в котором отражены не только воспоминания человека, но и представлена аксиологическая сфера личности.

Рассмотрим еще одно воспоминание, включающее сопоставление двух стран через фигуру автобиографического «я в настоящем»: *«Но 18 августа почему-то сразу стало ясно: на таких парадах мы еще не бывали. Конечно, Тяньаньмэнь – это вам не Красная площадь, а его трибуна не Мавзолей. <...> Первое, что бросилось в глаза: Мао Цзэдун в военной форме. Начиная с 1930-х годов он ходил в сером, реже в синем кителе, полувоенном, но это все же не армейская форма. А теперь он был одет по-военному, в ярко-зеленую форму, на рукаве повязка – точно такие носила молодежь, с надписью “Хунвейбин”. Кстати, слово “хунвейбины” в тогдашних советских газетах сначала переводили как “красные охранники”. На самом деле слово связано с понятием “красногвардеец”: в 1920-е годы в Китае тоже были отряды красногвардейцев, но, видимо, в России не захотели поддерживать такую революционную коннотацию»* (с. 80). В рассматриваемом фрагменте происходит совмещение информативного регистра (комментарий о том, в чем ходил Мао Цзэдун, а также о переводе слова «хунвейбин») и репродуктивного (передача визуального восприятия героини) при рассказе о важном политическом событии, участником которого была Инна. Несмотря на отсутствие восклицательных предложений и вводных конструкций с семантикой субъективной оценки, как это наблюдалось в предыдущем примере, можно говорить о включении реактивного регистра: так, в предложении *«Конечно, Тяньаньмэнь – это вам не Красная площадь....»* используется элемент субъективной модальности (вводное слово «конечно»), местоимение «вам» включает адресата/читателя в диалог, а сопоставление площади Тяньаньмэнь с Красной площадью (а затем и параллель с красногвардейцами) включается в выделенную ранее линию «внутреннего

переживания». Ведущая роль субъекта «я в настоящем» выявляется и через забегание вперед по временной шкале: *«Все соратники Мао тоже были в военной форме, за исключением второго человека в партии, Лю Шаоци, который был в сером, гражданском, и стоял довольно далеко от центра. Только впоследствии мы узнали, что незадолго до парада хунвейбинов прошел пленум ЦК, который не сместил Лю Шаоци окончательно, но отодвинул его далеко назад. То есть и форма, и место на трибуне – это был сигнал, что его политическая карьера заканчивается»* (с. 80-81). Репродуктивный регистр («все соратники Мао тоже были в военной форме...») сменяется информативным, посредством которого героиня-рассказчица не просто передает информацию об эпохе, но и делает вывод о том, что значила серая форма Лю Шаоци.

Таким образом, оценка героини выражается не только вводными словами, восклицательными предложениями, вставными конструкциями, но и через предложения со сравнительными и пояснительными союзами, а также на когнитивном уровне сопоставления как двух стран, так и жизни в этих странах «до и после» важных социальных изменений.

Обобщение сказанного выше позволяет заключить, что **совмещение** композиционно-тематических линий состоит в использовании в одном текстовом фрагменте разных регистров при повествовании о событиях, в которые оказалась непосредственно включена героиня и/или её семья.

Тактикой говорящего при совмещении композиционно-тематических линий можно назвать стремление к экспликации внутренней рефлексии относительного изображаемых событий: такие фрагменты отличаются эмоциональностью, оценочностью, а также концентрацией на когнитивной деятельности и внутреннем переживании, что позволяет объединять все три фигуры «я» автобиографического нарратива и выделить важные точки ценностной сферы героини-рассказчицы.

3.3 Роль фигуры комментатора в организации информационной структуры нарратива

Одной из важных жанрообразующих особенностей автобиографического нарратива является тройная эгоориентированность автобиографического «Я»: в тексте сосуществуют «Я как субъект речи», «Я как объект, о котором рассказывает “Я”», «Я как субъект, наблюдающий и осознающий самого себя» [Породин 2006: 58-63]. Такая субъектная структура усложняет временной план прошлого и будущего в тексте, а также позволяет выявлять разные планы оценки изображаемых событий.

В документальной повести «Русский иероглиф» мы также находим три фигуры автобиографического «Я»:

Фигура «Я как объект, о котором рассказывает “Я”» представлена двумя ипостасями: субъектом действия и субъектом восприятия. *Субъект действия* рассказывает о происходящем изнутри, даёт комментарий событию из момента прошлого (в этом случае данная фигура сближается и иногда сливается с фигурой комментатора), передаёт хронологию событий. На грамматическом уровне проявлен через использование дейктиков (я, мы), неполных предложений (в которых нет необходимости в подлежащем), глаголов (часто – совершенного вида прошедшего времени при передаче динамики и последовательности событий), двусоставных предложений, в которых субъектом действия является кто-то из непосредственного окружения героини (мама, сестра, отец, другие студенты, тюремщик и т.д.). *Субъект восприятия* «фотографирует» момент прошлого, при этом акцент смещается на предметы, их расположение в пространстве, на то, что видит и слышит героиня, что находит отражение в использовании глаголов чувственного/рецептивного восприятия, номинативных предложений, определений, рисующих читателю детали предметного мира и погружающих его «в кадр», прямой речи, цитат, передающих воспринимаемые слова, а также глаголов настоящего времени, которые изображают событие как будто в момент

его проживания – то есть появление субъектов действия и восприятия на речевом уровне оформляется средствами репродуктивного регистра, что было рассмотрено ранее в работе.

Проявление фигуры «Я как субъект речи» связано с появлением «комментатора», который организует *нить повествования*, документирует, даёт информацию исторического и культурологического характера относительно происходящих событий, находится максимально близко к читателю, то есть оценивает события из момента рассказывания об этом событии. На грамматическом уровне обнаруживает себя через использование неопределённо-личных предложений, вставных конструкций, вводных слов (при указании на источник сообщения, а также для организации мысли), сложных бессоюзных предложений, в которых вторая часть является комментарием к первой. На лексическом и фактологическом уровне эксплицируется обращение к реальным историческим фигурам, датам, документам, есть отсылка к элементам быта или культуры с последующим комментарием. Так, например, в следующих фрагментах героиня-рассказчица комментирует культурные особенности 1970-х гг.: *«В середине 1970-х вдруг дали разрешение показывать в учреждениях кино из запасников. (Все крупные конторы имели свою кинопередвижку, аппаратуру и архивы старых фильмов, в основном советских.) Наш институт не исключение»* (с.180); *«Меня больше интересовала литература на русском, но никакого самиздата в Китае не было: его в конце 1970-х годов заменяла так называемая литература для внутреннего пользования, которую печатали официально, типографским способом и распространяли в закрытом режиме, по спискам»* (с. 181). Введение таких комментариев можно рассматривать не просто как воспроизведение воспоминаний, но и как акт коммуникации с адресатом/читателем, поскольку говорящий, предугадывая возможное несоответствие в объёме знаний участников коммуникации, восполняет их за счёт введения дополнительной информации. Так, в следующем фрагменте, героиня-рассказчица комментирует такое явление китайского быта как *кан* и при этом ищет аналогию в русской культуре, тем самым предвосхищая возможные

трудности в понимании своего рассказа: «В крестьянских домах был кан; в русском языке есть такое заимствованное слово: на Севере так называли что-то вроде огромной лежанки, под которую заводили дымоход для обогрева. Он полкомнаты занимал, этот кан. Ночью люди на нем спали, а днем складывали одеяла, ставили на кан маленький столик и за ним ели. Сидеть нужно было, сняв обувь и поджав ноги» (с. 61).

Речь героини-рассказчицы как субъекта-комментатора оформлена средствами информативного регистра, то есть направлена в первую очередь на информирование адресата, передачу собственных знаний, восполнение знаний адресата, при этом не только в социально-исторической линии, но и в личной и семейной: «И, прощаясь, он вдруг встал, обнял меня и попросил: “Позвони тете Гране, скажи, пусть к нам не приходит”. (Тетя Граня – мамина подруга, Агриппина Ефимовна, бывшая жена китайца, к тому времени они развелись.)» (с.112); «Но хотя у папы действительно был с собой пузырек с лекарствами (он с 1952 года, после всех политических своих неурядиц, не мог спать без снотворного), таблеток в пузырьке было немного – и больше быть просто не могло» (с. 113).

Через фигуру субъекта-комментатора организуется проспективное и ретроспективное повествование, то есть забегание вперед и назад: «Так что мне в тюрьме было привычнее, чем ей, проще приспособиться. (Но опять я забегаю вперед, не могу удержаться)» (с. 48); «Я не успела прочесть, не рассмотрела, чья подпись, просто, как во сне, что-то черкнула. А мама (о чем я узнаю много лет спустя) ухитрилась и подпись разобрать, и прочитать бумагу» (с. 125); «И потом, когда я выйду из тюрьмы, обнаружу, что газеты продолжали приносить в наше вынужденное отсутствие... Но не буду забегать вперед. Продолжу о странностях начала 1960-х.» (с. 45); «Мы сидели в саду и слышали, как бьют посуду, ломают и выкидывают мебель”. Сейчас, задним числом, мне трудно восстановить свою тогдашнюю логику» (с. 83). В приведённых фрагментах переход между двумя формами автобиографического «Я» маркируется сменой грамматического времени глагола: так, в речевой зоне «рассказывающего я»

появляются глаголы настоящего и будущего времени, в то время как событийный ряд изображаемого мира передаётся формами прошедшего времени. Такого перехода может не быть, если ситуация-комментарий соотносится со временем рассказа о событии, а не с речевым планом «рассказывающего я»: *«Отец как минимум не возражал, тем более что одна из моих старших сестер от его третьего китайского брака (до отъезда в Россию и знакомства с мамой он успел несколько раз жениться и развестись) тоже училась в Москве, окончила Институт стали и сплавов»* (с.38); *«И тем же путем, каким меня доставили в тюрьму, повезли обратно. (Аллу, как выяснилось, уже отправили в Пекин несколькими часами ранее.)»* (с. 141); *«Через двадцать месяцев (уже Андропов успел воцариться) я заявила в посольство – с паспортом и с приглашением»* (с. 223). Во вставных конструкциях обнаруживаются маркеры времени («до отъезда в Россию», «несколькими часами ранее», «Андропов успел воцариться»), которые соотносят информацию, вводимую вставной конструкцией, с другим событием в прошлом – таким образом, фигура комментатора помогает выстраивать сложную временную систему нарратива.

Временная система повествования организуется и на когнитивном уровне героини-рассказчицы, поскольку через её сознание происходит сопоставление и совмещение плана прошлого и настоящего: *«Но особенно остро я пережила свою раздвоенность, когда поступила в Бэйвай (так сокращенно называли Пекинский институт иностранных языков; теперь он получил статус университета)»* (с. 47); *«А в Пекине русская диаспора была совсем маленькая, около тысячи человек, в основном бывших эмигрантов, которые не смогли найти себе пристанище за пределами Китая и в итоге приняли советские паспорта. (Советским специалистам тогда еще не позволяли брать с собой жен и детей.)»* (с.34); *«Очень редко торжества проходили дома у жениха или невесты: среди нас мало было пекинцев. Приносили конфеты (тогда они были нормированные), семечки, обычные орешки»* (с. 168); *«А я отправилась в приемную Госсовета, и меня в нее пропустили (тогда все это было достаточно свободно)»* (с. 175).

В речевой зоне субъекта-комментатора вербализуется оценка («*Потом сверху (но явно не от Мао) было спущено указание слегка поприжать бунтарей*» (С.73); «*Через день ему (как я думаю) помогли уйти из жизни*» (с.11)), а также процессы, связанные с непосредственным актом коммуникации (например, трудности в переводе): «*“Чистопородных” русских именовали маоцзы, что значит “волосатик”. А эрмаоцзы... Даже не знаю, как перевести. Что-то вроде потомки волосатиков*» (с. 36).

Анализ субъектной сферы рассматриваемого текста осложняется жанровой природой произведения, поскольку отсутствует тождество автора, повествователя и героя, характерное для автобиографических нарративов. Отметим, что именно в речевой зоне комментатора проявляется фигура повествователя, который организует коммуникацию с читателем: «*Я впоследствии расспрашивала у советских коллег: что им в те годы было всего труднее достать? Они отвечали: Булгаков, Пастернак, Платонов, подпольно – Солженицын... А в Китае мне доставали Горького! Фадеева помогли перечитать! Нынешний читатель может мне не поверить, но огромной популярностью пользовались романы Всеволода Кочетова – его официально переводили в КНР, он считался представителем здоровых сил, врагом оппортунизма. Я прочитала “Чего же ты хочешь?” именно по-китайски*» (с. 178). Появление фигуры повествователя можно предположить во фрагментах текста, переданных через генеритивный регистр, как, например в начале главы «Мама и папа»: «*Жители Студёнки мечтали вернуться в дореволюционную идиллию. Но чтобы дворянка Кишкина и коммунистический вождь Ли Лисань могли встретиться и пожениться, как раз и нужен был XX век, который смёл (и заново установил) границы, перемешал народы, разрушил сословные перегородки*» (с. 17). В приведённом фрагменте прослеживается оценивающе-обобщающая позиция по отношению ко всей истории повести, в то время как героиня-рассказчица комментирует конкретные исторические события, явления социальной жизни, сопоставляет культурные и политические особенности жизни двух стран.

Рассмотрим еще одну фигуру – это «Я как субъект, наблюдающий и осознающий самого себя» [Породин 2006]. В нашей работе мы будем называть такую форму реализации автобиографического «я» «субъектом-наблюдателем». *Субъект-наблюдатель* выполняет функцию оценки себя и своих действий со стороны, из момента сейчас, соотносится с саморефлексирующим сознанием рассказчицы, что помогает раскрыть читателю образ героини, ее внутренние переживания, о которых она не всегда говорит прямо. Рассмотрим примеры.

Рассказывая о первой поездке в Китай к отцу, героиня-рассказчица даёт комментарий обобщающего, ассоциативного характера, то есть смотрит на ситуацию как бы со стороны (*«Наверное, это напоминало путешествие Чука и Гека из рассказа Гайдара»* (с. 25). Фрагмент-воспоминание (случай из детского сада) также описывается с позиции наблюдателя: *«Дали веер и научили меня ходить “по-китайски”. И я пела революционную песню в “контрреволюционном” костюме. Подозреваю, что было очень смешно»* (с. 30). Затем появляется фигура комментатора, дающая информацию культурологического характера: *«Кстати, интеллигентные китайцы одевались тогда по-европейски. А китайцы простые ходили в задрипанной одежде. Зимой – халаты на вате. На голове шапки с длинными ушами, что-то вроде малахаев, но подбитые ватой, а не мехом. И у китайских солдатиков тех времен форма тоже была ватная, не шерстяная. И ватные шапки, делающие людей очень неуклюжими»* (с. 31). Для того, чтобы выразить точку зрения на шапки («делающие людей неуклюжими»), героине сначала нужно быть субъектом восприятия (увидеть эти шапки), при этом данный фрагмент вводится также, как вводилась информация о непосредственно воспринимаемом мире в репродуктивном регистре (номинативные предложения, отсутствие акциональных глаголов или глагол мыслительной деятельности), что указывает на то, что это не просто «документируемая», но ещё и осмысленная деталь, фрагмент мира, который был воспринят наблюдателем, а потом оценен.

Таким образом, в одном фрагменте происходит совмещение личной и социально-истерической линий, а также зон разных субъектов автобиографического «я».

Одним из языковых маркёров зоны наблюдателя являются вводные слова, выражающие эмоциональную оценку говорящего: *«Мне подобного пережить не довелось, слава богу. В студенческой среде тоже началось насилие, но оно проявлялось иначе»* (с. 87); *«В общем, проскользнули. Я мчалась со всех ног. Думаю: а Ляля как? Добежала, не добежала? К счастью, она добралась даже раньше меня»* (с. 85); *«Но все равно с весны 1967 года у нас дома постоянно проходили обыски – к счастью, в мое отсутствие»* (с. 107).

Присутствие фигуры наблюдателя (в отличие от комментатора) маркирует передача информации в реактивном регистре, что подчёркивает особую эмоциональную значимость воспроизводимого фрагмента для говорящего. Таким включением отличаются фрагменты, связанные с духовной, интеллектуальной жизнью. Например, включение реактивного регистра при воспроизведении воспоминаний о чтении газет во время пребывания в тюрьме: *«События в Чехословакии меня особенно потрясли. В “Жэньминь жибао” было опубликовано выступление Чжоу Эньлая на приеме в румынском посольстве. <...> Боже мой, какой тон! Звучат слова “социал-фашизм”, “социал-империализм”... На следующий день появились фотографии танков на улицах Праги, людей, которые пытаются им помешать...»* (с. 132). При описании атмосферы дома: *«В своем китайском – коммунистическом, партийном! – доме я привыкла общаться с мамой и отцом, обсуждать любые те-мы – и литературные, и политические, и научные»* (с. 38).

Кроме того, эмоциональными становятся воспоминания, связанные с возможностью прикоснуться к жизни и культуре СССР в те моменты, когда это по каким-либо причинам было трудно сделать. Примерами таких воспоминаний являются эпизоды нахождения учебника по советской литературе, празднования русского Нового года, знакомства с китайским помещиком и др. Так, Инна обрадовалась, когда обнаружила плавленый сырок «Дружба», оставшийся в сумке после того, как из неё изъяли другие продукты: *«Прихожу домой – и обнаруживаю, что в уголок сумки завалился плавленый сырок “Дружба”. А плавленого сыра даже в Пекине не было – его иногда нам из Москвы присылали*

родственники. Я смотрю – ах! Какое счастье. До сих пор помню этот вкус» (с. 64). В приведённом фрагменте реактивный регистр включается в репродуктивный, что позволяет передать не только рецептивные ощущения, но и эмоциональные реакции.

Таким образом, как субъект-комментатор, так и субъект-наблюдатель являются важными фигурами для всего повествования: первая фигура чаще всего сопряжена с комментированием исторических и социальных событий, вторая фигура – личных изменений. На синтаксическом уровне центральным средством экспликации обеих фигур являются вводные слова разной семантики и вставные конструкции, а также синтаксические средства с функцией комментария (например, бессоюзные предложения), определения с оценочной семантикой («С этого трагикомического эпизода начинается история моих пересечений с хунвейбинами. Поначалу почти безобидная» (с. 85)). Кроме того, данные фигуры организуют коммуникацию с читателем, поскольку дают ему дополнительную информацию, необходимую для понимания исторических, культурных, социальных явлений, а также событий, происходивших в жизни Инны. И субъект-комментатор, и субъект-наблюдатель участвуют в формировании стратегии целого текста, поскольку в неё включается не только стратегия автора как создателя текста, но и стратегия рассказчика, дающего интервью. Функцией рассмотренных в настоящем параграфе субъектов является введение эмоциональной и ментальной оценки, а также передача знаний с целью восполнения знаний адресата: при этом информация может быть как максимально объективной, почти документальной, так и основанной на собственных выводах и опыте.

Выводы по третьей главе

Элементы информационной структуры – композиционно-тематические линии – находятся в постоянном взаимодействии друг с другом в структуре

автобиографического текста. В работе были выделены два основных способа такого взаимодействия – *мена и совмещение*, однако важной оказывается и роль *фигур комментатора и наблюдателя*.

Мена композиционно-тематических линий представляет собой переход между фрагментами текста, в которых повествование ведется об исторических/социальных событиях, и эпизодами личной и семейной жизни героини, при этом композиционно-тематические линии отличаются самостоятельностью, а сам переход чаще всего отражает резкое изменение состояния дел. Общая картина происходящего формируется через линейное движение от одного текстового фрагмента к другому. *Мена* делает повествование динамичным, эмоциональным, в качестве основной *тактики* можно назвать стремление показать проживание истории отдельным человеком или группой людей: так, события социальной и политической жизни даются не просто как задокументированные факты, но и как явления, оказавшие влияние на жизни людей. Особую роль в реализации названной тактики играет *мена с детализацией*, которая предполагает переход от информативного к репродуктивному регистру, движение от описания «общего события» к конкретному примеру из частной жизни.

Совмещение композиционно-тематических линий представляет собой такой способ организации информации, при котором композиционно-тематические линии вводятся одновременно в одном текстовом фрагменте. Совмещение становится возможным через активное использование неопределённо-личных предложений, а также фигуру героини-рассказчицы, осуществляющую операции сопоставления и противопоставления различных социальных явлений и особенностей времени.

Совмещение композиционно-тематических линий позволяет выделить ценностно значимые для героини-рассказчицы фрагменты, в которых обнаруживается как ментальная, когнитивная, так и внутренняя, эмоциональная оценка происходящих событий. При таком способе взаимодействия элементов информационной структуры проявляется «я рассказывающее» (субъект-

комментатор). *Тактикой* говорящего является изображение внутреннего проживания истории и рефлексия относительно описываемых событий. Именно совмещение придаёт объективному, детальному, документальному, несколько «сухому» повествованию героини-рассказчицы эмоциональность и позволяет показать историю глазами отдельного человека.

Тройная эгоориентированность автобиографического «Я» является жанрообразующей особенностью автобиографического нарратива: помимо «я как объекта, о котором рассказывается», появляются «я как субъект речи» (субъект-комментатор) и «я как субъект, наблюдающий и осознающий самого себя» (субъект-наблюдатель). Изучение особенностей речевого плана фигур комментатора и наблюдателя позволяет выделить следующую *тактику*: совмещение разных временных планов в тексте, которое позволяет говорящему (героине-рассказчице) представлять информацию объёмно, сопоставлять события в разных странах, забегать вперед и назад в своем повествовании. Именно данные фигуры организуют коммуникацию с адресатом, поскольку учитывают объем знаний, чтобы оценить необходимость введения дополнительной информации (комментария).

Опираясь на результаты анализа способов взаимодействия элементов информационной структуры, уточним стратегию текста (в неё включается как стратегия говорящего, так и стратегия автора, поскольку именно он отбирает и организует материал интервью в единое целое): динамичное, максимально объективное, близкое к документальному изложение сменяющих друг друга событий личной и общественной жизни в их тесной взаимосвязи через изображение перцептивно воспринимаемых деталей предметного мира, введение элементов эмоциональной и ментальной оценки, диалоги с близкими людьми, а также сопоставление фактов и событий истории Китая и СССР разных временных периодов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании была рассмотрена информационная структура и особенности её речевого воплощения в документальной повести А. Н. Архангельского «Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой» (2022).

Рассматриваемое произведение может быть отнесено к автобиографическому жанру с одной оговоркой – отсутствие единства автора и героя, что усложняет понятийный аппарат нашего исследования, поскольку появляется необходимость разграничивать повествователя и героя-рассказчика в тексте, определить стратегии и тактики говорящего (Инны) и автора текста, анализировать композицию внешнюю (она соотнесена с тактиками и стратегией автора) и внутреннюю, опирающуюся на понятие «точка зрения» (она, в свою очередь, в большей степени соотнесена с тактиками и стратегиями героини-рассказчицы, однако не исключает роль автора как организатора текстового материала).

Изучение композиционной и информационной структур автобиографического нарратива необходимо проводить с учётом особенностей речевого воплощения в тексте разных видов памяти (личной, семейной и коллективной) и способов их взаимодействия. С этой целью в исследовании предложена единица дискурсивного анализа – композиционно-тематическая линия, которая 1) формируется с учётом событийно-тематического единства; 2) позволяет обнаруживать пространственно-временную и идеологическую позицию говорящего относительно изображаемого мира (то есть учитывает «точку зрения»); 3) отличается единообразием речевых средств изображения окружающей действительности.

Анализ речевых средств композиционно-тематических линий проводился с опорой на концепцию коммуникативных регистров Г. А. Золотовой и показал следующие особенности: выбор регистра и речевых средств зависит от тактики

представления говорящим событий в каждой из рассматриваемых единиц. Так, при описании непосредственно воспринимаемых явлений используется репродуктивный регистр, однако в личной линии центральным грамматическим средством изображения будут номинативные предложения и определения, а в социально-исторической – неопределенно-личные предложения, в которых позицию темы занимает объектный распространитель.

Установка на документальное изображение является общей тактикой текста, однако реализуется по-разному в каждой из выделенных нами композиционно-тематических линий:

- в репродуктивном регистре личной линии она проявляется как стремление к максимально детальному изображению предметного мира;

- в семейной линии она оказывается выраженной через диалоги, монологическую прямую речь и формы косвенной речи, а также клише жанра автобиографии (происходит совмещение разных регистров: репродуктивного, волюнтивного, реактивного, информативного);

- в социально-исторической линии документальность проявляется в указании источников получения информации, точных дат, имен политических деятелей, а также описании и сопоставлении исторических событий разных периодов (преимущественно средствами информативного регистра).

Анализ особенностей передачи информации в каждой из линий позволяет выявить не только тактики говорящего (Инны), но и стратегию говорящего (Инны) – стремление к максимально объективному, полному изложению сменяющих друг друга событий личной и социальной жизни.

Изучение способов взаимодействия композиционно-тематических линий в тексте позволило описать тактики и стратегию не только говорящего, но и автора, поскольку именно им осуществлён отбор и организация материалов интервью в единое художественное целое.

Так, при *мене* композиционно-тематических линий происходит переход от исторических/социальных событий к личным или наоборот, при этом личный фрагмент является иллюстрацией того, что происходит в жизни общества в целом

– такой способ взаимодействия элементов информационной структуры делает повествование ярким, динамичным, захватывающим читательское внимание, личностно-ориентированным.

Совмещение как способ взаимодействия композиционно-тематических линий предполагает одновременное повествование о событиях личной, семейной, социально-исторической линий внутри одного текстового фрагмента, при этом наблюдается использование разных коммуникативных регистров. Текстовой тактикой при совмещении является стремление к изображению внутреннего переживания событий, их ментальная и эмоциональная оценка при внешне объективном повествовании.

Наблюдение за особенностями речевой репрезентации композиционно-тематических линий и способами их взаимодействия является важным не только при описании информационной структуры, но и при анализе *внутренней композиции* нарратива, поскольку позволяет обнаружить точки зрения, с которых подаётся информация, и проследить их изменение. Например, события личной линии представлены через сознание героини-рассказчицы, её восприятие; при введении образов родителей в семейной линии происходит разделение: одни события представлены со слов родителей, другие – через видение и интерпретацию Инны, а в некоторых случаях происходит субъективация, то есть сознание близких Других проявлено в речи героини-рассказчицы и не всегда выделено формальными средствами. В социально-исторической линии важную роль занимает фигура комментатора – максимально объективного, беспристрастного наблюдателя-исследователя, дающего дополнительную, необходимую для понимания текста информацию. Если время в личной линии является нарративным, то переход к социально-исторической линии связан с его изменением на речевой режим – то есть, линии обнаруживают разные временные точки зрения. Кроме того, при мене композиционных линий наблюдается детализация, то есть укрупнение эпизода: происходит изменение пространственной точки зрения (меняется угол «охвата» того, о чем говорит героиня-рассказчица).

Говоря о тактиках и стратегии всего текста, мы должны учитывать слова А. Н. Архангельского о цели создания всей трилогии, частью которой является изучаемая повесть, – показать путь реальных людей, живущих счастливую жизнь сквозь трагедии истории.

Таким образом, стратегией текста можно назвать стремление к осмыслению понятия «счастье», однако это осмысление происходит не через экспликацию собственной авторской рефлексии, а через изображение жизни реального человека на фоне общественных, социально-исторических изменений. Авторская стратегия складывается из рассмотренных ранее тактик говорящего, а также из анализа особенностей внешней композиции – формального деления текста на информационные блоки (главы, параграфы и т.д.).

В проанализированной нами документальной повести пролог и последняя глава образуют композиционную рамку, поскольку в них рассказывается о двух поездках Инны в Москву (одну – с мамой и сестрой, другую – с мужем), однако впечатления от них остаются схожими: отсутствие динамики, изменений в жизни людей. Следовательно, создается контраст между тем вихрем событий, который пережила героиня-рассказчица (смерть отца, китайскую культурную революцию, тюремное заключение и др.), и застывшей жизнью малой родины (в сознании людей деревни Студёнки, родовом гнезде матери Инны, сохранялись выработанные веками установки). Через сопоставление внешней и внутренней композиции проявляется важная тактика текста – оппозиция статики и динамики: проживание стремительно меняющихся событий, умение встраиваться в этот поток, при этом сохраняя способность замечать детали, воспринимать и чувствовать, внутренне переживать, не давая категоричных оценок – таким видится один из возможных ответов на вопрос о том, что делает счастливым человека на фоне любых трагедий истории.

Кроме того, в качестве финального выбран эпизод, в котором Инна рассуждает о понимании счастья в китайской и русской культурах. Такое сопоставление является финальной точкой в развитии переживания собственной национальной идентичности на протяжении всего текста. Признавая себя частью

сразу двух культур, героиня-рассказчица, тем не менее, отмечает и разницу в понимании «счастья» в разных традициях: в русской культуре оно отчасти связано с идеей страдания, в то время как у китайцев есть культ счастья, материального и духовного. Анализ информационной структуры подтверждает эту мысль: внимание героини-рассказчицы сосредоточено как на внешней, материальной жизни, на её деталях и изменениях, так и на внутренней жизни, рефлексии относительно культуры и происходящих социальных сдвигах – однако в тексте отсутствуют эпизоды жалости к себе, страдания, осуждения, а информация, которая содержит субъективно-эмоциональную оценку, передается говорящим осторожно, сдержанно и по возможности беспристрастно.

Таким образом, предложенная в работе модель дискурсивного анализа позволяет рассматривать автобиографический текст со сложной субъектной организацией как при изучении информационной структуры, так и при анализе композиции. Изучение речевого воплощения композиционно-тематических линий является одним из важных этапов выделения ключевых точек ценностной сферы говорящего, а рассмотрение приёмов взаимодействия личной, семейной и коллективной памяти в тексте необходимо при определении тактик и стратегии как говорящего, так и автора текста (в случае несовпадения этих фигур).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) *Аверина М. А.* Автобиографическая проза К. В. Назарьевой: между реальностью и мифом // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. № 3 (35). – С.107–112.
- 2) *Архангельский А. Н.* Несогласный Теодор: История жизни Шанина, рассказанная им самим. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 410 с.
- 3) *Архангельский А. Н.* Русский иероглиф. История жизни Инны Ли, рассказанная ею самой. – М.: Издательство АСТ, 2022. – 250 с.
- 4) *Алефиренко Н.Ф.* Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. №2. – С. 75-78.
- 5) *Антюхов А. В.* Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 36 с.
- 6) *Арутюнова Н. Д.* Аномалии и язык // Язык и мир человека.– М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 74–91.
- 7) *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // ЛЭС. – М., 1990. – С.136-137.
- 8) *Белобородова И. В.* Концепт «цвет» в лингвокогнитивном аспекте (на материале автобиографической прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2000. – 26 с.
- 9) *Белокурова С. П.* Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. – СПб.: Паритет, 2006. URL: <https://rus-literary-criticism.slovaronline.com/436-%D1%8D%D0%BF%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B4> (дата обращения 20.12.2023)
- 10) *Бирюкова Е. Е.* Ценность как память и память как ценность: содержательная сторона автобиографических произведений в свете современных

- психологических исследований // Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология. – 2017. № 1.2 – С. 19–22.
- 11) *Болдырев Н. Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. № 1 (042). – С. 5-12.
- 12) *Ван Дейк Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- 13) *Величко А. В.* Введение. Функционально-коммуникативная грамматика РКИ. Концепции и принципы описания // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. – М., 2009. – С. 9-21.
- 14) *Вербина О. В.* Феномен памяти: опыт прошлого или мифологизированный нарратив (к постановке проблемы) // Наука. Искусство. Культура. – 2017. №1(13). – С.177-181.
- 15) *Виноградов В. В.* Из истории изучения поэтики [Электронный ресурс]. – М., 1975. URL: http://www.opojaz.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html (дата обращения: 20.06.2023).
- 16) *Виноградов В. В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980.
- 17) *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. – М., 1971. – 240 с.
- 18) *Волошина С. В.* Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2014. № 2. – С. 267-273.
- 19) *Волошина С. В.* Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2008. – 184 с.
- 20) *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 462 с.
- 21) *Гончар И. А., Самохвалова Л. Д.* Особенности информационной структуры мемуарного рассказа В. Токаревой «Дом за поселком» (в соотношении эго-текст – жанр) // Профессорский журнал. Сер.: Русский язык и литература. – 2020. № 3 (3). – С. 2–14.

- 22) *Гончар И. А., Самохвалова Л. Д.* Понятие об информационной структуре текста в аспекте РКИ // Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях: : матер. докл. и сообщ. XXVI междунар. науч.-метод. конф. памяти Н. Т. Свидинской. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, 2021. – С. 280–284.
- 23) *Горжая А. А.* Психологическая женская проза как объект исследования // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. № 2. – С. 175-181.
- 24) *Горшков А. И.* Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. – М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. – 543 с.
- 25) *Гребенюк О. С.* Автобиография: философско-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2005. – 21 с.
- 26) *Губина С. А.* Автобиография как метод самоанализа и познания общества (социологический практикум и методологические рекомендации к курсовой работе): Учеб. пособие. – М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 1996. – 46 с.
- 27) *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. N4.–С.17-33.
- 28) *Добин Е.С.* Сюжет и действительность. Искусство детали. – Л., 1981. – 430 с.
- 29) *Доронина С. Г.* Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память // Tempus et Memoria. – 2020. Т. 1. № 1–2. – С. 36–43.
- 30) *Есин А.* Психологизм русской классической литературы: книга для учителя / А. Есин. – М.: Просвещение, 1988. – 174 с.
- 31) *Зайцева Т. И.* Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. – 376 с.
- 32) *Затеева Т. В.* Литературный портрет конца XIX — первой половины XX века: внутрижанровая типология. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. –144 с.

- 33) *Зарецкий Ю. П.* Автобиографические «Я» от Августина до Аввакума (очерки истории сознания европейского индивида). – М.: ИВИ РАН, 2002. – 323 с.
- 34) *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.
- 35) *Золотова Г. Н., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
- 36) *Зунделович Я.* Композиция // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель. – 1925. Т.1. – С. 371–374.
- 37) *Иванова Т. А.* Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной церкви: дис. ... канд. филол. наук. – М.: РГБ, 2005. – 201 с.
- 38) Информационная структура текста: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М., 2018. – с. 214 – (Сер.: Теория и история языкознания).
- 39) *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
- 40) *Июльская Е. Г.* Автобиографическое начало в литературе Древней Руси (истоки, специфика, эволюция): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 18 с.
- 41) *Каллер Дж.* Теория литературы: краткое введение / пер. с англ. А. Георгиева. – М.: Астрель; АСТ, 2006. – 158 с.
- 42) *Карасик В. И.* Интерпретация дискурса: топик, формат, модус / В.И.Карасик // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. – 2015. № 1(96). – С. 73–79.
- 43) *Карасик В. И.* Языковая пластика общения. – Москва: Гнозис, 2021. – 533 с.
- 44) *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.

- 45) *Карасик В. И.* Языковые мосты понимания. – Москва: Дискурс, 2019. – 524 с.
- 46) *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде научного доклада ... д-ра филол. наук. – М.: РАН. Институт языкознания, 2003. – 90 с.
- 47) *Кобрина Н.А.* Класс местоимений в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч.1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. / Отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – СПб.: Тригон, 2005. – С. 7-26.
- 48) *Кованова Е. А.* Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 19 с.
- 49) *Ковыришина С. В.* Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2004. – 21 с.
- 50) *Кожевников В. М.* Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевников П. А. Николаев. –М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
- 51) *Коньков В. И., Неупокоева О. В.* Функциональные типы речи: учебное пособие. – М.: Академия, 2011. – 224 с.
- 52) *Корман Б. О.* Опыт описания литературных родов в терминах автора (субъектный уровень) // Проблема автора в художественной литературе. – Ижевск, 1974. – С.219-225.
- 53) *Костырко С.* Книги: выбор Сергея Костырко [Электронный ресурс] / С. Костырко // «Новый мир». – 2022. №5. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_6/Content/Publication6_8050/Default.aspx. (дата обращения: 15.10.2022).
- 54) *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики, 2009. – С. 5-12.

- 55) *Кубрякова Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты.* – М.: РАН ИНИОН, 2000. – С. 5–13.
- 56) *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 57) *Куприченко Л. Н.* Личность и общество в биографической и автобиографической традиции Флоренции XIV – первой трети XVI вв.: дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь: РГБ, 2006. – 306 с.
- 58) *Лежен Ф.* В защиту автобиографии. Эссе разных лет. – М.: Иностранная литература, 2000. №4. – С. 108 – 121.
- 59) *Лежен Ф.* Когда кончается литература? // *Автобиографическая практика в России и во Франции.* – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – С. 261–275.
- 60) *Лисова О. О.* Взаимодействие личного и исторического в автобиографическом нарративе // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.* – 2023а. №9-2. – С.168-171.
- 61) *Лисова О. О.* Неопределенно-личные предложения как средство формирования социально-исторической тематической линии в информационной структуре автобиографической повести // *Вестник филологических наук.* – 2023б. Т. 3. № 9. – С. 41 – 46.
- 62) *Лисова О. О.* Роль композиционно-тематических линий и особенности их речевой репрезентации в автобиографическом нарративе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2023в. Т.16. Вып. 10. – С. 3330-3336.
- 63) *Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох.* / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2014. – 632 с.
- 64) *Лосева Л. М.* Как строится текст. – М., 1980. – 94 с.
- 65) *Лурия А. Р.* Язык и сознание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 413 с.

- 66) *Местергази Е. Г.* Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX века): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2008. – 246 с.
- 67) *Митина С. И.* Философский эго-текст: бытие в культуре. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2008. – 43 с.
- 68) *Митчелл Р.* Теории изучения второго. — Санкт-Петербург: Златоуст, 2022. – 559 с.
- 69) *Михеев М. Ю.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX—XX). – М.: Водолей Publishers, 2007. – 263 с.
- 70) *Молчанова А. С.* Коллективная память в контексте автобиографический произведений (на материале немецкоязычных автобиографий) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. Том 15. Выпуск 5. – С.1394-1398.
- 71) *Мысливец Н. Л.* Память коллективная versus память индивидуальная: к вопросу о симфоничности // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. –2018. № 4. – С.65-74.
- 72) *Нерсесова Э. В.* Концепция образа повествователя в ранних произведениях Генри Джеймса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2018. № 3 (31). – С. 8-13.
- 73) *Нечаева А. А.* Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2020. №2(21). – С.81-93.
- 74) *Николина Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы. – М.: Флинта; Наука, 2002. – 424 с.
- 75) *Новиков А. И.* Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 223 с.
- 76) *Новикова Е. Г.* Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь: РГБ, 2006. – 255 с.

- 77) *Нуркова В. В.* Автобиографическая память (структура, функции, механизмы): дисс. ... к. психол. н. – М., 1998. – 210 с.
- 78) *Нуркова В. В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: автореф. дисс. ... д. психол. н. – М., 2009. – 50 с.
- 79) *Нуркова В. В.* Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. – 2010. № 1. – С. 74—92.
- 80) *Нуркова В. В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
- 81) *Нюбина Л. М.* О концептуальном пространстве автобиографической памяти // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010а. № 2 (023). – С. 39-47.
- 82) *Нюбина Л. М.* Человек вспоминающий. Homo reminscent // Человек. – М.: Наука, 2010б. № 2. – С. 107-114.
- 83) *Падучева Е. В.* К интерпретации видо-временных форм в нарративном режиме: настоящее историческое // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам международной конференции Диалог. – 2010. Вып. 9 (16) – С. 375-381.
- 84) *Падучева Е. В.* Режим интерпретации как контекст, снимающий неоднозначность // Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2007 и 2008. – М.: Изд-во МЦНМО. – 2009. – С. 234-246.
- 85) *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 480 с.
- 86) *Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка [Электронный ресурс]. – 2017. – 42 с. Режим доступа: http://rusgram.ru/pdf/egocentriki_20170428_final_print.pdf (дата обращения: 15.03.2024).
- 87) *Переходцева О. В.* Память и нарратив в современной английской литературе: М. Эмис и Дж. Барнс : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 23 с.

- 88) *Плунгян В. А.* Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. – М.: Гнозис, 2008. – С. 7–36.
- 89) *Попова Т. И.* Нарратив и повествование: соотношений понятий // Вестник БГУ. Язык. Литература. Культура. – 2019. №2.– С.46-50.
- 90) *Породин И. В.* Лингвопоэтические средства выражения эгоцентрической точки зрения в литературном тексте (на материале современной немецкоязычной художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 202 с.
- 91) *Преображенская А. О.* Автобиографический нарратив как опосредующее звено формирования позиции субъекта // Сибирский психологический журнал. – 2009. №32. – С. 29–33.
- 92) *Преображенская А. О.* Динамика субъектной позиции личности в процессе психологического консультирования: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2007. – 207 с.
- 93) *Пушкарева Н. В.* Неопределенно-личные предложения как средство углубления текстового смысла // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2012. №2-2. – С.38-42.
- 94) *Пьянзина И. В.* Жанровое своеобразие мемуарно-автобиографической прозы А.А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. Наук. – Саранск, 2005. – 19 с.
- 95) *Репьевская М. В.* Нарративный анализ как метод исследования языкового сознания // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2013. №2. – С. 111-112.
- 96) *Рикёр П.* Память, история, забвение. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
- 97) *Рогова К. А.* Неопределённо-личные предложения: контексты употребления // Мир русского слова. – 2020. – № 3. – С. 13-17.
- 98) *Рогова К. А.* Введение // Текст: теоретические основания и принципы анализа. учеб.-науч. пособие. – СПб.: Златоуст, 2011. – С. 6-9.
- 99) *Романова Г. И.* Автобиографические жанры. – М.: Литературная учеба, 2003. – 200 с.

- 100) *Романова Г. И.* Автобиография // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интервак», 2001. – С. 15-17.
- 101) *Романова Т. В.* Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: РГБ, 2006. – 418 с.
- 102) *Романова Т. В.* Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. – Н. Новгород: ФГБОУ ВПО "НГЛУ", 2013. – Вып. 1(8). – С.170-181.
- 103) *Рягузова Е. В.* Коллективная и семейная память в контексте взаимодействия Я и Другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». – 2020. Т.9. Вып. 4 (36). – 324-330.
- 104) *Рягузова Е. В.* Память Другого или другая память: социально-психологический анализ коммеморативных практик // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. Т. 19, вып. 1. – С. 61–68.
- 105) *Сапогова Е. Е.* Событие в структуре биографического текста // Культурно-историческая психология. – 2006. – №1. – С.60-64.
- 106) *Сапогова Е. Е.* Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. – 2005. – № 2. – С. 63–74.
- 107) *Сапожникова Ю. Л.* Жанр автобиографии: понятие и особенности // Учёные записки ЗабГГПУ. – 2012. – № 2. – С.54-56.
- 108) *Сидельцев А. В.* Информационная структура, information structure и неканонический порядок слов в хеттском языке // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М.: Гнозис, 2016. – С.51–60.

- 109) *Скафтымов А.П.* Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классика. Сост. Е.И. Покусаева. – Москва, 1972. – 544 с.
- 110) *Скобликова Е. С.* Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: Теоретический курс. – Самара, 1997. – 324 с.
- 111) *Соловьёва И. В.* Анализ автобиографии и биографии с точки зрения субъектной перспективы // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. № 6. – С. 141–145.
- 112) *Тамарченко Н. Д.* Композиция // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.:Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 102 – 103.
- 113) *Степанов С. П.* Субъективация повествования и способы организации текста: на материале повествовательной прозы Чехова: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб, 2002. – 476 с.
- 114) *Страхов И. В.* Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов пед. ин-тов: в 5 ч. Ч. 1. – Саратов, 1973. – 57 с.
- 115) *Терехова Т. А.* Нарративный анализ как понимающий метод // Гуманитарный вектор. – 2015. № 1(41). – С. 143–152.
- 116) *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. – М., 2001. – С. 310-311.
- 117) *Тивьяева И. В.* Нарратив как форма языковой фиксации и трансляции памяти // Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. – 2016. С. 231-238.
- 118) *Тивьяева И. В.* Структурная организация мнемического нарратива // Сибирский филологический журнал. – 2020. №1. С.303-315.
- 119) *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
- 120) *Трошина Н. Н.* О школе А. И. Новикова // Информационная структура текста. – М.: Ин. РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед, 2018. – С. 7–13.

- 121) *Трубина Е. Г.* Нарратология: основы, проблемы, перспективы. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. – 103 с.
- 122) *Тульчинский Г. Л.* Символическая презентация прошлого: нарратив, уровни, формы // Человек. Культура. Образование. – 2016. №2(20). – С.6-26.
- 123) *Тюпа В. И.* Дискурс // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий – М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – С. 60.
- 124) *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. – М.: Искусство, 1970. – 225 с.
- 125) *Уржа А. В.* Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. – М.: Флинта, 2022. – 288 с.
- 126) *Уржа А. В.* Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и переводоведения // Slověne. – 2018. Vol. 7, № 2. – С. 494–526.
- 127) *Уржа А. В.* Функциональные спутники настоящего исторического в русских переводах нарративных текстов // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. –2015. №1. – С.76-94.
- 128) *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. Вып. XII. – С. 35 – 74.
- 129) *Шеянова С. В., Закирзянов А. М.* Традиции мемуарной прозы в автобиографической повести Е. Четвергова «Размышляя о прожитом» // Вестник угроведения. – 2018. Т. 8, № 1. – С. 77-85.
- 130) *Шлыкова Ю. Б.* Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: дис. ... канд. психол. наук. – Краснодар: РГБ, 2006. – 168 с.
- 131) *Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
- 132) *Щедрина И. О.* Автобиографическая память как когнитивный феномен // известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2020. №4 – С.38-42.

- 133) *Щедрина И. О.* Самосознание и автобиографический нарратив: эпистемологический анализ: диссертация ... кандидата Философских наук. – М., 2018. – 133 с.
- 134) *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
- 135) *Янская И., Кардин В.* Пределы достоверности: очерки документальной литературы. – М.: Сов. писатель, 1981. – 408 с.
- 136) *Burke K. A* Grammar of Motives. – SF: University of California Press, 2018. – 554 p.
- 137) *Chafe W.* Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Consciousness Experience in Speaking and Writing. – Chicago: The U. of Chicago Press, 1994. – 392 p.
- 138) *Chatman S.* Story and Discourse: Narrative in Fiction and Film. – Ithaca: Cornell UP, 1990. – 240 p.
- 139) *Chvany C. V.* “Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose)” // Essays in Poetics. – 1985. №10 (2). – p. 1–27.
- 140) *Fauconnier G.* Methods and Generalization // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 95-124.
- 141) *Fleischman S.* Tense and Narrativity. From Medieval Performance to Modern Fiction. – Austin, 1990. – 459 p.
- 142) *Grenoble L. A.* Deixis and Information Packaging in Russian Discourse. – Amsterdam, Philadelphia, 1998. – 338 p.
- 143) *Hooper R.* Universals of narrative pragmatics: a Polynesian case study / Linguistics, 1998. – P. 119-160.
- 144) *Labov W.* The transformation of experience in narrative syntax // Language in the Inner City: Studies in the Black English vernacular. – Philadelphia: U. of Pennsylvania Press, 1972. – P. 354-396.
- 145) *Lejeune Ph.* Der autobiographische Pakt. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. – 431 p.

- 146) *Longacre R.* The Grammar of Discourse. – N.Y.: Plenum, 1983.
- 147) *Longacre R.* The discourse strategy of an appeals letter // Mann and Thompson (eds.), 1992. – P. 109-130.
- 148) *Mann W., Thompson S. A.* Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization, 1988. – P. 243-281.
- 149) *Todorov T.* Les catégories du récit littéraire // Communications. – 1966. №8. – P. 125-151.